

Долгая дорога домой

САРУ БРИЕРЛИ

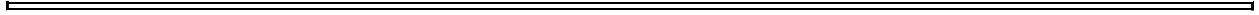
Annotation

Больше всего на свете маленький Сару любил маму, братьев и младшую сестричку. Но однажды он лишился их всех... Вместе со старшим братом Сару поехал в другой город – и потерялся. Пятилетний мальчик оказался в поезде, который увозил его в неизвестность... Малыш не знал ни своей фамилии, ни названия городка, где жил. Он надеялся, что какой-то из поездов привезет его домой, но они только увозили его все дальше и дальше...

Лишь через 25 лет Сару смог обнять свою старенькую маму. Все эти годы она не теряла надежды и ждала, что однажды ее мальчик вернется...

- [Сару Бриерли](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [1. Воспоминание](#)
 - [2. Потерялся](#)
 - [3. Выживание](#)
 - [4. Спасение](#)
 - [5. Новая жизнь](#)
 - [6. Мамино решение](#)
 - [7. Взросление](#)
 - [8. Поиски](#)
 - [9. Родной дом](#)
 - [10. Встреча с мамой](#)
 - [11. Воссоединение](#)
 - [12. Поддержание связей](#)
 - [13. Возвращение](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

Сару Бриерли

Долгая дорога домой

© Saroo Brierley, 2013

© Deposit Photos, yellek / spotmatikphoto, обложка, 2015

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

* * *

Посвящается Гудду

Пролог

Их нет.

Я мечтал об этом дне целых двадцать пять лет. Пока рос в другой части земного шара, с новым именем и в новой семье, я всегда гадал, смогу ли когда-нибудь снова увидеть маму, братьев и сестру. А теперь я здесь, стою возле ветхого дома в бедном районе маленького пыльного городка в Центральной Индии – месте, где я рос. Никто здесь не живет.

Последний раз я был здесь, когда мне было пять.

Дверь с оторванными петлями кажется намного меньше, чем мне запомнилось с детства, – теперь мне пришлось бы пригнуться, чтобы войти. Стучать смысла нет. Через окно, равно как и через щели в знакомой осыпавшейся каменной стене, я могу разглядеть крошечную комнатушку, где ютилась моя семья, потолок, которого я теперь чуть ли не коснусь головой.

Этого я больше всего и боялся: когда я наконец-то после долгих лет поиска найду свой дом, моих родных там не окажется. Мне едва удалось справиться с нахлынувшим страхом.

Уже который раз в жизни я теряюсь и не знаю, что делать. Только сейчас мне тридцать и в кармане есть деньги и обратный билет домой, но чувствую себя так же, как на железнодорожном вокзале много-много лет назад, – становится трудно дышать, мысли путаются, и я жалею, что не могу изменить прошлое.

И тут рядом открывается дверь. Из соседней (не такой убогой) квартиры выходит женщина в красном платье, на руках она держит ребенка. Видно, что она сгорает от любопытства. Я похож на индийца, но моя европейская одежда совсем новая, а волосы аккуратно подстрижены – я, вне всякого сомнения, нездешний, иностранец. Но хуже всего то, что я не знаю языка, поэтому, когда она заговаривает, могу лишь догадываться, что она интересуется, что мне здесь нужно. Я почти не помню хинди, к тому же не уверен, что смогу правильно произнести даже те немногие слова, что знаю. Я поясняю:

– Я не говорю на хинди, я говорю по-английски.

И с изумлением слышу в ответ:

– Я немного говорю по-английски.

Я указываю на брошенную квартиру и перечисляю имена тех, кто когда-то там жил:

– Камала, Гудду, Каллу, Шекила. – Потом указываю на себя и добавляю: – Сару.

На сей раз женщина молчит. И тут я вспоминаю, что мама кое-что дала мне еще в Австралии, как раз для подобного случая. Я роюсь в дорожной сумке и достаю лист бумаги формата А4 с моей детской фотографией. Я опять указываю на себя, а потом говорю:

– Маленький, – и, указывая на мальчика на фото: – Сару.

Я пытаюсь вспомнить, кто жил рядом с нами, когда это еще был мой дом. Жила ли какая-то девочка, которая теперь выросла и превратилась в эту женщину?

Она переводит взгляд с фотографии на меня. Не уверен, что она поняла, но на этот раз она нерешительно произносит по-английски:

– Люди... не живут... сейчас, – говорит она.

И несмотря на то, что она констатирует то, что и так очевидно, ее слова бьют меня как обухом по голове. Кружится голова. Я продолжаю стоять перед ней, не в состоянии пошевелиться.

Я всегда знал: даже если мне удастся найти дорогу домой, может оказаться, что моя семья переехала. За то короткое время, что я с ними жил, мы не раз переезжали с места на место – беднякам не приходится выбирать, где жить, а моя мама вынуждена была браться за любую работу.

Подобные мысли начинают вылезать из тех уголков подсознания, куда я их загнал. Я даже предполагаю, что моя мама умерла, но тут же отмахиваюсь от этой мысли.

К нам подходит какой-то мужчина, поэтому я вновь повторяю, как мантру, имена мамы – Камала, братьев – Гудду и Каллу, сестры – Шекила, и свое – Сару. Он уже собирается что-то ответить, как подходит еще один человек и перехватывает инициативу.

– Да? Чем могу помочь? – на безукоризненном английском говорит он.

Он первый, с кем я могу общаться на понятном мне языке с тех пор, как приехал в Индию. И моя история льется быстрой рекой: я жил здесь в детстве, пошел с братом и потерялся, вырос в другой стране, даже не смог вспомнить название городка, но теперь я вернулся сюда, в Ганеш Талай, чтобы попытаться найти маму, братьев и сестру. Камалу, Гудду, Каллу, Шекилу.

Моя история явно его удивила, и я еще раз перечисляю имена родных.

Через минуту он произносит:

– Подождите, пожалуйста, здесь. Я вернусь через пару минут.

В голове мечутся предположения – за чем он ушел? Приведет того, кто может знать, что с ними произошло? Может быть, даже даст их адрес? Но

понял ли он, кто я? Долго ждать не пришлось. Вернувшись, он произнес слова, которые я не забуду никогда:

– Пошли со мной. Я отведу тебя к матери.

1. Воспоминание

Когда я рос в Хобарте, на стене в моей спальне висела карта Индии. Мама – моя приемная мама, мамочка – поместила ее туда, чтобы я чувствовал себя как дома, когда я в шестилетнем возрасте, в 1987 году, приехал в эту страну, чтобы жить с ними. Ей пришлось рассказать мне, что там было нарисовано, – я был полнейшим неучем и, кажется, даже не знал, что такое карта, не говоря уже о том, что не представлял себе, как выглядят очертания Индии.

Мама весь дом украсила индийскими предметами – тут стояли статуэтки индусов, медные украшения и колокольчики, множество маленьких фигурок слонов. Я тогда еще не знал, что подобные вещи редко встретишь в обычном австралийском доме. Еще она в моей комнате развесила и разложила на комодке ткани с индийским орнаментом и поставила вырезанную из дерева куклу в яркой разноцветной одежде. Все эти предметы казались смутно знакомыми, хотя ничего из этого я раньше не видел. Другие приемные родители могли бы решить, что я еще маленький и мог бы начать жизнь в Австралии с чистого листа, так что могли бы воспитывать меня, не вспоминая о том, откуда я родом. Но родители сознательно усыновили ребенка из Индии и к тому же понимали, что цвет кожи всегда будет выдавать мое происхождение.

В детстве перед глазами проплывали сотни названий городов на карте. Еще задолго до того, как научился читать, я уже знал, что огромная буква «V» является Индией – местом, испещренным названиями городов и деревень, заполненным пустынями и горами, реками и лесами. Все это – Ганг, Гималаи, тигры, боги! – завораживало меня. Я задумчиво смотрел на карту: где-то там среди этих названий затерялось место, откуда я родом. Городок, где я родился. Я знал, что это место называется Гинестли, но было ли это название города, небольшого поселка, деревни или, может быть, улицы и где начинать поиски на этой карте, я понятия не имел.

И сколько мне точно лет, я тоже не знал. Хотя в официальных документах стояла дата рождения 22 мая 1981 года, но год установили индийские власти, а 22 мая я поступил в сиротский приют и жил там, пока меня не усыновили. Неграмотный, сбитый с толку ребенок – я мало что мог сказать о том, кто я и откуда.

Сначала мои приемные мама с папой не знали, как я потерялся. Все, что им было известно, – все, что было кому-либо известно, – это что меня

нашли на улице в Калькутте, а после тщетных попыток отыскать моих родных определили в сиротский приют. К счастью для всех нас, меня усыновила семья Брирли. Поэтому для начала мама с папой показали мне на карте Калькутту и сказали, что я приехал оттуда, – но, если честно, я впервые услышал это название от них самих. И только год спустя после моего приезда, когда я уже сносно говорил по-английски, мне удалось объяснить, что я совсем не из Калькутты – я приехал на поезде, на который сел на вокзале неподалеку от местности под названием Гинестли, а сам вокзал назывался то ли Брамапур, то ли Берампур... Точно сказать я не мог. Одно я знал наверняка: от Калькутты это очень далеко и никто не смог мне помочь найти это место.

Конечно, когда я только приехал, все занимались прежде всего моим будущим, а не прошлым. Меня знакомили с новой жизнью в мире, совершенно отличным от того, в котором я родился, и мои новые родители прилагали огромные усилия, чтобы достойно встретить все вызовы судьбы. Мама не настаивала на том, чтобы я немедленно выучил английский, так как понимала, что знание языка придет благодаря ежедневному общению. Мама полагала, что намного важнее вначале обеспечить мне уют и заботу, завоевать мое доверие. Для этого слова не нужны.

Еще она знала, что неподалеку живет индийская семья, Салин и Джейкоб, мы часто ходили к ним в гости, чтобы попробовать национальные блюда. Они разговаривали со мной на моем родном языке, хинди, задавали простые вопросы и переводили все то, что мама и папа хотели мне объяснить, чтобы я знал, как мы будем жить дальше. Поскольку я был очень маленьким, я и на хинди говорил плохо, но когда тебя хоть кто-то понимает, это помогает вписаться в новое окружение. Все, что мои родители не могли объяснить жестами и улыбками, растолковывали мне Салин и Джейкоб, поэтому мы никогда не оказывались в тупике.

Как и все дети, я довольно быстро освоил новый для меня язык. Но вначале я очень мало рассказывал о своем прошлом в Индии. Родители не стали давить на меня, ждали, когда я сам буду готов рассказать, а я, судя по всему, и виду не подавал, что вообще вспоминаю о прошлой жизни. Мама вспоминает, что, когда мне было семь, я непонятно по какой причине стал невероятно подавленным, а однажды расплакался: «Забуть! Я забуть!» Позже она выяснила, что я расстроился из-за того, что забыл дорогу к школе возле моего индийского дома, куда мы, бывало, ходили посмотреть на учащихся. Она осторожно объяснила мне, что, скорее всего, это воспоминание мне больше не пригодится. Но для меня почему-то это было очень важно. Воспоминания – единственное, что у меня было, и, оставаясь

один, я снова и снова возвращался к ним, чтобы убедиться, что ничего «не забыть».

Честно признаться, прошлое никогда не оставляло меня. По ночам воспоминания не давали мне спать. Днем было, в общем-то, лучше – я отвлекался на массу дел, но мысли о прошлом то и дело возвращались. Благодаря этому и моей решимости ничего не забывать, я мог всегда четко представить свое детство, воссоздать почти полную картину – моя семья, дом и трагические события, приведшие к разлуке с родными, остались в моей памяти с невероятными подробностями, как будто все произошло вчера. Некоторые из этих воспоминаний были приятными, некоторые – нет, но первые невозможно было отделить от вторых, и я не мог просто отмахнуться от них.

Переместиться в другую жизнь в другой стране и в другую культуру для меня оказалось не так сложно, как можно было бы ожидать, скорее всего, потому, что в сравнении с тем, что мне довелось пережить в Индии, в Австралии мне было намного лучше. Конечно, больше всего мне хотелось найти родную мать, но как только я понял, что это невозможно, решил, что должен выжить во что бы то ни стало. Мама с папой с самого начала были такими любящими, постоянно меня обнимали, делали все, чтобы я чувствовал себя в безопасности, чувствовал, что меня любят и, прежде всего, что я нужен. А это так важно для ребенка, который потерялся, который из собственного опыта знал, что значит, когда всем на тебя плевать. Я с готовностью откликался на их заботу и очень скоро стал полностью им доверять. Уже в шесть лет (я всегда считал, что родился в 1981 году) я понимал, что мне судьба даровала второй шанс, что бывает крайне редко. Я быстро превратился в Сару Брирли.

Теперь я чувствовал себя в безопасности в своем новом доме в Хобарте, мне казалось, что, возможно, неправильно заикливаться на прошлом, – чтобы начать новую жизнь, старую нужно спрятать под замок, – поэтому я хранил все свои ночные мысли при себе. Впрочем, поначалу я все равно не мог их связно высказать. И я не был уверен, что моя история такая уж необычная – меня она расстраивала, но я думал, что подобное с людьми случается. И только позднее, когда я уже стал открываться людям, понял по их реакции, что моя история – нечто из ряда вон выходящее.

Порой ночные мысли перетекали в дневные раздумья. Помню, как родители повели меня на индийский фильм «Салам, Бомбей». Образ маленького мальчика, который пытается в одиночку выжить в огромном городе в надежде вернуться к маме, всколыхнул такие болезненные

воспоминания, что я расплакался в темноте кинотеатра, а мои родители, желающие мне только добра, не поняли причины этого.

Даже любая грустная музыка (хотя чаще классическая) вызывала у меня эмоциональные воспоминания. Еще меня очень трогало, когда я видел или слышал, как плачут дети, но самые сильные эмоции я испытывал при виде многодетных семей. Думаю, даже в моей благополучной жизни они напоминали мне о том, что я потерял.

Но постепенно я стал говорить о прошлом. Уже месяц спустя после моего приезда я описал Салин в общих чертах свою индийскую семью – маму, сестру, двух братьев – и рассказал, как я отстал от брата и заблудился. Я мало что мог объяснить, но Салин всегда позволяла мне говорить о том, о чем я хотел, и не давила на меня. В конце концов, когда я стал лучше говорить по-английски, я смог уже больше рассказать родителям, например, что отец ушел из семьи, когда я был совсем-совсем маленьким. Однако большую часть времени я был сосредоточен на настоящем: ходил в школу, заводил друзей и увлекался спортом.

Как-то раз, одним дождливым воскресным днем, где-то год спустя после моего приезда в Хобарт, я удивил и маму – и себя самого, – когда стал вспоминать свою жизнь в Индии. Наверное, тогда я уже чувствовал себя более уверенно в своей новой жизни и имел в арсенале больше слов, чтобы описать то, что пришлось пережить. Я отметил про себя, что еще никогда так много не рассказывал о своей индийской семье: о том, насколько мы были бедными, что часто голодали, а еще как мама отправляла меня с котелком по соседям за обедками. Разговор вышел эмоциональным, и мама крепко прижимала меня к себе. Она предложила вместе нарисовать карту той местности, где я вырос, и когда она рисовала, я указывал, где на улице стоял наш дом, как пройти к реке, где играли все дети, где находился мост, под которым нужно пройти, чтобы оказаться на железнодорожной станции. Мы пальцами водили по дороге, а потом в мельчайших подробностях изобразили планировку дома. Нарисовали спальное место каждого члена моей семьи, и я даже вспомнил, в каком порядке мы ложились спать. Мы вновь и вновь обращались к карте и усовершенствовали ее, когда мой английский стал лучше. Когда мы только-только начали составлять карту, водоворот воспоминаний закружил меня и я рассказал маме об обстоятельствах, при которых потерялся, и она, изумленно глядя на меня, что-то записывала. Она нарисовала извилистую линию на карте, обозначила Калькутту и написала «очень длинная дорога».

Еще через пару месяцев мы отправились в Мельбурн навестить знакомых, которые взяли детей из сиротского приюта Калькутты, так же,

как и меня. Когда я взахлеб общался на хинди с такими же, как и я, усыновленными сиротами, это, конечно же, оживило прошлое. Я впервые рассказал маме, что место, откуда я родом, называется Гинестли, а когда она спросила меня, уверен ли я в этом, я ответил, даже если это и прозвучало не вполне логично:

– Отвези меня туда, и я тебе покажу. Я знаю дорогу.

Когда я вслух произнес название своего родного дома впервые после моего приезда в Австралию, тем самым как будто открыл выпускной клапан. И вскоре после этого я поведал еще более подробную версию событий одной из своих любимых учительниц в школе. Более полутора часов она тоже что-то записывала с таким же, как у мамы, изумленным выражением лица. Для мамы и моей учительницы мои рассказы об Индии были столь же удивительными, как Австралия для меня, и так же напоминали попытки понять жизнь инопланетян.

История, рассказанная им, была о людях и местах, к которым я мысленно возвращался снова и снова с первого дня моего приезда и о которых часто буду вспоминать, когда вырасту. Неудивительно, что в ней то тут, то там встречаются пробелы. Иногда я путаюсь в деталях, например путаю хронологию событий и сколько времени прошло между ними. И мне сложно отделить, что я думал и чувствовал тогда, будучи ребенком, от того, что стал думать и чувствовать двадцать шесть лет спустя. Постоянно возвращаясь к прошлому, я пытался найти там некий ключ. Возможно, я искажил какие-то факты, но большая часть моих детских воспоминаний врезалась в мою память.

Я испытал огромное облегчение, когда рассказал свою историю, как я ее воспринимал. Теперь, через два года после событий, изменивших мою жизнь, я с радостью готов поделиться своим опытом, чтобы вселить надежду в других людей.

2. Потерялся

Во-первых, я помню, как целыми днями присматривал за своей младшей сестрой Шекилой, помню ее чумазую улыбающуюся мордашку, когда мы играли в «ку-ку». И помню долгие теплые вечера в жаркое время года, когда моя семья и другие семьи, жившие в нашем доме, собирались все вместе во дворе, при этом кто-то играл на гармонике, а остальные пели. И в такие вечера я действительно чувствовал себя частью единого целого и был по-настоящему счастлив. Женщины выносили на улицу матрасы и одеяла, и мы лежали, прижавшись друг к другу, смотрели на звезды и безмятежно засыпали.

Так было в нашем первом доме, там, где я родился и в котором кроме нас жила еще одна индийская семья. Каждая семья занимала свою часть большой общей комнаты с кирпичными стенами и полом, устланным смесью навоза, соломы и земли. Жилище было простым, но точно не чоул [\[1\]](#), не трущобы, где доводится жить несчастным обитателям больших городов, таких как Мумбаи и Дели. Несмотря на тесноту, мы все отлично ладили. О тех временах у меня остались только самые счастливые воспоминания.

Моя мама была индуской, отец – мусульманином, их брак был необычным для тех времен и поэтому долго не продержался. Отец уделял нам очень мало времени – как я позже узнал, у него была вторая жена, поэтому воспитывала нас одна мама. И хотя мы не воспитывались в мусульманских традициях, мама переехала в мусульманский квартал города, где я и провел большую часть своего детства. Мама была очень красивой, худенькой, с длинными блестящими волосами – я помню, что она казалась мне самой прекрасной женщиной на всем белом свете. Кроме мамы и младшей сестры, у меня было еще два старших брата, Гудду и Каллу, которых я очень любил и хотел на них походить.

Во втором нашем доме мы жили отдельно, но в большей тесноте. Наша квартира – одна из трех квартир на первом этаже здания из красного кирпича, в каждой из них пол был глиняный. У нас была одна комната на всех, в одном углу небольшой очаг, в другом – глиняный чан с питьевой водой. Иногда мы там даже мылись. В комнате имелась одна-единственная полка, на которую мы складывали одеяла. Полка постоянно падала, мы с братьями иногда вытаскивали из стены кирпич и ради смеха выглядывали в проем на улицу, а потом все ставили на место.

В нашем городе обычно было жарко и сухо, за исключением обильных осадков в сезон дождей. В гряде холмов, возвышавшихся вдалеке, находился исток реки, которая бежала мимо стен старого города, а в сезон дождей река выходила из берегов и заливала все поля в округе. Мы ждали, когда уровень воды спадет после того, как прекращались дожди, и пытались ловить маленькую рыбку на мелководье. В городе в сезон дождей низкие подземные переходы под железной дорогой заливало водой, и по ним невозможно было передвигаться. Эти туннели были излюбленным местом игр, несмотря на пыль и мелкий гравий, которые падали на нас сверху, когда проезжал поезд.

Мы жили в очень бедном квартале города. В те времена, когда я бегал по его разбитым, незаасфальтированным улицам, там жили в основном железнодорожные рабочие, а более богатые и знатные горожане этот район считали неблагополучным. Здесь новых домов было мало, а некоторые из старых превратились в руины. Те, кто не жил в коммунальных домах, ютились, как и мы, в одной-двух комнатных домиках на узких извилистых улочках. Убранство комнат было нехитрым: пара полок, низкая деревянная скамья и, может быть, кран и водосток.

Кроме детей по улицам повсюду бродили коровы, даже в самом центре города, где они могли заснуть прямо на оживленной дороге. Свиньи спали семьями, по ночам сбивались в кучу на углу улицы, а днем гуляли, пытаясь, где возможно, найти себе пропитание. Создавалось впечатление, что они работают с девяти до пяти, а когда рабочий день заканчивается, они возвращаются «домой» спать. Никто не знал, чьи это свиньи, – они просто жили среди нас. Еще были козы, которых держали мусульманские семьи, и куры, клюющие что-то в грязи. К сожалению, на улицах было много собак, которых я боялся: хотя некоторые были дружелюбными, но большая часть – непредсказуемыми и злыми. Я стал особенно бояться собак после того, как однажды одна меня облаяла и погналась за мной. Когда я убежал от нее, споткнулся и ударился головой о разбитую плитку, которая валялась на тропинке. Мне повезло, что я глаз не выколол, но над бровью у меня образовался огромный синяк вокруг раны, которую соседка заклеила пластырем. Когда я наконец-то отправился домой, наткнулся на Бабу́, нашего местного дервиша, и он сказал мне, чтобы я не боялся собак, потому что собака кусает только тогда, когда чувствует, что ты ее боишься. Я пытался следовать его совету, но всегда нервничал, когда встречал на улице собак. От мамы я узнал, что некоторые собаки являются разносчиками смертельных болезней и могут тебя заразить, даже если они просто слегка ухватят за что-нибудь клыками. Я до сих пор не люблю

собак, и шрам над бровью у меня остался.

После ухода отца маме пришлось много работать, чтобы нас содержать. Вскоре после рождения Шекилы мама пошла работать на стройку: носить тяжелые камни на голове под палящим солнцем, шесть дней в неделю, с рассвета до заката. А это значило, что видели мы маму редко. Часто ей приходилось ездить в другие города на работу и она отсутствовала по нескольку дней кряду. Бывало, что мы видели ее только раз-два в неделю. И все равно денег не хватало, чтобы она могла прокормить себя и четверых детей. Чтобы помочь семье хоть как-то свести концы с концами, Гудду, когда ему исполнилось лет десять, устроился посудомойщиком в ресторан. И даже тогда мы часто голодали. Жили одним днем. Много раз мы выпрашивали еду у соседей или попрошайничали на улицах у рынка или на вокзале, но как-то нам удавалось выживать, живя впроголодь. Все на рассвете покидали дом и направлялись кто куда – раздобыть деньги или еду, а в конце дня возвращались, выкладывали на стол свою добычу, чтобы разделить на всех. Я помню, что почти все время чувствовал голод, но, как ни странно, меня это не слишком угнетало. Голод стал частью моей жизни, и я с ним смирился. Мы все были очень худыми, со вздувшимися от голода животами. Да, мы недоедали, но по всей Индии голодало множество детей, поэтому ничего из ряда вон выходящего в этом не было.

Как и все соседские ребята, мы с братьями проявляли чудеса изобретательности, пытаясь раздобыть еду. Иногда мы просто сбивали камнями манго с чужих деревьев. Но временами наши затеи бывали связаны с риском.

Однажды, возвращаясь домой, мы решили пойти через поля и набрали на огромный курятник, длиной где-то метров пятьдесят. Там была вооруженная охрана, но Гудду решил, что мы можем тайком вытащить немного яиц, и мы стали разрабатывать план. Мы должны были прятаться, пока охрана не отправится пить чай, потом первым в курятник проберусь я, поскольку был ниже всех ростом и меня труднее было заметить, а Гудду с Каллу должны были полезть вслед за мной. Гудду велел нам подвязать рубашки, чтобы в них, как в корзинки, можно было класть яйца. Мы должны были как можно быстрее собрать побольше яиц, потом выскочить и бежать напрямик домой.

Мы дождались в своем укрытии, когда охрана уйдет на перерыв, чтобы посидеть с рабочими, поесть индийских лепешек, выпить чаю. Нельзя было терять ни минуты, я первым забрался внутрь, стал хватать яйца. Гудду и Каллу последовали моему примеру. Но куры всполошились из-за нашего

присутствия и стали громко кудахтать, прибежала охрана. Мы тут же ринулись назад, но охранники уже вбежали в курятник и оказались всего метрах в двадцати от нас. Гудду закричал: «Врассыпную!», и мы разбежались в разные стороны. Мы были намного быстрее, чем охранники, и, к счастью, они решили в нас не стрелять. Я бежал несколько минут, потом понял, что оторвался, и оставшийся путь преодолел уже шагом.

К сожалению, в результате бега из девяти собранных мною яиц уцелело только два – остальные стекали по моей рубашке. Дома мне досталось от братьев, а мама поставила на плиту сковородку. На троих у нас было десять яиц – достаточно, чтобы накормить всю семью. Я с жадностью смотрел, как мама первый кусочек кладет Шекиле, и не сдержался – схватил жареное яйцо с тарелки сестры и выбежал из дому, невзирая на ее пронзительный, возмущенный плач.

В другой раз я проснулся очень рано, живот скрутило от голода, а есть в доме было нечего. Я вспомнил, что видел неподалеку поле спеющих помидоров, и отправился туда, полный решимости там пожить. Утро было прохладное, и я кутался в одеяло, под которым спал. Дойдя до поля, я протиснулся сквозь дыру в ограде из колючей проволоки и уже через несколько мгновений собирал помидоры и ел их прямо там, смакуя их сочную мякоть. Но тут я услышал громкий свист и заметил, как ко мне через поле несутся пять-шесть мальчишек постарше. Я бросился назад к ограде, и, поскольку был меньше их, мне удалось протиснуться в дыру, которая, я отлично это знал, для них слишком мала. Мое красное одеяло зацепилось за колючую проволоку, но мальчишки были уже близко, и мне не оставалось ничего другого, как бросить одеяло. Когда я вернулся домой, мама обрадовалась, что я принес на завтрак помидоры, но за потерю одеяла мне сильно влетело. Однако бить, как делали другие родители, она меня не стала, она вообще никогда ни одного из нас и пальцем не тронула.

Очередная авантюра, связанная с едой, едва не стоила мне жизни. Я взялся перенести через главную улицу города десять огромных арбузов для торговца, у которого была палатка на рынке. Он предложил мне за это немного денег, и я надеялся, что он отрежет мне еще и ломтик арбуза, когда я все сделаю. Но арбузы были просто огромные, а я – еще очень мал, и, пытаясь донести первый арбуз, я растерялся на оживленной улице. Следующее, что я помню, – лежу на залитой смолой дороге, голова в крови, а рядом валяется арбуз, мякоть которого превратилась в алую кашу. Мне еще повезло, что моя голова не стала таким же месивом, так как я попал под колеса летящего на большой скорости мотоцикла. Пострадала также нога. Мотоциклист пожалел меня и отвез домой. Когда я вошел, хромая,

мама испугалась и тут же повела меня к врачу, который забинтовал мне голову и ногу. Не знаю, откуда она взяла деньги, чтобы заплатить врачу.

Мои братья, взрослея, все меньше времени проводили в Гинестли, искали новые места, где пожить, и ночевали на вокзалах и под мостами. Иногда за нами с Шекилой в мечети присматривал наш дериш, Баба, или брал меня с собой на рыбалку, где ловил рыбу длинной бамбуковой удочкой с леской. Либо же за нами присматривали соседи, или мы сидели с Гудду в ресторане, где он драил кастрюли и сковородки в раковине.

* * *

Как бы странно это ни звучало, мне кажется, мы в общем были счастливы, хотя, разумеется, нам хотелось лучшей жизни. Часто по утрам первым делом я отправлялся к воротам местной школы, куда в школьной форме спешили дети. Я заглядывал внутрь, тоже мечтая стать учеником. Но моя семья не могла отправить меня в школу. Я чувствовал себя неловко из-за того, что не умел читать и писать, да и вообще знал мало слов и поэтому с трудом общался с посторонними.

В семье мне ближе всех была младшая сестричка, Шекила. Когда я немного подрос, я стал отвечать за малышку. Моими обязанностями было купать ее и кормить, следить за ней. Мы с Шекилой спали в одной постели, и когда просыпались, я приносил ей все, что удалось найти на завтрак. Мы вместе играли в «ку-ку» и в прятки. Шекила была такой крошечной и такой красивой! Она любила оставаться со мной и повсюду следовала за мной хвостиком, я защищал ее и всегда был начеку, чтобы ее никто не обидел. Я относился к Шекиле так ответственно, как только мог, учитывая мой юный возраст. А Каллу всегда опекал брата, несмотря на то что Гудду был старше. Когда Гудду брался за несколько работ, чтобы разжиться для семьи деньгами, Каллу заботился о нем как о нашем кормильце – следил за тем, чтобы старшему доставалось достаточно еды, и если он ночевал вне дома – чтобы ему было где поспать. Поскольку мы росли без отца, а мама часто была на работе, все мы заботились друг о друге.

Чаще всего я слонялся во дворе возле дома. Целыми днями я сидел в одиночестве на земле, лениво прислушиваясь к разговорам и наблюдая за бурлящей вокруг меня жизнью, пока Шекила спала в доме. Иногда кто-то из соседей, присматривавших за нами, отпускал меня за хворостом, чтобы разжечь огонь и приготовить еду, я притаскивал хворост и складывал его у

дома. Случалось мне заработать пайсу^[2] или даже две – хватало на леденец на палочке, – когда приносил владельцу местного магазинчика деревянные планочки. Он просил, чтобы я складывал их за загородкой у входа в магазин. Но чаще всего я просто сидел в одиночестве во дворе. Ни радио, ни телевизора у нас не было. Не было ни книг, ни газет, впрочем, я все равно не умел читать. Вся жизнь была постоянной борьбой за выживание.

И пища у нас была простой: индийские лепешки, рис и дал^[3], иногда удавалось разжиться овощами, если везло. В садах росли фрукты, но они были роскошью, как правило, их продавали за наличные. Деревьев, урожай с которых мы могли бы украсть, было немного. И, как и городские овощные грядки, их хорошо охраняли. Мы научились жить с постоянным чувством голода, потому что есть хотелось всегда.

Днем, когда дети возвращались из школы, мне разрешалось с ними поиграть. Иногда мы играли в крикет на любом клочке голой земли. Еще мне нравилось ловить бабочек или, когда стемнеет, светлячков. Одним из моих любимых занятий было пускать воздушного змея. Эти змеи были самыми примитивными – палочки и бумага, – но даже для того, чтобы собрать самого простого змея, требовались деньги. Поэтому, если мне хотелось иметь змея, я пытался разглядеть, не застрял ли какой-нибудь в ветвях дерева, а потом лез и снимал его, как бы опасно это ни было. Мы устраивали настоящие сражения воздушных змеев и вываливали нить змея в песок, чтобы он мог в полете перерезать нить противника. Еще дети играли в шарики, но, опять-таки, нужны были деньги, чтобы этот шарик купить.

Честно говоря, близких друзей у меня не было – возможно, потому что мы постоянно переезжали или из-за того, что мне не доверяли те, с кем я был знаком не слишком хорошо. Поэтому я постоянно таскался за братьями, которых обожал.

Я подрос и получил большую свободу, мне разрешали ходить играть с детьми не только по соседству. Иногда я ненадолго оставлял Шекилу дома, полагая, что она сможет посидеть и одна, пока меня не будет, – знаю, что на Востоке это не принято, но в моем городе это было обычным делом, когда родители были заняты, ведь и меня часто оставляли одного, поэтому я не чувствовал себя виноватым.

Как и любой ребенок, я начал с прогулок рядом с домом, чтобы в случае чего пробежаться по улице, свернуть за угол – и уже дома. В конце концов я отважился отойти от дома подальше, в самый центр города. Или мы с братьями ходили на речку, к дамбе, – путь не близкий, почти на

окраину города. Мы видели, как рыбаки сетями вытаскивают рыбу.

К тому времени Гудду и Каллу уже исполнилось четырнадцать и двенадцать лет, они нечасто сидели дома. Я видел их только два-три раза в неделю. Они жили своим умом, рыскали по улицам в поисках средств к существованию, ночевали на вокзалах, где иногда удавалось заработать еды или денег, убирая вагоны. Чаще всего они останавливались в другом городке, в нескольких остановках от нашего, где-то в часе езды на поезде. Они говорили мне, что в Гинестли ловить нечего, поэтому они пробирались в местечко Берампур – точного названия я не помню, – где намного легче было найти еду и заработать деньги. Там они завели друзей, вместе с которыми «зайцами» путешествовали на поездах.

Когда мне было лет пять, а может, года четыре, братья время от времени брали меня с собой. Если кондуктор требовал у нас билет, мы спрыгивали с поезда и садились на следующий. Проезжали пару очень маленьких железнодорожных станций – одна-единственная платформа посреди джунглей – и оказывались на вокзале Берампур, который был меньше, чем Гинестли, и находился на окраине городка. Но дальше вокзала братья меня не пускали; мне нельзя было разгуливать по городу, где я мог бы потеряться. Поэтому я околачивался рядом с платформой, пока братья работали, а потом мы вместе возвращались домой. Пусть мы часто недоедали, однако были абсолютно свободными, и нам это нравилось.

Однажды вечером, когда мне исполнилось пять, я сидел дома, устав играть на улицах, но радовался тому, что этим вечером за ужином собралась почти вся семья. Мама вернулась с работы, и, что было еще более необычным, вернулся Гудду, чтобы повидаться с нами. Не было только Каллу.

В тот вечер Гудду целый час сидел дома, пока мы вчетвером ужинали. Поскольку Гудду был самый старший, больше всего я хотел походить на него. Его давно не было дома, и я соскучился по нашим совместным с ним и Каллу прогулкам. Я перестал чувствовать себя маленьким мальчиком, который должен сидеть дома, пока старшие братья исследуют мир.

Когда мама вышла, наверное, чтобы посмотреть, чем еще можно нас накормить, Гудду сказал, что уходит – возвращается в Берампур. Мне стало обидно, что меня опять, как маленького, оставляют дома. Я вскочил и сказал:

– Я с тобой!

Вечер уже наступил, так что, если я пойду с ним, маловероятно, что он сегодня приведет меня домой. Придется нам ночевать вместе. Он ненадолго

задумался, а потом согласился – я был приятно удивлен. Мы оставили Шекилу сидеть на полу, а сами улизнули до маминого возвращения, полагая, что она не слишком будет волноваться, ведь за мной присмотрит старший брат.

Вскоре я уже смеялся во весь голос, когда мы неслись сквозь ночь, – Гудду вез меня на взятом напрокат велосипеде по тихим улочкам к вокзалу. Что может быть лучше? Я и раньше путешествовал с братьями, но теперь все было иначе. Я отправился с Гудду, точно не зная, когда мы вернемся домой, где будем ночевать, – совсем так, как он раньше уходил с Каллу. Я не знал, как долго он позволит мне гулять с ним, но когда мы неслись по улицам, это не имело для меня никакого значения.

Я до сих пор помню эту поездку, как будто это было только вчера. Я сидел на раме, сразу за рулем велосипеда, уперев ноги в металлические части по обе стороны оси переднего колеса. Дорога была ухабистой, нас сильно трясло, но я не обращал на это никакого внимания. Повсюду летали светлячки, и, пока мы ехали, дети гонялись за жучками. Какой-то мальчик закричал:

– Привет, Гудду! – но мы мчались дальше.

Я гордился тем, что Гудду был в городке известной личностью. Однажды, когда мы ехали в поезде, я даже слышал, как о нем говорили, – и решил, что он знаменитость. Нам приходилось внимательно смотреть по сторонам, чтобы не сбить идущих в темноте людей, особенно когда мы въехали под низкий железнодорожный мост. Потом Гудду сказал, что оставшуюся часть пути мы пойдем пешком. Может быть, он устал везти меня. Поэтому я соскочил с рамы велосипеда, и Гудду вел велосипед за руль до самого вокзала, мимо продавцов чая. Когда мы оказались у входа в вокзал, Гудду спрятал велосипед в густых кустах и мы пошли по переходу дожидаться следующего поезда.

Когда поезд с грохотом остановился, мы быстренько вскарабкались в вагон и меня тут же стало клонить в сон. Мы устроились, как смогли, на жестких деревянных скамьях, но веселье от приключения уже начало улетучиваться. Я положил голову на плечо Гудду, когда поезд тронулся. Темнело, мы ехали около часа. Я не знаю, жалел ли Гудду о том, что взял меня с собой, но я стал испытывать чувство вины, потому что мама обычно рассчитывала, что я присмотрю за Шекилой, пока она на работе, а я не знал, когда вернусь.

К тому времени, когда мы добрались в Берампур, я настолько измучился, что без сил рухнул на деревянную скамью на вокзале и заявил, что никуда не пойду, пока не отдохну. Гудду не возражал – ему еще

необходимо было что-то уладить.

– Сиди здесь, отсюда ни ногой. Я скоро вернусь, и мы найдем место для ночлега, – сказал он.

Скорее всего, он собирался порыться в отходах, чтобы найти чего-нибудь съестного, или поискать монеты на платформе. Я лег, закрыл глаза и, наверное, тут же уснул.

Когда проснулся, вокруг было тихо, на вокзале никого не было. Затуманенным взором я поискал Гудду, но его нигде не было видно. У платформы стоял поезд, с которого мы спрыгнули, двери вагона были открыты. Но был ли это тот самый поезд и как долго я спал?

Я часто пытался вспомнить, о чем именно думал тогда. Я все еще был полусонным и совершенно не боялся, что остался ночью один. Мысли путались. Гудду рядом не было, но он обещал, что уйдет недалеко, – может быть, он опять сел в вагон? Я побрел к поезду, взобрался по ступенькам, чтобы поискать брата внутри вагона. Я помню, что увидел несколько спящих людей и спустился на платформу, опасаясь, что они проснутся и вызовут кондуктора. Гудду говорил, чтобы я оставался на месте, но, возможно, он сел в другой вагон, может быть, там работает, подметает под сиденьями. А что, если, когда я заснул на неосвещенном вокзале, поезд уехал и я остался один?

Я заглянул в другой вагон и никого не увидел, но пустые деревянные лавки казались удобнее и безопаснее, чем скамьи на пустом вокзале. Я подумал, что вскоре за мной вернется Гудду, улыбнется и, наверное, принесет угощение, которое нашел, когда убирал. На лавках можно было растянуться. Через несколько мгновений я вновь безмятежно спал.

На этот раз я спал как убитый. Когда проснулся, ярко светило солнце и било мне прямо в глаза. И я с ужасом осознал, что поезд движется, – мерно стучали на рельсах колеса.

Я подскочил. В вагоне так никого и не было, за забранными решетками окнами быстро мелькали пейзажи. Брата нигде не было видно. Я остался один: маленький сонный мальчик, один в несущемся по рельсам поезде.

Вагоны третьего класса не соединялись между собою внутренними дверями. Пассажиры садились и покидали вагон через наружные двери в конце вагона. Я поспешил в конец вагона и попробовал открыть двери и с одной, и с другой стороны – обе оказались заперты или просто не поддавались мне. Я побежал в другой конец вагона – здесь тоже обе двери оказались запертыми.

Я до сих пор ощущаю ледяной ужас, который сковал меня, когда я понял, что очутился в западне; меня одновременно охватили слабость,

возбуждение и отчаяние. Я не помню, как поступил в тот момент, – кричал, стучал в окна, плакал, ругался? Я обезумел, сердце билось в три раза быстрее обычного. Я не мог прочесть надписи в вагоне, которые подсказали бы мне, куда я направляюсь или каким образом выбраться отсюда. Я бегал по вагону, заглядывал под скамьи – а вдруг там кто-нибудь еще спит. Но в вагоне я был один. Однако все равно продолжал бегать по вагону, громко звать брата, просил его вернуться и забрать меня. Я звал маму, своего брата Каллу, но все тщетно. Никто не отозвался, и поезд не останавливался.

Я потерялся.

Постепенно я осознал, что сжался от ужаса в предчувствии того, что меня ожидает, свернулся клубочком, чтобы защитить себя. Очень долго я либо просто плакал, либо сидел, словно громом пораженный.

После нескольких часов бешеной гонки по пустому вагону я заставил себя выглянуть в окно, чтобы понять, знакома ли мне местность. Пейзаж за окном напоминал родные места, но никаких отличительных особенностей я не заметил. Я не знал, куда направляюсь, но еще никогда до этого так далеко не уезжал. Я был уже очень-очень далеко от дома.

Я впал в некий ступор – думаю, мой организм вошел в «спящий» режим, измученный тем, что пытался справиться с происходящим. Я рыдал и спал, иногда смотрел в окно. Есть было нечего, но в конце вагона в грязных туалетах в кране была вода, а через открытые сливные отверстия мелькали шпалы и рельсы.

Как-то я проснулся и понял, что поезд не двигается, – мы остановились на какой-то станции. Я воспрянул духом, когда представил, что мог бы привлечь внимание людей на платформе. Но в сумерках не было видно ни одной живой души. И я все еще не мог открыть двери. Я молотил кулаками, кричал и кричал, когда поезд качнуло и он опять двинулся в путь.

В конце концов я выбился из сил. Невозможно бесконечно оставаться в состоянии паники и полнейшего ужаса – эти ощущения притупляются.

Именно тогда я решил, что поэтому мы и плачем: таким образом наши тела справляются с тем, с чем разум и сердце справиться не могут. Проливая слезы, я позволил телу справиться с переполнявшими меня эмоциями и, как ни удивительно, почувствовал себя немного лучше. Происшедшее измотало меня, и я то засыпал, то просыпался. Когда я мысленно возвращаюсь к тем дням, вновь переживаю весь ужас человека, оказавшегося в западне, не имеющего ни малейшего понятия, где он и куда направляется. Это кажется мне жутким кошмаром. Воспоминания мои отрывочны: вот я испуганно выглядываю в окна, вот, свернувшись

калачиком, засыпаю и пробуждаюсь ото сна. Мне кажется, что поезд останавливался на каких-то станциях, но двери никогда не открывались и никто почему-то меня не видел.

Но время шло, и, вероятно, снова проявилось мое умение приспособливаться, которое выработала у меня тяжелая жизнь в городке. И я начал думать, что, если не могу выбраться сам, тогда следует дожидаться, чтобы кто-нибудь меня отсюда выпустил, а потом уж решать, как возвращаться домой. Я повел себя так, как повели бы себя мои братья. Они по нескольку дней кряду не появлялись дома; я тоже так смогу. Они научили меня, как находить место для ночлега, я уже раньше сам о себе заботился, искал еду, попрошайничал. И, может быть, на этом же поезде, что увез меня от дома, я смогу вернуться домой. Я сел и стал смотреть в окно, пытаюсь думать только о мире, что проносился за окном. Посмотрим, к чему все это приведет.

* * *

В конце концов пейзаж стал более сочным, зеленым. Появились покрытые буйной растительностью поля и высокие деревья без веток, а лишь с огромными пучками листьев наверху ствола. Когда из-за туч выглянуло солнце, все за окном стало ярко-зеленым. Я увидел обезьян, бегающих по спутанным лианам по обе стороны железнодорожной колеи, удивительных ярких птиц. Повсюду была вода: в реках, озерах, прудах и на полях. Это был новый для меня мир. Даже люди казались немного другими.

Через какое-то время поезд начал проезжать через маленькие городки, и я видел детей, играющих рядом с рельсами, пока их матери готовили еду или стирали на крыльце. Казалось, никто не замечал одинокого ребенка в окне проносящегося поезда. Города становились все больше и были все ближе друг к другу расположены, полей уже не было, исчезли открытые пространства, а взамен появились дома, целые улицы, дороги, машины и рикши. Здания были большими, намного больше, чем дома, я видел автобусы и грузовики и еще железнодорожные пути, по которым тоже неслись поезда; повсюду были люди, много людей, я еще никогда не видел столько народу и представить себе не мог, что так много людей может жить в одном месте.

Наконец поезд замедлил ход и я понял, что, скорее всего, мы подъезжаем к очередной станции. Неужели мое путешествие на этот раз подошло к концу? Вскоре поезд стал едва тащиться по рельсам, а потом

неожиданно дернулся и остановился. Широко распахнутыми глазами я смотрел через прутья решеток на окнах на толпы людей, роящихся на платформе, тянущих за собой чемоданы. Повсюду сновали люди, сотнями, может быть, даже тысячами, и внезапно открылась одна из дверей в моем вагоне. Ни секунды не раздумывая, я бросился по проходу и соскочил на платформу. Наконец-то я был свободен.

И только когда мои родители в Хобарте указали мне место на карте, висящей на стене, я узнал название города, куда приехал. И даже если бы тогда мне его назвали, для меня бы это было пустым звуком – никогда раньше не слышал я о таком городе. Но я прибыл в место, которое называлось Калькуттой, – в разросшийся мегаполис, известный плотностью населения, грязью и ужасающей бедностью, – в один из самых опасных городов в мире.

Я был босой, в грязных черных шортах и белой рубашке с короткими рукавами и оторванными пуговицами – и, кроме одежды, у меня не было ничего. Ни денег, ни еды, ни каких-либо документов, удостоверяющих личность. Я был голоден, но, поскольку привык недоедать, большой проблемы пока в этом не было. Разумеется, я нуждался в помощи.

Я обрадовался, когда вырвался из плена, но испугался огромной станции и толпы, которая, казалось, могла меня раздавить. Я стал в отчаянии смотреть по сторонам в надежде увидеть пробирающегося сквозь толпу мне на помощь Гудду, как будто он тоже мог оказаться запертым в вагоне этого поезда. Но вокруг мелькали только незнакомые лица. Меня парализовало от страха, я понятия не имел, куда идти и что делать, только инстинктивно отошел в сторону, чтобы не оказаться на пути у спешащих людей. Я стал выкрикивать:

– Гинестли? Берампур? – в надежде, что кто-то подскажет мне, как туда добраться.

Но никто из кишачей вокруг людской массы не обращал на меня ни малейшего внимания.

В какой-то момент поезд, на котором я приехал, отправился дальше, но я не заметил, как это произошло. А даже если бы и заметил, сомневаюсь, что решился бы вновь запрыгнуть в вагон после того, как столько времени просидел там взаперти. Я был напуган настолько, что не мог пошевелиться, опасаясь, что, если уйду отсюда, станет только хуже. Я оставался на платформе, время от времени выкрикивая: «Берампур!»

Меня накрыла какофония: люди кричали друг на друга, собирались группками поболтать – я не понимал, о чем они говорят. Большинство из них были очень заняты своими делами, одни в невероятной давке пытались

сесть в вагон или сойти с поезда, другие изо всех сил старались оказаться там, где им было нужно, и как можно быстрее.

Пару человек остановились, слышав мой скулеж, но мне удалось выдать из себя лишь что-то наподобие «поезд, Гинестли». Большинство просто качало головой и шагало дальше. Один мужчина спросил:

– Гинестли – это где?

Я не понял, что он имел в виду: для меня Гинестли был просто... домом. Как я мог это ему объяснить? Он нахмурился и пошел дальше. Повсюду было много детей, просящих подаяние, ищущих все что угодно, как делал дома мой брат. Я был всего лишь еще одним бедным ребенком, который что-то выкрикивает, но слишком маленьким, чтобы кто-то остановился и прислушался к нему.

Я по привычке держался подальше от полиции. Я боялся, что меня могут арестовать, как однажды поступили с Гудду. Его арестовали за то, что он украл на вокзале зубные щетки и пасту, и полиция бросила его за решетку. Там он просидел три дня, прежде чем мы узнали, где он находится. После этого случая мы избегали людей в форме – кондукторов, полицейских. Мне даже в голову не пришло, что они могут мне помочь.

Я оставался на платформе, даже когда все ушли, мне так и не удалось привлечь к себе внимание окружающих. Я то засыпал, то просыпался, не в состоянии ни двинуться, ни придумать, что делать дальше. Миновал еще один день, я – уставший и несчастный – уже отчаялся получить помощь. Кишащие на станции люди теперь были для меня не людьми, а некой огромной неделимой массой, на которую я никак не мог повлиять, – как, например, на реку или небо.

Одно я знал наверняка: поезд, который привез меня сюда, и есть тот поезд, который может отвезти меня обратно. Дома было так: поезда, идущие в сторону, противоположную той, куда ты ехал, возвращались обратно по другой колее. Но я заметил, что в конце пути находилась станция, куда прибывали поезда, а потом они, пыхтя, двигались назад, в ту сторону, откуда прибыли. Раз мне никто не ответил, куда едут поезда, я сам это узнаю.

Поэтому я сел на следующий же прибывший на станцию поезд. Неужели все настолько просто? Пока поезд громыхал по рельсам, я получше рассмотрел станцию: огромное красное здание с множеством арок и башенок, я раньше никогда такого высокого здания не видел. Я побаивался этой громадины и надеялся, что навсегда уеду отсюда, от этого невероятного скопления людей. Но примерно через час поезд прибыл на свою конечную станцию, где-то на окраине города. Затем паровоз

переставили и он отправился назад, к огромному вокзалу.

Я сел на другой поезд – история повторилась. Может быть, нужный мне поезд отходил с другой платформы? Дома на станции платформ было много, и на каждой, казалось, стояли разные поезда. В некоторых было много вагонов с купе, и носильщики помогали пассажирам садиться, а были и поезда, в которых каждый вагон был забит теснящимися на лавках людьми. На одном из таких поездов я сюда и приехал. Количество поездов пугало, но один из них обязательно довезет меня домой, нужно только не опускать руки.

И я не опускал. Каждый день – день за днем – я выезжал из города на разных поездах.

Боялся, что вновь окажусь запертым в вагоне, поэтому путешествовал только днем. В начале каждого путешествия я с надеждой вглядывался в пейзажи за окном, думая: «Да, да, это очень напоминает дом, я видел это здание или эти деревья раньше...» Иногда поезд достигал конечного пункта назначения, а потом отправлялся назад. Бывало, что он оставался на конечной станции и я оказывался в незнакомом безлюдном месте до следующего утра, когда поезд возвращался. Сходил я с поезда раньше, чем тот достигал конечной станции, только когда наступала ночь. Тогда я прятался под скамью на вокзале и, чтобы меня трудно было увидеть, сворачивался калачиком. К счастью, на улице было не очень холодно.

Я питался остатками пищи, которые находил на земле. Это были орешки, оброненные пассажирами, или недоеденный початок кукурузы. К счастью, найти краны с водой было несложно. Мое теперешнее положение не слишком отличалось от прежнего. Несмотря на то что я часто испытывал страх и нужду, я умел о себе позаботиться, да и организм привык к такому существованию. Я учился выживать в одиночку.

Вот так я и ездил туда-сюда, пробовал садиться на разных платформах, путешествовал в разных направлениях – иногда видел что-то знакомое и понимал, что случайно сел на поезд, на котором уже ездил раньше, – и в результате ни на йоту не продвинулся в своих поисках.

Во время всех этих путешествий никто ни разу не спросил у меня билет. Конечно, я не садился в вагон, если видел кондуктора, как поступал и дома, но когда я оказывался в вагоне, билета никто не спрашивал. Если бы меня остановил кондуктор или полицейский, я бы, возможно, набрался смелости и попросил о помощи, но меня никто не останавливал. Однажды носильщик, похоже, понял, что я потерялся, но когда я не смог ничего внятно объяснить, он дал понять, что не желает, чтобы ему докучали. Мир взрослых был для меня закрыт, поэтому я продолжал пытаться

самостоятельно решить свою проблему.

Через какое-то время – может быть, через пару недель – я стал терять надежду. Где-то был мой дом, но отсюда, наверное, туда поезда не ходили. Или возникли какие-то сложности, которые я не в состоянии преодолеть. Все, что я знал о городе за пределами вокзала, – это то, что удалось рассмотреть из окон вагонов отбывающих и прибывающих поездов. Может быть, где-то там был человек, который мог мне помочь, подсказать, как вернуться домой, или просто дать чего-нибудь поесть.

Теперь я уже знал намного лучше красный, вытянувшийся вдоль путей вокзал. Я чувствовал, что он является единственным связующим звеном с местом, откуда я прибыл. А вот массы снующих туда-сюда людей пугали меня. Каждый раз, когда я ходил в какое-нибудь новое незнакомое место, радовался, возвращаясь на большую станцию, где уже хорошо ориентировался, знал, где можно переночевать или найти еду. Конечно, больше всего мне хотелось найти маму, но я уже стал привыкать к жизни на вокзале.

Я заметил ватагу ребятишек, которые всегда держались у конца одной платформы, где по ночам сбивались в кучку, кутаясь в старые одеяла. Похоже, они были такими же, как и я, и идти им было некуда. Но они не прятались под скамейками или в вагонах. Я наблюдал за ними, вероятно, они тоже меня заметили, но не проявили ко мне ни малейшего интереса. Мне не хватало смелости подойти к ним, но природную настороженность заглушили неудачные попытки найти путь домой. Если от взрослых помощи ждать не приходится, может быть, дети помогут? По крайней мере они могут разрешить остаться с ними, возможно, в окружении детей я буду в большей безопасности.

Дети оказались неприветливыми, но и гнать меня не стали, когда я прилег на твердую деревянную скамью неподалеку от них, положив руки под голову. Бегающие без присмотра дети не редкость, и еще один беспризорник в их когорте никого не удивил. Дневное путешествие на поезде измотало меня, но, испытывая некое облегчение, я решил, что до следующего утра никуда не поеду, и тут же крепко уснул, чувствуя себя в большей безопасности рядом с другими детьми.

Однако вскоре я очнулся оттого, что сперва принял за плохой сон. Услышал детские крики:

– Уходи, отпусти меня!

Раздались еще крики, и детские, и взрослых людей. В полутьме станции мне казалось, что я разглядел мужчину, который кричал что-то вроде: «Ты пойдешь со мной!» А потом ребенок завопил:

– БЕГИ-И-И-И!

Я тут же вскочил, понимая, что это не сон.

В смятении я видел, как детей хватали и куда-то уносили взрослые, а одна маленькая девочка в конце платформы вырывалась из рук мужчины. Я понесся что есть мочи по темной платформе, соскочил с нее прямо на рельсы, а потом растворился в темноте.

Я бежал в буквальном смысле вслепую вдоль большой стены, продолжая оглядываться через плечо, не гонится ли кто за мной, но не остановился, даже когда понял, что меня никто не преследует. Я не знал, что произошло на станции, почему взрослые хватали детей, но не сомневался в том, что в руки им попадаться нельзя.

Однако опасность подстерегала не только сзади, но и впереди. Когда рельсы вильнули вправо, я оказался лицом к лицу со спящими огнями несущегося прямо на меня поезда. Я отпрыгнул в сторону, а поезд с оглушительным грохотом пронесся мимо в опасной близости от меня. Я изо всех сил вжимался в стену, как мне показалось, целую вечность и вертел головой, поглядывая по сторонам, чтобы избежать того, что могло бы торчать из вагона.

Когда поезд проехал, я перевел дух. И хотя опасности большого города пугали, я достаточно давно уже жил своим умом, чтобы теперь совершить глупость. По-моему, преимущество пятилетних в том, что в столь юном возрасте не слишком задумываешься, что случается с другими, в моем случае – с остальными детьми на станции, и что вообще все это значило. Я просто понимал, что должен бежать оттуда. Разве у меня был иной выбор, кроме как идти дальше?

Я продолжал идти по рельсам, но был уже более осторожен. Когда они вывели к дороге, я впервые со дня своего сюда приезда оставил и рельсы, и сам вокзал. Дорога была оживленной, здесь я чувствовал себя в большей безопасности, чем в каком-нибудь безлюдном месте. Вскоре она привела к огромной реке, берега которой соединял массивный мост, казавшийся темной дугой на фоне серого неба. Я отчетливо помню, какое неизгладимое впечатление произвело на меня это зрелище. Из окон вагонов я видел мосты, которые были больше, чем единственный мост в моих родных местах – мост над маленькой речушкой, где мы с братьями играли. Между торговыми палатками, стоящими вдоль берега реки, была видна широкая водная гладь, по которой скользили лодки. Мост нависал над рекой – настоящая громадина, которая кишела людьми и по которой неспешно, но с грохотом ехало огромное количество велосипедов, мотоциклов, машин и грузовиков. Невероятное зрелище для маленького мальчика из небольшого

городка. Сколько же здесь живет людей? Неужели это самый большой город на земле? От вида раскинувшегося за пределами станции города я, как никогда, почувствовал себя потерянным.

Какое-то время я стоял на улице, пораженный увиденным, оставался неподвижным, хотя и боялся, что могу привлечь внимание людей, подобных тем, от которых я сбежал, – или даже тех же самых людей, ведь они могли меня преследовать. Эти мысли придали мне смелости – я прошел мимо торговых палаток, потом между невысокими зданиями к реке. Крутые, поросшие травой берега в тени больших лиственных деревьев неожиданно сменились илистым речным берегом, и повсюду кипела жизнь – кто-то купался, кто-то на мелководе мыл кастрюли и тарелки, некоторые разводили небольшие костры, а носильщики переносили разнообразную поклажу из длинных низких лодок на берег.

Дома я был очень любознательным ребенком; когда я вырос настолько, что меня стали отпускать одного из дома, я никогда долго в одном месте не задерживался. Мне всегда хотелось знать, что же там за следующим углом, именно поэтому я с радостью начал жить той жизнью, которую вели мои братья, – они были независимыми и находились в постоянном поиске. Именно поэтому я в тот вечер увязался за Гудду. Но этот мой инстинкт притупился, когда я оказался на большой станции пугающего огромного города. Происшедшее заставило сделать вывод, что не стоит уходить слишком далеко от уже знакомых мест. Я разрывался между желанием вернуться на станцию, углубиться в темные, запутанные улочки и остаться в более светлом, но незнакомом месте, на берегу реки. Куда ни кинь взор – везде простирался город. Дневное путешествие утомило меня, я уже давно как следует не ел и не спал, прячась от людей, но понятия не имел, что делать дальше. Я подошел к нескольким торговым палаткам – может быть, кто-то даст мне поесть, – но меня прогнали.

В конечном итоге, прогуливаясь по берегу реки, я увидел группу спящих людей, в которых тут же узнал дервишей. Я встречал таких людей дома. Эти совсем не походили на Бабу в его мечети, у меня на родине: Баба носил длинную белую рубаху и штаны, как и многие живущие по соседству мужчины. Эти же мужчины были босыми, в желто-оранжевых хламидах, с четками, а на некоторых было просто страшно смотреть: вокруг головы уложены длинные, грязные, слипшиеся волосы, лица раскрашены красной и белой краской. Из-за жизни на улице они, как и я, выглядели грязными. Я старался держаться от взрослых подальше, но разве среди святых людей со мной могло случиться что-то плохое? Я устроился рядом с мужчинами, свернулся калачиком и подложил руки под голову вместо подушки.

Когда я очнулся, уже наступило утро, я опять был один. Дервиши ушли, но солнце уже встало, и по берегу прохаживались другие люди. Я пережил свою первую ночь на улицах Калькутты.

3. Выживание

Вскоре я обнаружил, что возле большой реки найти еду гораздо легче, чем на вокзале, куда я прибыл несколько дней назад.

Так как владельцев торговых палаток, похоже, совершенно не трогали мольбы просящих подаяние детей, я отправился вдоль берега в надежде найти людей, которые будут что-нибудь готовить. При свете дня стало еще более очевидно, что это самая большая река из всех, какие мне когда-либо доводилось видеть, но еще она оказалась и самой грязной и зловонной из-за валявшейся по берегам падали, человеческих экскрементов и мусора. Когда я брел по берегу, в ужасе заметил тела двух мертвецов, которые лежали в куче мусора, – у одного было перерезано горло, у второго отрезаны уши. Я раньше уже видел мертвецов; когда в доме кто-то умирал, остальные отдавали дань уважения умершему. Но я никогда не видел, чтобы трупы просто валялись на улице. Здесь же, как оказалось, на мертвых людей обращали внимание не больше, чем на издохших животных, даже несмотря на то, что налицо были все признаки насильственной смерти. Их тела лежали у всех на виду, под палящими лучами солнца, над ними роились мухи, и – случалось – эти трупы были обглоданы крысами.

От увиденного меня затошнило, но больше всего меня поразило то, что подтвердилась моя догадка: каждый день, прожитый в этом городе, – это борьба не на жизнь, а на смерть. Повсюду подстерегала опасность, от каждого можно было ждать неприятностей – здесь встречались грабители, люди, которые крадут детей, и даже убийцы. Мне было страшно. Неужели в таком мире жили мои братья, когда уходили из дома? Не поэтому ли они не позволяли мне покидать территорию вокзала, когда я путешествовал с ними? Что случилось с Гудду на станции? Куда он ушел и почему еще не вернулся, когда я проснулся? Неужели он где-то вот так же ищет меня? И что моя семья думает о том, где я? Ищут ли меня? Или решили, что я умер или уехал и потерялся навсегда?

Больше всего мне хотелось вернуться к маме, к Гудду, в нашу семью, чтобы меня защищали, обо мне заботились, но я понимал: чтобы не потерять надежду на возвращение, я должен быть сильным. Иначе я просто исчезну или даже умру прямо здесь, на берегу широкой и грязной реки. Я понимал, что рассчитывать приходится только на себя. И не раскисал.

Я повернул назад, к мосту, подошел к каменным ступеням, ведущим в

реку, – здесь купались люди, стирали снятую с себя одежду. Рядом со ступенями находилась широкая, выложенная камнем сточная канава, по которой с улицы текли вода и нечистоты. В реке играли и плескались дети, я решил к ним присоединиться. Теперь мне кажется невероятным – как и многим туристам, приезжающим в Индию, – что кто-то может купаться или стирать в реке, которая одновременно является и сточной канавой и кладбищем, но тогда о подобном я даже не задумывался. Это же река, а на реках можно встретить всякое. Мне еще предстояло узнать, что у реки можно встретить и добрых людей.

Дети, похоже, приняли меня в игру, и мы продолжали плескаться в воде – хоть какая-то передышка от полуденной жары. Были и такие смельчаки, что прыгали со ступенек в реку, но я отважился войти только по колено: хотя братья пытались научить меня плавать в запруде на реке возле нашего городка, пока я еще плавать не умел. Дома, за исключением сезона дождей, речка была всего лишь неглубоким ручьем, в котором можно только плескаться. Но в воде мне нравилось. Еще никогда я не испытывал столько радости оттого, что я обычный ребенок, играющий с такими же обычными детьми.

Ближе к вечеру дети отправились домой. Я остался на ступенях, мечтая о том, чтобы этот день не заканчивался. Но река полна сюрпризов. Я даже не заметил, что уровень воды за день поднялся, и когда запрыгнул на место, которое ранее считал островком безопасности, вдруг с головой ушел под воду. К тому же течение было сильным, оно несло меня прочь от ступеней. Я начал неистово молотить по воде руками, отталкиваясь от дна реки, пытаясь вынырнуть на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, но течение вновь тянуло меня вниз и прочь от ступеней. Было уже настолько глубоко, что я до дна не доставал. Я тонул.

Потом я услышал рядом всплеск, меня рывком потянуло вверх, к поверхности реки, на ступени, где я сел, отряхиваясь и откашливаясь грязной водой. Меня спас какой-то бездомный старик, который вовремя выпрыгнул из сточной канавы, подхватил меня и вытащил из воды. И так же молча он вернулся по ступеням на берег реки, где, как я догадался, он и жил.

Может быть, доброта незнакомого старика притупила мою бдительность, а возможно, я просто был всего лишь пятилетним мальчишкой, но, когда на следующий день я вновь пришел поплескаться в реке и по глупости позволил сильному течению застать себя врасплох, опять попал в передрагу. Как ни удивительно, меня спас тот же самый старик – наверное, он стал приглядывать за мной, когда увидел, что я

вернулся. На этот раз случившееся заметили и другие люди, многие видели, как старик помогал мне выбраться на ступени, где я стал откашливать воду. Вокруг нас собралась толпа, я услышал достаточно, чтобы понять: они считали, что меня уберегли боги, что умирать мне еще рано.

Наверное, меня ошеломило то, что все люди пытались протиснуться поближе, чтобы поглазеть на меня, а может, и унижить, раздраженно заявляя, что я едва не утонул уже во второй раз, но я вскочил на ноги и изо всех сил бросился наутек. Бежал вдоль берега, пока не выбился из сил, и дал себе клятву, что больше в реку ни ногой.

Мне кажется, я даже не поблагодарил бездомного, сыгравшего роль моего ангела-хранителя, за то, что дважды спас мне жизнь.

Чтобы держаться подальше от людей, я покинул ту местность, которую уже успел изучить, но наступила ночь, и поздно было возвращаться на знакомую часть берега. Поэтому мне следовало безотлагательно найти место для ночлега. Я набрел на заброшенную фабрику, с тыльной стороны которой была навалена огромная куча мусора. Усталый и голодный, я нашел кусок картона и устроился на нем за горой мусора. Запах стоял ужасный, но я уже привык к зловонию, по крайней мере мое укрытие никому не бросалось в глаза.

Той ночью меня разбудила стая страшных собак, они лаяли у ближайшего фонаря. В руке я сжимал камень, вокруг, на расстоянии вытянутой руки, валялось достаточно камней. Наверное, я так и уснул, сжимая в руке камень, а проснулся, когда в глаза било солнце; собак нигде не было видно.

Еще спустя какое-то время я изучил окрестности вокруг станции, включая маленькие магазинчики и палатки, где добывал еду. Перед запахами, струящимися из этих заведений, было не устоять: манго и дыни, жареные острые блюда, гулабджамун^[4], ладду^[5] из кондитерских изделий. И куда ни взглянешь – повсюду едят люди: вот группа мужчин ест арахис и о чем-то болтает, кто-то пьет чай и отрывает ягодки от грозди винограда. В то время я просто умирал с голода, поэтому подходил к каждому магазину и пытался выпрашивать еду. Меня всегда прогоняли, как и пятерых-шестерых ребятишек, которые бродили неподалеку, – слишком нас много, всех не пожалеешь.

Я смотрел, как едят люди, – они были такими же бедняками, как и моя семья, поэтому обычно ни крошки не оставляли, но случалось, они роняли крошки или что-то не доедали. Урн для мусора не было, поэтому, когда человек заканчивал трапезу, он просто швырял объедки на землю. Я

научился определять, что из этих объедков можно смело доедать, как мы поступали с братьями дома, и что можно очистить от грязи. Кусочки жареной или печеной пищи, например самсы, если отчистить их от грязи, можно смело есть, но это если повезет найти самсу. Среди голодных детей начиналась погоня за объедками. Большой частью я рассчитывал на то, что легко рассыпать, например, орехи, посыпанные острыми специями хлебные палочки, жареный нут и чечевицу. Иногда я мчался за куском хлеба. Между теми, кто так же отчаянно гонялся за объедками, возникали драки, иногда меня грубо отпихивали в сторону или даже били кулаком. Мы походили на диких собак, дерущихся за кость.

Несмотря на то что ночевал я чаще всего рядом со станцией и рекой, начал исследовать близлежащие улицы. Наверное, во мне проснулись врожденные склонности, но на разведку меня толкала еще и надежда на то, что за ближайшим углом я, возможно, найду что-нибудь поесть, какой-то источник пропитания, который не удалось обнаружить другим уличным мальчишкам, – доброго продавца или коробку с отходами с рынка. В таком большом городе, как этот, возможностей хоть отбавляй.

А еще такой город полон опасностей. Я помню, как во время одного из путешествий оказался в квартале обветшалых домишек и лачуг, сплетенных из бамбука и обитых ржавым рифленным железом. Вонь была просто ужасающей, как будто кто-то умер. Я заметил, что люди поглядывают на меня очень странно, как будто я не имел ни малейшего права здесь находиться, к тому же я наткнулся на группку мальчишек постарше, которые курили скрученные из листьев сигареты. Я почувствовал себя неуютно и остановился, когда они повернули ко мне головы.

Один из мальчиков, который крутил в руках сигарету, встал и, подойдя ко мне, что-то громко сказал. Его приятели засмеялись. Я ни слова не понял и продолжал стоять, не зная, что делать. Потом он подошел ближе и ударил меня по лицу, дважды, не переставая что-то говорить. От потрясения я расплакался, а он ударил меня еще раз, я упал на землю и продолжал плакать, а мальчишки смеялись.

Я понял, что может быть еще хуже и пора отсюда убираться, поэтому попытался взять себя в руки. Я встал и уверенно зашагал прочь, как нужно уходить от опасной собаки. Лицо горело. Возможно, если бы я показал, что не намерен стоять у них на пути, они бы оставили меня в покое. Но когда они пошли за мной, я бросился бежать. Сквозь стоящие в глазах слезы я заметил узкую щель между двумя зданиями и понесся что есть духу к ней, и тут же почувствовал, как в руку мне угодил брошенный кем-то из

мальчишек камень.

Я протиснулся в щель и оказался в примыкающем к зданиям дворе. Выхода я не видел, по ту сторону зданий раздавались крики мальчишек. Весь двор был усеян мусором, горы которого поднимались у дальней стены, – может быть, мне удастся, поднявшись по ним, выбраться отсюда. Пока я пробирался через двор, на входе, который я не заметил, появилась ватага мальчишек. Они начали рыться в ржавом контейнере, их главарь накричал на меня. Тут в мою сторону полетела бутылка и разбилась о стену за моей спиной. Следом за первой полетели еще несколько бутылок и стали разбиваться вокруг меня – рано или поздно кто-то достигнет цели и попадет в меня. Спотыкаясь и пригибаясь, я добежал до мусорной кучи, слава богу, она выдержала мой вес. Я взобрался наверх, подтянулся, вскарабкался на стену, побежал по ней, молясь о том, чтобы никто меня не преследовал. О стену продолжали разбиваться бутылки, со свистом проносясь у моих ног.

Возможно, для ватаги было достаточно того, что я сбежал. Они изгнали меня со своей территории и не стали преследовать, а я, балансируя на стене, пытался скрыться. Чуть дальше я обнаружил прислоненную к стене бамбуковую лестницу. Она спускалась в чей-то задний двор. Я спустился по лестнице, бросился в дом, выбежал на улицу через входную дверь мимо женщины с ребенком. Казалось, она вообще не заметила, что я пробежал мимо, а я помчался что есть мочи назад, к маячившему вдалеке мосту.

Даже на реке, равно как и во время поиска еды, я всегда искал безопасное место для отдыха. Часто, когда я возвращался туда, где уже ночевал до этого, место оказывалось занятым, поэтому я уходил восвояси. Бывало, что я находил место получше. Я постоянно чувствовал усталость от недосыпания и внутреннего напряжения. Однажды я брел в сумерках по берегу реки и поймал себя на том, что впервые направляюсь под громадину моста. Там, под мостом, я наткнулся на несколько сбитых вместе небольших деревянных настилов, на которых лежали подношения: монеты и кокосы рядом с картинками и маленькими скульптурами знакомой мне богини Дурги, воительницы главной богини Магадеви. Многорукая богиня восседала на тигре, сжимая в руках оружие, которым, как я знал из историй, она сразила демона. В свете мерцающих терракотовых ламп богиня казалась особенно свирепой. Но одновременно было и что-то успокаивающее в этом свете маленьких ламп в сгущающихся сумерках, поэтому я сел под мостом, глядя на гладь реки. Ужасно хотелось есть, и

дары богине оказались слишком большим соблазном – я взял немного фруктов, потом кокос и съел все это. А еще я взял несколько монет.

Уходить оттуда не хотелось. Я чувствовал себя там в безопасности. Кроме своеобразного алтаря, несколько планок были установлены таким образом, что нависали над водой. Я проверил, насколько крепкие и надежные эти планки, и забрался на них. Похоже, я находился в каком-то священном месте, куда люди приходят помолиться своей богине. Сидя на крепких деревянных планках, слушая шум бегущей подо мной реки, я думал о своих родных, о том, как они поживают. Наверное, тоже думают сейчас обо мне?

Но, насколько я помню, чувство, охватившее меня, отличалось от того, что я чувствовал, когда только-только приехал, – ощущения притупились, стали не такими болезненными, но теперь они были намного глубже. Хотя я все время оставался в одном и том же месте, я изменился. Я все еще отчаянно хотел вернуться домой, но теперь это было не единственным моим желанием. Я больше думал о том, как выжить здесь, как прожить каждый новый день. Наверное, именно здесь, а не дома, куда пока не мог попасть, я научился выживать. Мой родной дом, который я потерял, казался все более далеким. Наверное, у меня появилось ощущение, что *это* и есть сейчас мой дом, по крайней мере пока.

Когда я утром проснулся, рядом со мной молились жуткого вида дервиши в желто-оранжевых хламидах. Вскоре к ним присоединились еще люди, одни были голыми по пояс, другие несли длинные расписные трости. Я молча ушел. Понял, что занял их место, украл их подношения и что, вероятно, они намеревались из планок, нависавших над водой, соорудить очередной алтарь для Дурги. Но они не причинили мне вреда, даже будить не стали, и в тот момент я чувствовал себя в их компании в безопасности, как будто мы вместе отправились в путешествие.

Бывали дни, когда заняться было нечем, и я возвращался на станцию и бродил между сплетающимися рельсами. Таких, как я, рыскающих в поисках чего-нибудь съестного или просто не знающих, чем себя занять, всегда было много. Наверное, они тоже потерялись и не знали, какая дорога приведет их домой. Изредка проезжал поезд, раздавался свисток, предупреждающий, что люди должны уйти с железнодорожных путей.

Однажды спокойным, но очень жарким днем я бродил по округе, пока не разомлел от жары. Я сел на рельсы и едва не уснул. Ко мне подошел какой-то мужчина в грязной белой рубашке и штанах и спросил, почему я гуляю в таком опасном месте. Я, запинаясь, ответил ему, а он не только

понял меня, но и стал говорить медленно и четко, чтобы я смог понять. Он сказал, что многие дети здесь погибают под колесами поезда, а другим отрезает руки и ноги. Железнодорожные станции и вокзалы – опасные места, детям тут играть нельзя.

Я сказал ему, что потерялся, и, вдохновленный тем, что он оказался таким терпеливым, выслушал меня и разобрал, что я говорю, объяснил, что сам я из Гинестли. Но никто, похоже, не знает, где это, и теперь я остался один-одинешенек, без родных, без дома. Выслушав мой рассказ – впервые я смог хоть кому-нибудь толком поведать свою историю – мужчина сказал, что отведет меня к себе домой, даст поесть и попить, оставит переночевать. Я был несказанно рад. Наконец-то кто-то решил помочь мне, позаботиться обо мне. Не колеблясь, я пошел с ним.

Он оказался железнодорожным рабочим и жил в небольшой хижине неподалеку от путей, возле того места, где они все сходились перед огромным красным зданием вокзала. Хижина была сколочена из гофрированных стальных листов, внутри оббитых кусками толстого картона. Каркасом дома служила деревянная рама. Жил мужчина не один, а с другими железнодорожниками. Меня пригласили поужинать. Впервые с тех пор, как я потерялся, я сел за стол и ел приготовленную, еще теплую пищу – я до сих пор помню, что это были чечевичный дал и рис, который один из рабочих сварил на небольшом очаге в углу хижины. Похоже, рабочие были совсем не против моего присутствия, не роптали из-за того, что приходится делиться едой. Они были бедняками, но зарабатывали себе на жизнь, поэтому и жили совсем по другим законам, чем те, кто обитает на улице. У них была крыша над головой, достаточно денег на простую еду и еще работа, какой бы тяжелой она ни была. Они мало что могли мне предложить и тем не менее готовы были накормить и приютить меня, чужого ребенка. Создавалось впечатление, что я попал в совершенно иной мир, не похожий на тот, в котором жил прежде, и этот мир находился за листами гофрированного железа и сулил, по крайней мере, горстку чечевицы. Уже второй раз доброта незнакомого человека спасла мне жизнь.

В глубине хижины было устроено ложе из соломы – на нем мне было уютно, и я чувствовал себя счастливым, почти как дома. Железнодорожник сказал, что знает того, кто мог бы мне помочь, и на следующий день сообщил, что договорился с этим человеком о встрече. Я испытал невероятное облегчение: стало казаться, что все происшедшее со мной – всего лишь страшный сон. Скоро я буду дома. Целый день я провел в хижине один – мужчины ушли на работу – в ожидании своего спасителя.

Как и было обещано, на следующий день пришел человек, он также

говорил на простом, понятном мне языке. На нем был безупречный костюм, он засмеялся, когда я пальцем указал на его выдающиеся усы и сказал: «Капил Дев», имея в виду капитана индийской команды по крикету, – он показался мне похожим на него. Он присел рядом со мной и попросил:

– Иди-ка сюда и расскажи мне, откуда ты.

Я выполнил его просьбу, рассказал, что со мной произошло. Он жаждал знать мельчайшие подробности о моем родном городке, чтобы суметь помочь мне найти его. Я старался изо всех сил, а он лег на постель и заставил меня лечь рядом.

За время моего путешествия меня подстерегало много удач, но и не меньше неудач. Я принимал и правильные, и неправильные решения. Мои инстинкты не всегда были хорошо развиты, но за недели жизни на улице они обострились, и я научился ощущать опасность и сознательно или подсознательно реагировать на нее. Если хочешь выжить, приходится полагаться на свое чутье. Наверное, любой пятилетний малыш почувствовал бы себя неловко, лежа на кровати рядом с посторонним мужчиной. Далее не последовало ничего предосудительного, он и пальцем меня не тронул, но, несмотря на его многообещающие заверения в том, что мне помогут найти дом, я понимал: что-то здесь не так. А еще я понимал, что не должен показывать, что не доверяю ему, и что следует ему подыграть. Пока он обещал, что завтра мы вдвоем пойдем в одно известное ему место и он попытается отправить меня домой, я кивал и соглашался. В то же время я чувствовал, что нельзя связываться с этим человеком, что нужно найти способ убежать.

Вечером я вымыл посуду в старом помятом тазу в углу у двери, как делал и предыдущие два вечера. Рабочие, как обычно, принялись за чай, а потом закурили и отвлеклись на свои разговоры и шутки. Мой час пробил. Я выбрал подходящий момент и выскочил за дверь. Бежал что есть мочи, как будто от этого зависела моя жизнь, что, как я теперь понимаю, было недалеко от истины. Я надеялся, что мой поступок застал их врасплох, что мне удалось оторваться от них и меня не догонят. И я несся в ночь вдоль железнодорожного полотна, по незнакомым улицам, понятия не имея куда, с одной-единственной мыслью: убежать как можно дальше!

Я быстро выдохся и, оказавшись на многолюдной улице, перевел дух – может быть, они даже внимания не обратили, что я сбежал, а если и обратили, уж точно не стали бы за мной так далеко бежать. И тут я услышал, как кто-то сзади, совсем близко, окликнул меня по имени. Меня словно током пронзило. Я мгновенно пригнулся, хотя и так был намного ниже всех снующих мимо людей, и направился в самую многолюдную

часть этой узкой улочки, к шумным палаткам, выстроившимся вдоль тротуара, в которых продавали еду. Я оглянулся и заметил двух мужчин, которые, похоже, преследовали меня – мрачные, с суровыми лицами, они постоянно оглядывались и шагали очень быстро. Я узнал в одном из них железнодорожника, с которым познакомился вначале, но он уже мало походил на доброго человека, приютившего меня у себя. Я поспешил от них прочь, но на улицах скоро стало настолько многолюдно, что быстро передвигаться я не мог, и почувствовал, что преследователи меня настигают. Нужно было прятаться. Я разглядел небольшой проход между двумя зданиями и, юркнув туда, стал пробираться до тех пор, пока не наткнулся на выступающую из стены канализационную трубу, из которой капала вода. Труба была достаточно большой, чтобы я мог там спрятаться. Я на четвереньках забрался в трубу и стал пятиться, чтобы меня невозможно было разглядеть снаружи. Я не обращал внимания ни на паутину, ни на вонючую воду, текущую по рукам. Больше, чем темной трубы, я боялся того, что осталось снаружи. Если меня здесь обнаружат, бежать будет некуда.

Я слышал, как один из преследователей разговаривал с торговцем фруктами, чья палатка находилась рядом с тем местом, где я прятался. Я даже с ужасом вспоминаю, как хотел выглянуть наружу как раз в тот момент, когда железнодорожник сам заглянул в отверстие трубы, пристально всматриваясь в темноту. На мгновение мне показалось, что его взгляд остановился на мне, но после заминки он двинулся дальше. Неужели меня едва не обнаружили? Неужели я видел того, кто меня приютил? Теперь я в этом не уверен, но эта сцена крепко врезалась мне в память, наверное, из-за ужаса перед предательством – я ведь доверился этому человеку, не сомневался, что он мне поможет, а вместо этого теперь земля горела у меня под ногами. Никогда не забуду ужаса, который пережил тогда.

Я еще какое-то время посидел в трубе, пока не убедился, что оба преследователя ушли, потом незаметно выскользнул из нее и стал пробираться по самым темным улочкам и переулкам. Я был убит горем: мои надежды рухнули, но, с другой стороны, испытывал невероятное облегчение, ведь мне удалось сбежать. По крайней мере инстинкт самосохранения меня не подвел. В каком-то смысле я черпал силы в том, что смог сам о себе позаботиться.

4. Спасение

Я так боялся, что меня опять обнаружат железнодорожник и его приятель, что не решился оставаться рядом с вокзалом. Не считая единичных вылазок на соседние улочки, я все еще опасался отходить далеко от того места, где я оказался, впервые приехав в этот город. Но сейчас уйти меня вынуждали обстоятельства. Я решил первый раз перейти на тот берег реки.

Тротуары по обе стороны длинного моста были так же многолюдны, как и железнодорожные платформы на станции, но здесь толпа была более пестрой. Большинство просто куда-то спешили, в одиночестве или в компании, с очень озабоченным видом, но были и те, кто просто бродил по мосту, как будто они здесь и жили, над водой. Приходилось лавировать между семьями, неспешно идущими сплоченными группами, и людьми, несущими на головах огромные тюки товаров. Проходил мимо нищих и калек, просящих подаяние, безруких, безногих или одноглазых; у некоторых лица были изъедены болезнью, все умоляли бросить им в металлическую миску рупию или немного еды. Дорогу посередине моста наводнял разнообразный транспорт, включая рикш и повозки, запряженные волами, здесь даже бродили отбившиеся от стада коровы. Количество людей ошеломило меня. Я пробирался, как мог, через толпу и, оказавшись на другом берегу, тут же свернул с основной дороги.

Теперь, в более спокойной обстановке, я бесцельно бродил по лабиринту улиц и переулков, озираясь в расчете на помощь и сторонясь того, что могло причинить неприятности. Из-за железнодорожника стало труднее отличать одно от другого. И, несмотря на то что из-за его предательства я стал доверять своему чутью на опасность, я понял, что сам я долго на улице не выживу – опасностей было слишком много, предвидеть все было невозможно. Я стал подозрительно относиться к людям – если они не были ко мне равнодушны, то хотели причинить вред, – но все равно мне было необходимо найти того, кто искренне готов был мне помочь, как тот бездомный у реки. Я хотел не только держаться от людей подальше, но и выбраться отсюда. А это значило, что мне нужно быть настороже. Все то время, что я провел на улице, осторожность боролась в моей душе с желанием спастись.

Я начал идти на сближение с людьми. Как-то раз, шагая по одной из улиц, я встретил своего сверстника, который разговаривал сам с собой или

обращался ко всему окружающему миру. Когда он заметил мой интерес, поздоровался, и мы, немного робея, поболтали. Создалось впечатление, что он знает больше слов, чем я, говорит почти как взрослый – наверное, он учился в школе. Он по-дружески отнесся ко мне, и мы немного поиграли на улице. Потом он сказал, что я могу пойти к нему в гости. Я настороженно последовал за новым приятелем.

Когда мы пришли к нему домой, он познакомил меня со своей мамой, и я немного рассказал им о том, что со мной произошло. Его мама сказала, что я могу с ними пообедать и, возможно, даже остаться до тех пор, пока они не найдут человека, который мог бы помочь мне вернуться домой. Я уже не держался настороженно, так как их участие показалось мне искренним. Я и представить не мог, что эта добрая женщина может желать мне зла, я думал, что у меня появился шанс уйти с улицы. Даже тех нескольких дней в доме железнодорожника хватило, чтобы я избавился от привычки спать на улице. Теперь мне хотелось вновь иметь крышу над головой, как минимум. Я был счастлив опять оказаться в доме, в безопасности и быть сытым.

На следующий день мама мальчика сказала, что я могу пойти с ними, и мы отправились к ближайшему пруду, где местные жители стирали белье. Женщина занялась стиркой, а мы с ее сыном стали мыться. Я не снимал черных шорт и когда-то белой рубашки с коротким рукавом с тех пор, как потерялся, наверняка я был очень-очень грязным. Мне нравилось плескаться там, где не нужно было уметь плавать. Я мог бы не вылезать из воды вечно. Но время тянулось медленно, вот уже мой новый приятель вышел из воды, обсох и оделся. Его мама крикнула, чтобы я выходил. Наверное, я забыл, что такое семья и что маму следует слушаться, поэтому продолжал плескаться. Мама мальчика быстро вышла из себя и швырнула в меня камнем, который едва в меня не угодил. Я расплакался, а она взяла своего сына за руку, развернулась и ушла.

Я не помню, что именно тогда почувствовал, стоя в мелком пруду. Меня неправильно поняли? Может быть, из-за того, что я остался в воде, они подумали, что я не хочу с ними идти? Моя мама никогда не бросала в меня камнем, даже если и полагала, что я плохо себя веду. С такой же легкостью, с какой эта женщина приютила меня в своем доме, она и отвернулась от меня. Неужели так ведут себя все люди в больших городах?

Несмотря на то что они бросили меня одного, встреча с ними стала для меня хорошим уроком: поскольку меня в очередной раз накормили и оставили ночевать, я понял, что намного больше людей, чем я думал изначально, могут понять, что я говорю. И вскоре я встретил такого

человека.

Однажды я бродил у магазина в районе своего нового места обитания в надежде отыскать под ногами что-либо из еды, когда с тачкой, полной товаров, показался мальчик – ровесник моего брата Гудду. Понятия не имею, что заставило его обратить на меня внимание, но он что-то сказал мне – я не понял. Он не проявлял никакой агрессии, поэтому я не испугался; я просто стоял и смотрел, как он приближается. Потом он заговорил медленнее, спросил меня, что я здесь делаю и как меня зовут.

Мы немного поговорили, я признался, что потерялся, он пригласил меня к себе домой. Я колебался: не обидит ли он меня, не отвернется ли, как поступила мама того мальчика? Но я все же пошел с ним. Это было рискованно, но и оставаться на улице было небезопасно. И внутренний голос подсказывал, что этот парень не хочет сделать мне ничего плохого.

Внутренний голос меня не подвел. Мальчик отнесся ко мне по-дружески, и я остался в его семье на несколько дней. Иногда мы выходили вместе, я помогал ему грузить и разгружать тележку, он был терпелив и, похоже, приглядывал за мной. И вскоре я понял, что он хочет сделать для меня гораздо больше.

Как-то он заговорил со мной другим тоном, более серьезно, как с взрослым. Он сказал, что отведет меня туда, где мне смогут помочь, и мы вместе пошли в другой конец города. Мальчик привел меня к огромному полицейскому участку, где было полно полицейских. Я тут же стал сопротивляться. Неужели это такой хитрый ход? Неужели он хочет, чтобы меня арестовали? Подросток успокоил меня, пообещал, что полицейские меня не обидят, а попытаются найти мою семью. Я, если честно, не очень понимал, что происходит, но послушно пошел за ним в участок. Подросток какое-то время пообщался с полицейскими, наконец вернулся и сообщил, что оставляет меня под их присмотром. Я не хотел, чтобы он уходил, все еще очень нервничал в присутствии полицейских, но я доверял этому парню, поэтому остался. А что мне было делать? Мне было грустно и страшно, когда он со мной прощался, но он сказал, что сделал все, что мог, и это единственная возможность для меня найти семью. Надеюсь, я тогда сказал ему «спасибо».

Вскоре после ухода подростка меня отвели вглубь участка, где посадили в камеру и заперли дверь. Я понятия не имел, к лучшему это или к худшему. Тогда я этого не знал, но на самом деле этот мальчик-подросток, как и бездомный на реке, в буквальном смысле спас мне жизнь.

Иногда я задаюсь вопросом, что случилось бы, если бы он не привел меня в участок или я не захотел бы ему довериться. Возможно, кто-то

другой сделал бы для меня то, что сделал он, или меня бы нашел кто-нибудь из организации, занимающейся судьбами бездомных детей. Но вероятнее всего я умер бы на улице. Сегодня на улицах Калькутты сотни тысяч бездомных детей, многие из которых погибают, не дожив до совершеннолетия.

Разумеется, я не могу знать наверняка, что задумал приятель железнодорожника или что случилось с детьми, которых хватили на станции в ту ночь, когда я там ночевал, но я абсолютно уверен, что их судьбы ужаснее моей. Никому не известно, скольких индийских детей продали в сексуальное рабство, или сделали обычными рабами, или даже продали на органы, но эти виды торговли процветают, ведь слишком мало чиновников занимается этими проблемами, а детей слишком много.

Всего через пару лет после того, как я оказался на улице, в Калькутте была совершена серия прискорбно известных убийств «Стонменом» – «Человеком с камнем», а позже такие же убийства начались в Бомбее. Кто-то стал убивать по ночам спящих бездомных, чаще всего в окрестностях железнодорожных станций, нанося удар по голове большим камнем или обломком бетонной плиты, пока несчастные спали. За полгода было убито тринадцать человек, но никого так и не осудили (хотя убийства прекратились, когда полиция арестовала психически неуравновешенного подозреваемого). Останься я на улице, вполне возможно, что сегодня меня уже не было бы в живых и уж точно я бы не писал эту книгу.

Есть множество вещей, которые мне хотелось бы забыть, но я всегда жалел, что не запомнил имени этого подростка.

Ночь я провел в камере полицейского участка. Утром пришли полицейские и заверили меня, что я не арестован и мне ничего не грозит, они просто пытаются помочь. Я чувствовал себя неудобно, но принял их объяснения. Это был мой первый шаг на пути, который привел меня на другой континент.

Меня накормили, усадили в большой полицейский фургон, где сидели другие дети, как старше, так и младше меня. Нас повезли через весь город к зданию, и там какие-то люди, с виду чиновники, угостили нас обедом и дали попить. Они задавали множество вопросов, и было совершенно очевидно, что они хотят знать, кто я и откуда. Я рассказал им все, что помнил. Они записывали мои ответы на множестве бланков и документов. Название моего городка – Гинестли – было им неизвестно. Я старался вспомнить название той станции, где сел на поезд, но мог только сказать, что братья называли ее то ли Бурамбур, то ли Бирампур, а может,

Берампур...

Несмотря на то что чиновники делали записи, было ясно, что они на самом деле не очень надеются отыскать небольшой городок с этим полузабытым названием. Он мог располагаться в любом месте страны. Я даже не помнил своего полного имени. Меня называли просто Сару. В конечном итоге, не зная, ни кто я, ни откуда, они просто написали против моего имени «потерялся».

После того как с вопросами было покончено, меня в другом фургоне отвезли к какому-то зданию и объяснили, что это дом для таких детей, как я. Мы остановились у массивных ржавых железных ворот, похожих на тюремные. Рядом с ними была небольшая дверь, ведущая в помещение. Я стал гадать: если я войду туда, смогу ли когда-нибудь выйти? Но я уже зашел слишком далеко, да и возвращаться на улицу не собирался.

За дверью оказался двор, где располагалось несколько больших зданий, которые назывались «Дом». Меня отвели в огромное двухэтажное помещение, в котором находились сотни, может быть, тысячи детей. Многие сидели группами. Мы вошли в огромный зал, где рядами стояли кровати. В конце коридора находилась общая ванная.

Мне показали двухъярусную кровать с москитной сеткой, одну из кроватей уже занимала маленькая девочка. Затем меня накормили и напоили. Сперва мне показалось, что «Дом» больше напоминает школу (какой она мне представлялась), но в этой школе стояли кровати, и дети жили прямо здесь, так что скорее это было похоже на больницу или даже тюрьму. Со временем выяснилось, что это место все-таки больше напоминало тюрьму, чем школу, но первое время я был счастлив оттого, что у меня есть кров и еда.

Вскоре я узнал, что на втором этаже находится такой же зал с большим количеством коек, где тоже жили дети. Часто мы спали по три-четыре человека на одной кровати, и бывало, нас перекладывали с места на место, поэтому мы нередко спали с разными детьми или даже на полу, если в помещении оказывалось слишком много детей. В уборных убирали редко. Место вообще казалось мрачным, особенно по ночам, когда с легкостью можно было представить, что в каждом углу прячется привидение.

Сейчас я думаю, что, возможно, это чувство возникало из-за того, что через заведение проходило слишком много детей. Кого-то бросили родители, кого-то в семье обижали и притесняли, поэтому их забрали. Я уже начал подумывать, что мне еще повезло. Я недоедал, но болезненно худым не был и не имел физических отклонений, а ведь я видел даже детей без ног или рук и с ужасными травмами. Некоторые из детей не умели или

не хотели говорить. Я и раньше встречал людей со всякими отклонениями, психически больных, которые что-то выкрикивали или вели себя как безумцы; особенно часто они попадались мне на улицах у вокзала. Но я всегда мог избежать встречи с ними, если что-то меня пугало. В приюте бежать было некуда – я жил с детьми, отягощенными разными проблемами, среди них встречались преступники и садисты, которые в силу слишком юного возраста не могли сидеть в тюрьме. Некоторые были почти совершеннолетними.

Позже я узнал, что это был исправительный центр для несовершеннолетних, который назывался «Лилуа». Там жили дети всех возрастов: и те, кто потерялся, и те, кто был психически нездоров, а также малолетние воры, убийцы и бандиты. Но тогда меня беспокоило только то, что это место навевало страх. По ночам я просыпался от чьего-то крика или плача испуганных детей. Что бы со мной там стало? Как долго я прожил бы в таком ужасном месте?

И опять я учился выживать. Так же, как на улице, здесь меня дразнили мальчишки, те, кто постарше. И поскольку я оказался уязвимым из-за ограниченного запаса слов, своего возраста и относительной беспомощности, в них проснулись животные инстинкты. Меня дразнили, надо мной смеялись, а потом стали толкать, и если мне не удавалось убежать, меня избивали. Я быстро научился держаться подальше от них во время игр. Сотрудники центра, похоже, предпочитали не вмешиваться, но когда все-таки принимали меры, наказывали всех, и правых и виноватых. Доставалась длинная тонкая трость, удар от которой был вдвойне больнее из-за ее раздвоенного конца, который защемлял кожу.

Существовали и другие опасности, которых мне удавалось избежать скорее по счастливой случайности, а не благодаря собственной прозорливости. «Лилуа» окружали высокие стены, но я помню, что видел, как с улицы на территорию заведения перелезали люди и входили в здание. Я никогда не видел и не слышал, чем они занимались, но дети с криками выбегали из здания, пока посторонние не покидали его. Не знаю, то ли персоналу было наплевать, то ли они были не в силах нас защитить, ведь здание было большим. По-моему, в округе все прекрасно знали, что это детское учреждение. Людей, которые пытались поймать меня, когда я жил на улице, явно не остановили бы ни стены, ни ворота. О том, что может со мной случиться, я изо всех сил пытался не думать, но трудно было не расстраиваться из-за тех, кому не так повезло. Чувство это с годами становилось сильнее, может быть, оттого, что я лучше узнал этот мир и понял, какое мне выпало счастье. Теперь я знаю, что мало кому удастся

покинуть улицу, а многих из тех, у кого это все-таки получается, впереди ждет много страданий.

За пару недель моего пребывания в центре «Лилуа» некоторые дети выходили через маленькую дверцу в стене, но я не был уверен, что им разрешали выходить, и не знал, куда они направлялись. Возможно, находились их родные? Я гадал, что происходит с детьми постарше, которые выросли в этих стенах. Наверное, их отсылали в другое место или в определенном возрасте просто выпускали на улицу.

Я молился, чтобы мне повезло и я стал бы одним из тех, кто покинет это место до достижения такого возраста.

И в конечном счете я стал одним из них. В то время я не знал, что примерно через месяц после того, как я прибыл в центр для несовершеннолетних, поскольку никто не заявил о моем исчезновении и никто не знал, откуда я родом, власти решили передать меня в сиротский приют. Однажды меня вызвали в кабинет начальника и сказали, что меня переводят в другой приют, где мне будет лучше. Меня отвели в душ и выдали новую одежду. Как всегда, я делал то, что мне велели. Мне сказали, что мне очень повезло. И, несмотря на то что они не нашли мою семью, я на самом деле почувствовал себя счастливым оттого, что покидаю место, которое стал считать дьявольским.

Миссис Суд из Индийского общества опекунов и усыновления (ИООУ) суждено было стать главным человеком в моей жизни.

Она объяснила мне, что власти понятия не имеют, кто я, где мой дом и родные, и сказала, что их попытаются разыскать в городках с названием, похожим на Берампур, о котором я рассказывал. А я пока поживу в сиротском приюте, который назывался «Нава Дживан».

«Нава Дживан» – как я позже узнал, на хинди это означает «новая жизнь» – оказался более приятным местом, чем центр для несовершеннолетних «Лилуа». Здесь жили в основном такие, как я, потерявшие детей. Это было голубое трехэтажное здание из бетона, где меня встретили намного гостеприимнее. Когда мы вошли, я заметил, что из-за угла выглядывают дети, чтобы первыми увидеть вновь прибывшего, – они улыбались и тут же бросились наутек, когда на них шикнула женщина, которая встретила меня и миссис Суд. Пока мы шли, мне удалось заглянуть в несколько комнат, куда из окон на кровати струился солнечный свет, – здесь кроватей было намного меньше, чем в длинных залах центра для несовершеннолетних. На окнах были решетки, но я уже начал понимать, что это скорее для нашей же безопасности, чем с целью ограничения

свободы. И цветные плакаты на стенах делали окружающую обстановку более дружелюбной, чем была там, откуда я приехал.

Хотя здесь детей было значительно меньше, чем в центре, иногда коек тоже не хватало, приходилось некоторым спать на полу, а это означало, что они могли проснуться мокрыми от чьей-то мочи. По утрам мы спешно умывались колодезной водой – колодец располагался рядом с входом в здание – и чистили зубы пальцами вместо зубных щеток. Нам всем давали стакан горячего молока со сладким индийским хлебом или несколькими молочными печеньями.

Обычно днем в помещениях царил тишина – многие дети отправлялись в школу. Поскольку я в школе никогда не учился, меня оставляли в приюте, иногда одного. Я много времени проводил на крыльце, которое тоже было забрано решеткой и напоминало клетку. Мне нравилось смотреть на большой пруд, раскинувшийся за улицей. Вскоре я познакомился с девочкой, ровесницей Гудду, жившей по ту сторону пруда, она иногда приходила в гости. Бывало, она протягивала мне через решетку угощения, а однажды подарила ожерелье с кулоном – богом с головой слона, Ганешем. Я был просто в восторге. Я никогда ни от кого не получал подарков. Я прятал ожерелье от остальных, а время от времени доставал, чтобы полюбоваться. Позже я узнал, что Ганеша часто называют Тот, Кто Устраняет Препятствия, и Бог Начинаний. Неужели поэтому девочка мне и подарила его? (А еще Ганеш – это Бог Посланий, и поэтому, в некотором роде, он покровитель этой книги.)

Ожерелье было не просто украшением, а знаком того, что на свете есть добрые люди, которые пытаются мне помочь. Я до сих пор храню ожерелье, и это самое ценное, что у меня есть.

Как и в центре, в сиротском приюте меня тоже дразнили, однако здесь обидчики были почти моими ровесниками, поэтому мне не очень доставалось. Обычно я избегал неприятностей, но через какое-то время одна девочка решила сбежать и позвала меня с собой. У меня и в мыслях не было бежать, но она посвятила меня в свой план, и не успел я глазом моргнуть, как мы уже как-то утром выбежали из двери. Мы добежали до палатки со сладостями, которая находилась чуть дальше по улице, продавец стал нас угощать, чтобы задержать, а сам сообщил сотрудникам «Нава Дживан» о нашем местонахождении. Не помню, чтобы меня как-то наказали за побег. В приюте вообще никого и пальцем не трогали, не говоря уже о том, чтобы бить тростью, хотя могли устроить головомойку или оставляли одного за непослушание.

Вскоре миссис Суд сообщила мне, что, несмотря на все приложенные усилия, так и не удалось разыскать мой дом и мою семью и что они больше ничем помочь не в состоянии. Миссис Суд относилась ко мне по-дружески, и я верил, что она пытается помочь, но она сказала, что в Берампуре мою маму не нашли. Она сообщила, что мне постараются найти другую семью, в которой я мог бы жить. Когда я осознал, что это значит, мне открылась суровая правда: я никогда не вернусь домой.

В глубине души я уже с этим смирился. Изначальное отчаянное желание найти свой дом – я чувствовал, что, если мир не вернется на круги своя, я не выживу, не смогу существовать, – уже давно угасло. Мир для меня был тем, что меня окружало, я смирился со своим положением. Возможно, я чему-то все же научился у своих братьев, когда они стали жить своим умом вдали от дома. Правда, я был моложе и рядом не было никого, кто мог бы прийти на помощь. Я сосредоточился на том, что должен сделать, чтобы выжить, и на том, что находилось рядом, а не где-то далеко. Я не понимал, почему взрослые не могут просто узнать, какой поезд отвезет меня домой, а из-за того, что сообщила миссис Суд, я расстроился, но, похоже, не был этим раздавлен.

Миссис Суд рассказала мне, что есть люди в других странах, которые с радостью примут в свою семью потерявшегося индийского ребенка, и она думает, что, если я захочу, она сможет найти мне новых родителей. Не уверен, что я сразу правильно понял, что мне предлагали, – не слишком об этом задумывался.

Но не истек и месяц моего пребывания в «Нава Дживан», как меня повезли в контору ИООУ, где миссис Суд сообщила, что нашлись родители, готовые забрать меня к себе, в свой дом. Они жили в другой стране – в Австралии. Я где-то раньше слышал это название, миссис Суд объяснила, что с этой страной Индия играла в крикет, но больше об Австралии я не знал ничего. Миссис Суд сказала, что два знакомых мне мальчика, которые уехали из приюта совсем недавно, – Абдул и Муса – отправились как раз туда, и мою подругу Асру тоже выбрали. Австралия – отличная страна, где помогают несчастным детям-сиротам, предоставляют им возможности, которых лишены большинство детей в Индии.

Когда мы вернулись в «Нава Дживан», нам с Асрой показали волшебные маленькие красные альбомы с фотографиями – их прислали люди, которые могли стать нашими новыми семьями. В альбомах были фотографии их самих, их домов и запечатлевшие то, чем они занимались. Когда я просматривал свой альбом, у меня глаза на лоб лезли. Эти люди были так не похожи на тех, которые меня окружали, – они были белыми! И

все вокруг них казалось таким блестящим, чистым и новым. Некоторые предметы я никогда раньше не видел, и воспитатели объяснили нам с Асрой, что это, прочитав подписи под снимками, сделанные на английском. В моем альбоме было написано: «Это твой папа моет нашу машину, в которой мы будем ездить по разным местам». У них была машина! «А это наш дом, который станет и твоим домом». Дом был огромным, с множеством застекленных окон, он выглядел как новенький. В альбоме было даже написано: «Дорогой Сару». Семья, о которой мне рассказали, носила фамилию Брирли.

В альбоме еще была фотография самолета («На этом самолете ты полетишь в Австралию»), который просто пленил меня. У себя дома я видел самолеты, высоко летящие в небе, оставляющие за собой туманный след, и я всегда гадал, каково же сидеть в таком самолете и лететь высоко в облаках. Если я соглашусь поехать к этим людям, обязательно это узнаю.

Меня ждало невероятное приключение. Асра очень радовалась грядущим переменам и часто просила, чтобы нам показывали наши альбомы, которые воспитатели хранили у себя – для надежности. Она садилась рядом со мной, открывала свой альбом и говорила, указывая на фотографию: «Это моя новая мама» или «Это мой новый дом». А я ей вторил: «А это мой новый дом! А это новая машина моего папы!» Мы поддерживали друг друга, и ее энтузиазм передавался мне. Казалось, что у меня есть сборник рассказов обо мне, даже несмотря на то, что моего снимка там не было. Было трудно поверить, что все это настоящее. Все, что я знал об Австралии, умещалось в этом красном альбоме, но я действительно о большем и мечтать не мог.

В «Нава Дживан» дети время от времени плакали по родителям, которых потеряли. Некоторые родители бросили своих детей, другие умерли. Я же просто не знал, где моя семья, и никто не мог помочь мне ее разыскать. Но мы все потеряли семьи, и назад дороги не было. Теперь же мне выпал шанс обрести новую семью. Асра уже захлеб рассказывала о своих новых родителях.

Не знаю, был ли у меня выбор, но уверен, что, случись мне выказать сомнения, меня бы стали мягко уговаривать. Однако в этом не было необходимости. Я понимал, что, если не приму это предложение, выбор у меня невелик. Отправиться обратно в центр для несовершеннолетних, чтобы опять стать объектом насмешек? Вернуться на улицу и испытывать судьбу? Продолжать искать поезд, который не смогли найти даже взрослые?

Я ответил, что готов лететь.

Мое согласие поселиться в доме новой семьи настолько всех обрадовало, что эта радость заразила и меня, последние сомнения развеялись. Мне сказали, что я вскоре отправлюсь в Австралию на встречу со своими новыми родителями на таком же большом самолете, как тот, что изображен на фотографии.

Мы с Асрой были ровесниками, а другие дети, которые отправлялись в Австралию, оказались совсем маленькими, были среди них даже младенцы. Не знаю, было ли малышам в силу их возраста менее страшно, чем нам, – что они понимали?

Однажды нас искупали и красиво одели, и нескольких мальчиков и девочек усадили в такси. Мальчиков отвезли в дом к женщине, которую велели называть тетюшка Ула. Ула была белой женщиной родом из Швеции, хотя это слово для меня ничего не значило, но она приветствовала нас на хинди. В таком красивом доме, как у нее, я никогда не был: шикарная мебель, занавески, ковер – как на фотографиях из моего красного альбома. Мы сели за обеденный стол, и меня впервые познакомили с вилок и ножом, научили правильно пользоваться столовыми приборами – раньше я ел исключительно руками. Еще нас научили, как вести себя за столом: не стоит вскакивать и тянуться через весь стол, чтобы что-то достать, сидеть следует прямо. После визита к тетюшке Уле мы с еще большим нетерпением стали ожидать предстоящего путешествия.

Английскому нас никто не учил, хотя в «Нава Дживан» на стене висел алфавит с картинками, где рядом с «А» было нарисовано яблоко и так далее. По-моему, меня научили говорить: «Здравствуйте», но для большего времени не было – я вскоре должен был покинуть Индию. Я летел в страну, которая, как мне сказали, находилась очень далеко – на другом конце света. Никто никогда не заговаривал о моем возвращении, похоже, это никого не волновало.

Все не сомневались в том, что мне повезло.

Так что я улетел из Индии через несколько дней после того, как мне сообщили об усыновлении, всего пару месяцев спустя после моего появления в приюте, чего сейчас, когда процесс усыновления стал более сложным, никогда бы не случилось. К нам, шестерым детям из «Нава Дживан», которые летели в Австралию, включая мою подругу Асру, присоединилось еще двое детей из другого сиротского приюта. После остановки в Бомбее (который тогда еще не переименовали в Мумбаи) мы сперва полетели в Сингапур, потом в Мельбурн, где мы должны были встретиться с нашими новыми семьями. Приемная семья Асры жила в штате Виктория, а моя, семья Брирли, неподалеку – в штате Тасмания.

Было грустно прощаться с миссис Суд – три волонтерки-австралийки и мужчина из какого-то министерства Австралии должны были сопровождать нас при перелете. Все они были очень дружелюбными, и хотя мы не могли общаться с ними из-за незнания языка, все мои страхи перед предстоящим путешествием развеялись.

Я был на седьмом небе от счастья, когда мы наконец-то сели в огромный самолет. Казалось невероятным, что такая махина с множеством пассажиров вообще может взлететь, но я не помню, чтобы испытывал страх. Каждому из нас дали по шоколадному батончику – для меня невероятная роскошь, – свой я растянул на время всего путешествия. Мы разговаривали, смотрели фильм, надев наушники. Меня привели в восторг розетка в подлокотнике и возможность переключать каналы и контролировать громкость. Мы съели все, что нам давали в маленьких контейнерах с крышкой из фольги, – то, что кто-то приносит тебе еду, было как бы символом начала новой жизни. Наверное, мы спали – этого я не помню.

В Бомбее мы на ночь остановились в гостинице, где нас ждали новые удивительные открытия. Скорее всего, это была обычная западная гостиница, но я никогда еще не бывал в таком шикарном месте. В номере пахло свежестью, и мне до того момента еще не приходилось спать в такой мягкой и чистой постели. Несмотря на все волнения и новые впечатления, я уже много месяцев так крепко не спал. В гостинице было много белых людей – никогда столько белых я в одном месте не видел, и, как ни стыдно в этом признаться, все они казались мне богачами. Вокруг меня столько всего происходило, и, насколько мне помнится, я даже не задумывался о том, что вскоре мне придется жить с такими же белыми людьми, как эти.

На следующий день мне дали белые шорты и футболку с надписью «Тасмания» – одежду, которые прислали мне новые родители, чтобы я ее надел перед тем, как буду лететь в Австралию. Я обрадовался своему новому наряду. Но это было еще не все – нас отвели в магазин игрушек, где предложили выбрать себе по игрушке, – наверное, были какие-то ограничения по цене, но я не помню, чтобы нам что-то об этом говорили. Я до сих пор храню машинку, которую тогда выбрал, – благодаря механизму обратного хода она доезжала сначала до одного конца комнаты, потом – до противоположного.

Теперь я знаю, что во время перелета из Калькутты в Бомбей я был очень близко от своего родного города, только на высоте десяти километров. Наверное, самолет, на котором я летел, тоже оставлял туманный след, как те, которыми я с таким восторгом любовался. А вдруг и

моя мама неосознанно в нужный момент подняла голову и увидела мой самолет и оставленный им след? Она бы никогда не поверила, что я нахожусь на борту этого самолета. Никогда бы не поверила, что я лечу в Австралию.

5. Новая жизнь

Мы приземлились в Мельбурне 25 сентября 1987 года. Нас, группу ребят, проводили в VIP-зал аэропорта, где, как нам сообщили, нас ожидали приемные семьи.

Я очень стеснялся, когда входил в зал. Там было множество взрослых, все не сводили с нас глаз, но я тут же узнал чету Брирли, которую разглядывал на фото в своем красном альбоме. Я стоял и пытался улыбаться, глядя на остатки драгоценного шоколадного батончика в своей руке.

Кто-то из сопровождающих провел меня через зал, и первое, что я сказал своим новым родителям, – «Кэдбери». В Индии «Кэдбери» – это синоним шоколада. И как только мы обнялись, мама тут же приступила к исполнению своей роли: достала салфетку и вытерла мне руку.

Поскольку я почти не говорил по-английски, а мои новые родители не говорили на хинди, мы мало друг с другом разговаривали. Так что сначала мы сели и стали просматривать красный альбом с фотографиями, который они мне прислали. Мама с папой показывали на дом, в котором я буду жить, на машину, на которой мы туда поедem. Мы пытались привыкнуть к обществу друг друга. Наверное, я был очень замкнутым ребенком, настороженным и закрытым, что неудивительно после всего, что мне довелось пережить. Это видно и по фотографиям: на моем лице не отразилась ни тревога, ни особая заинтересованность, а лишь какая-то отрешенность и просто ожидание того, что же будет дальше. Но, несмотря ни на что, я знал, что с Брирли я в безопасности. Это я чувствовал интуитивно. Они отнеслись ко мне спокойно, по-доброму, у них были такие теплые улыбки, что я тут же успокоился.

Еще больше меня порадовало то, что Асра явно испытывала удовольствие, общаясь со своей новой семьей. Через какое-то время она уехала с ними из аэропорта, и, наверное, мы поспешно попрощались, как обычно прощаются дети. Но мне с новой семьей еще предстояло совершить небольшой перелет: из Мельбурна через Бассов пролив в Хобарт. Поэтому свою первую ночь мы провели в одном номере в гостинице аэропорта.

Мама тут же усадила меня в ванну, она старательно намазывала меня и ополаскивала, стремясь уничтожить всех гнид, вшей и тому подобное. Я очень отличался от детей, живущих в Австралии. Вдобавок к наружным паразитам оказалось, что у меня солитер, крошащиеся зубы и шумы в

сердце, которые, к счастью, с возрастом прошли. Ницета, царящая в Индии, отразилась на моем здоровье, а жизнь на улице подорвала его еще больше.

Первую ночь в Австралии я спал как убитый – явно начал привыкать к гостиницам. Проснувшись утром, я заметил, что родители наблюдают за мной со своей кровати, ждут, когда я начну шевелиться. Сперва я смотрел на них из-под одеяла. Мама уверяет, что до сих пор помнит то утро, как будто это было вчера. Они с папой, лежа на двуспальной кровати, подняли головы и вглядывались в небольшую горку из одеяла на односпальной кровати в противоположном конце комнаты. Из-под одеяла выглядывала лишь моя черная макушка. Я то и дело посматривал на них. Позже, пока я не стал взрослым, мы часто вспоминали нашу первую семейную ночь, и я постоянно напоминал им: «А я подглядывал, я подглядывал».

По-моему, ни один из нас не мог поверить в происходящее; я – что эти чужие люди, спящие со мной в одном номере, станут моими родителями, а они – что этот индийский мальчик теперь их сын.

После завтрака мы сели на самолет до Хобарта. Тогда я впервые увидел свою новую страну за пределами гостиницы и аэропорта. Для того, кто привык к скоплению людей и грязи одного из самых густонаселенных мест на земле, эта страна казалась невероятно пустой и чистой – улицы, здания, даже машины. Не было ни единого человека с такой смуглой, как у меня, кожей, да и вообще людей было очень мало. Страна, казалось, вымерла.

Пока мы ехали по незнакомым местам в предместье Хобарта, я разглядывал город со сверкающими зданиями, среди которых был и мой дом. Я узнал его по снимку из красного альбома, но в действительности он оказался больше и массивнее, чем я представлял. В нем было четыре спальни всего для трех человек, все комнаты казались просто огромными и при этом необыкновенно чистыми. В гостиной ковер, удобные диваны и самый большой телевизор из всех, какие мне только доводилось видеть. В ванной комнате – огромная ванна, а на кухне полки ломились от еды. И холодильник: мне нравилось стоять перед ним и просто ощущать прохладу, когда открывается дверца.

Но лучше всех комнат была моя спальня – раньше у меня никогда не было своей, отдельной комнаты. В обоих домах, в которых мы жили в Индии, комната была только одна, поэтому, разумеется, все дети спали вместе. Но я не помню, чтобы испугался того, что мне придется спать в одиночестве, – наверное, за время жизни на улице я привык спать один.

Однако я боялся темноты, поэтому попросил, чтобы дверь в мою комнату оставалась открытой и в коридоре горел свет.

На моей новой мягкой кровати, над которой на стене висела большая карта Индии, лежала новая одежда, подходившая для прохладного климата Тасмании. А на полу стояли ящики, в которых лежали книги с картинками и игрушки. Я не сразу понял, что все это для меня, что я могу рассматривать книги и брать игрушки, когда пожелаю. Я долго не мог поверить, что кто-то из детей постарше не придет и не заберет их. К мысли о том, что что-то может принадлежать только тебе, еще надо было привыкнуть.

Тем не менее привыкнуть к западному стилю жизни оказалось по большей части легко, благодаря поддержке родителей. А они уверяют, что я легко в него вписался. Сперва мы ели много индийских блюд, и мама постепенно знакомила меня с австралийской кухней. Разница между этими двумя кухнями была огромной, и не только во вкусах: мама вспоминает, как однажды я, заметив, что она кладет в холодильник красное мясо, подбежал к ней с криком: «Коровка! Коровка!» Для ребенка-индуса убийство священного животного недопустимо. На мгновение мама растерялась, а потом улыбнулась и сказала:

– Нет, нет, это бык.

По всей видимости, меня это успокоило. В итоге радость от того, что я мог наслаждаться изобилием еды, которая всегда была под рукой, пересилила вкусовые и культурные пристрастия.

Один аспект жизни в Австралии тут же привлек меня – желание познавать жизнь за пределами дома. В Индии, живя в городке или большом городе, я часто мог бродить где придется, тем не менее меня повсюду окружали дома, дороги, люди. В Хобарте мои родители вели активный образ жизни: мы играли в гольф, наблюдали за птицами, ходили под парусом. Папа частенько катал меня на двухместном катамаране, благодаря чему я еще больше полюбил воду и наконец-то научился плавать. А возможность любоваться горизонтом приносила мне душевное спокойствие. В Индии душила плотность застройки, часто ничего невозможно было разглядеть за окружающими, давящими на тебя зданиями – казалось, что находишься в огромном лабиринте. Некоторые люди любят суету больших городов, заряжаются от нее энергией, но когда просишь подавание или пытаешься заставить людей остановиться и выслушать тебя, видишь город совсем с другой стороны. Поэтому я, как только привык, понял, что огромные пространства в Хобарте действуют на меня успокаивающе.

Мы жили в районе Тренмир, от центра Хобарта нас отделяла река, а месяц спустя я пошел в школу в соседнем городке, в Хоре. И только много лет спустя я понял, каким невероятным совпадением это было. Пару месяцев, незадолго до моего отъезда в Австралию, я пытался выжить на улицах Калькутты в районе, который тоже назывался Хора, причем это же название носили огромный железнодорожный вокзал и известный мост. Хобартовская версия Хоры – красивое предместье, вытянувшееся вдоль побережья, где располагались школы, спортивные клубы и большой торговый центр. Городок, по всей видимости, был назван так в 1830-х годах одним английским офицером, который служил в столице Западной Бенгалии, а потом переехал жить в Хобарт и нашел некоторое сходство между холмами и рекой в Индии и здесь. Если тогда между ними и было какое-то сходство, то теперь оно исчезло.

Я любил ходить в школу. В Индии бесплатного образования не было – если бы я не переехал в тасманский Хобарт, то, наверное, никогда бы не пошел в школу. Как и везде, здесь в основном учились англосаксы, хотя было и несколько ребят из других стран. Я дополнительно занимался английским с еще одним ребенком из Индии и одним из Китая.

Я уже привык к тому, что изменились цвет кожи и культурные особенности окружающих меня людей, но я выделялся из массы детей, и прежде всего потому, что мои родители были белыми. Другие дети рассказывали о своих семьях, о том, как они переехали в пригород из Мельбурна, и они спрашивали, откуда я. Но я смог ответить только: «Я из Индии». Но дети любопытны – им хотелось знать, почему я живу здесь, почему у меня белые родители. Расспросы прекратились после того, как мама пришла в родительский день и рассказала всем присутствующим о том, что меня усыновили. Похоже, ее рассказ утолил любопытство моих одноклассников, и больше об этом меня никто не спрашивал.

Я не помню, чтобы у нас в школе случались проявления расизма. Однако мама уверяет меня, что я тогда не все понимал. Вероятно, в том, что мне пришлось овладевать местным языком с азов, были и свои плюсы. Как-то я спросил у нее: «Что значит “черножопый”?» Мама ужасно расстроилась. Был еще случай, когда мы стояли в очереди, чтобы записаться в спортивную команду, и папа услышал, как стоящая перед ним женщина сказала: «Я не желаю, чтобы мой ребенок играл в одной команде с этим черным мальчиком». Я не хочу сказать, что совсем не обращал внимания на подобные комментарии, но по сравнению с тем, что, как рассказывали, довелось пережить другим неанглосаксам, мне кажется, что я еще легко отделался. Так что я не могу сказать, что расизм оставил у меня

в душе незаживающие раны.

Наверное, о маме с папой этого не скажешь. Меня уверяют, что к нашей семье неодобрительно относились в местной индийской общине, где регулярно устраивались ужины и танцы. В Хобарте существовала довольно большая индийская община, в основном это были выходцы из Фиджи и Южной Африки, но было немало и приехавших из самой Индии. Одно время мы даже посещали мероприятия, организованные общиной. Но мои родители стали замечать, что к нам относятся несколько подозрительно, и пришли к выводу, что это связано с тем, что индийского мальчика увезла с родины белая пара. Стоит ли говорить, что я ничего из этого не замечал?

Мы сотрудничали еще с одной организацией – Австралийским обществом по вопросам международного усыновления, которое помогало усыновлять детей из-за океана. Мама принимала в его работе активное участие, помогала другим австралийским семьям разобраться как в постоянно меняющихся правилах усыновления, так и в каждой непростой ситуации, с которой доводилось сталкиваться австралийцам, решившимся взять в семью чужого ребенка. Благодаря этой организации я познакомился с другими детьми, которые прибыли в Австралию со всего мира, а теперь жили в смешанных семьях. Мама уверяет, что на первом пикнике, организованном этим обществом, я удивился – и несколько смутился, – когда узнал, что в Хобарте я не один такой «особенный». Было достаточно таких унижительных жизненных уроков, однако у меня появились и друзья, и одним из них стал Равви, индийский мальчик, который жил со своей семьей в Лонсестоне. Наши семьи часто ходили друг к другу в гости.

Благодаря этой австралийской организации я познакомился с другими детьми, прибывшими из «Нава Дживан». Моя подружка Асра попала в семью, которая проживала в викторианском городке Винчелси, расположенном на берегу реки, и наши семьи поддерживали постоянную связь по телефону. Через год после моего приезда в Австралию мы все встретились в Мельбурне, пригласили еще двоих мальчиков, которых усыновили австралийцы, Абдулу и Мусу. Я был счастлив увидеть знакомые лица, и мы наперебой делились впечатлениями о своей новой жизни, сравнивая ее с тем временем, которое мы вместе провели в приюте. Несмотря на то, что приют не казался нам чем-то ужасным, не думаю, чтобы кто-то из нас хотел туда вернуться. Казалось, что все они были, так же как и я, счастливы в Австралии.

Позже, в этом же году, в Хобарт прилетела сама миссис Суд, привезла с собой еще одну девочку, Ашу, которую я помнил по приюту. Я был рад вновь увидеть миссис Суд – она хорошо о нас заботилась на родине до

отъезда в Австралию, она, наверное, была самым добрым и заслуживающим доверия человеком из всех, кого я встретил после того, как потерялся. Мне хочется думать, что она испытывала огромное удовлетворение, когда видела в новом окружении детей, которым ей удалось помочь. По роду деятельности миссис Суд приходилось иметь дело с детьми, страдавшими от душевных травм, но мне всегда казалось, что и отдача от добрых дел огромна. Возможно, иногда усыновление проходило не так гладко, как в моем случае, но посещение детей, которых она устроила в новые семьи, давало миссис Суд силы, необходимые для продолжения этой работы.

Когда мне было десять лет, родители усыновили еще одного индийского мальчика. Я очень обрадовался тому, что у меня будет брат. Откровенно говоря, мне казалось, что больше всего из родных мне не хватает младшей сестренки. В то время, когда меня спрашивали, что я хочу на Рождество, я отвечал нечто вроде: «Хочу, чтобы мне вернули Шекилу». Разумеется, я очень скучал по маме, но с самого начала моя новая мама изо всех сил старалась стать мне настоящей матерью, а еще я был просто счастлив оттого, что отец уделяет мне столько внимания. Они не смогли заменить мне родную маму, но сделали все возможное, чтобы боль от потери была не такой сильной. Единственное, чего мне по-настоящему не хватало, особенно когда я долгое время жил один, – это брата или сестры.

За Шекилу я нес личную ответственность. Именно к ней я был больше всего привязан и ее чаще всего вспоминал. Мама рассказывала, что время от времени я говорил, что чувствую свою вину, поскольку не следил за ней как следует. Наверное, я имел в виду тот вечер, когда ушел с Гудду.

Когда мама с папой подавали документы на усыновление в первый раз, они не высказывали никаких пожеланий относительно пола ребенка или чего-то еще. Они были рады усыновить любого бездомного ребенка, вот так у них появился я. Во второй раз они поступили точно так же. Мы могли бы попросить маленькую девочку или кого-то старше меня, но по воле случая у меня появился маленький братик, Мантош.

Я совсем не расстроился из-за того, что это была не сестричка, – от одной мысли, что в доме появится ребенок, с которым я смогу играть, меня охватывала радость. И – представляя, что он будет таким же спокойным и скромным, как я, – думал, что буду помогать ему привыкнуть к новой жизни. Он станет для меня тем, о ком я смогу заботиться.

Но мы с Мантошем оказались очень разными, отчасти потому, что все люди разные, но еще и потому, что жизнь в Индии у нас складывалась по-

разному. Так что усыновить ребенка, особенно из другой страны, – это настоящий подвиг. Очень часто такие дети пережили в прошлом душевные травмы, потрясения, из-за которых им очень сложно привыкнуть к новой жизни, поэтому их бывает тяжело понять и еще сложнее помочь им. Я был замкнутым и немногословным; Мантош, по крайней мере поначалу, был шумным и непослушным. Он противился моему желанию помочь.

Общим для нас с Мантошем было то, что у обоих в прошлом было много «белых пятен». Он тоже рос в нищете, нигде не учился, поэтому не мог сказать точно, где и когда родился. Мантош приехал, когда ему было девять, свидетельства о рождении у него не было, как не было и медицинской карты и вообще каких-либо официальных документов, подтверждающих его происхождение. Мы празднуем его день рождения 30 ноября, потому что именно в этот день он ступил на землю Австралии. Как и я, он словно свалился с небес на землю, но, к счастью для него, он попал в руки четы Брирли из Хобарта.

Вот что нам известно на сегодняшний день: Мантош родился либо в самой Калькутте, либо в ее окрестностях и говорил на бенгали. Его мать сбежала из дома, где ее всячески унижали, и бросила сына, которого потом отослали к его больной бабушке. Но поскольку старушка и за собой толком ухаживать не могла, а тем более за маленьким мальчиком, она отдала его под опеку государства. В конце концов он оказался в ИООУ, в сиротском приюте миссис Суд, так же, как и я. Закон разрешает сиротам жить в приюте два месяца; за это время власти предпринимают попытки вернуть их в семью или организовать усыновление. Миссис Суд обрадовалась возможности передать его супругам Брирли и тому, что мы станем братьями.

Процесс усыновления Мантоша проходил не так легко, как в случае со мной. Из-за того, что у него были родители, даже несмотря на то, что он не мог вернуться к ним, – местонахождение его матери было неизвестно, а отцу он был не нужен, – возникли сложности при попытке его усыновить. По истечении двух месяцев его обязаны были вернуть в «Лилуа» – центр для несовершеннолетних, куда отправляли и меня, – а ИООУ продолжало делать попытки снять все вопросы с усыновлением Мантоша моими теперешними мамой и папой. В «Лилуа» Мантошу повезло меньше, чем мне. Его били и насиловали. Позже выяснилось, что в прошлом над ним ужасно издевались его родные дяди.

Понадобилось два года, чтобы преодолеть все юридические препоны, и за это время душевные травмы Мантоша лишь усугубились. У него был один плюс – он лучше меня знал английский, и знание языка помогло ему

по приезде в Австралию. Происшедшее с Мантошем – еще одно подтверждение того, какой непоправимый вред наносит ребенку сама бюрократическая процедура усыновления. Когда я позже узнал о его прошлом, то не мог спокойно вспоминать ночи, проведенные в центре для несовершеннолетних «Лилуа», ведь все то, через что довелось пройти моему брату, могло произойти и со мной.

Когда Мантош появился у нас, похоже, он толком не знал, что такое усыновление, и не понимал, что приехал сюда навсегда. Возможно, ему как следует не разъяснили ситуацию или же он не был уверен, что поступает правильно, как был в этом уверен я. Когда он стал понимать, что не вернется в Индию, его охватили противоречивые чувства, как всегда бывает после усыновления. Я и сам ощущал нечто подобное, хотя и не так остро. К неопределенности положения присовокупилась и эмоциональная неустойчивость, очевидно вызванная психологическими травмами. В детстве он взрывался по любому поводу и, несмотря на то, что был всего лишь худеньким мальчиком, мог отбиваться с недетской силой. Я никогда ничего подобного раньше не видел, и, к сожалению, такое поведение пугало меня, поэтому в детстве я его побаивался. Мама с папой были терпеливыми и любящими родителями, но были решительно настроены создать из нас четверых семью, и мы с Мантошем отдаем им должное за это.

Сегодня я все понимаю, но в то время я чувствовал себя из-за этого неуютно. Вследствие психологических травм Мантош требовал к себе повышенного внимания родителей. К моменту его появления я уже вполне привык к новой жизни, но все равно нуждался в подтверждении того, что меня любят, обо мне заботятся. Совершенно нормально испытывать ревность к тому, кто получает больше родительского внимания, но мы с Мантошем оба слишком много пережили в прошлом, поэтому реагировали на все более бурно, чем большинство детей. В результате вскоре после приезда Мантоша я даже однажды сбежал из дома. Побег был мериллом того, насколько я изменился – и сколько узнал об уступках и любви, лежащих в основе взаимоотношений в любой семье. Я не стал больше пытаться выживать на улице, я совершил поступок, более типичный для западного ребенка, который проверяет на прочность родительскую любовь, – пошел на ближайшую автобусную остановку. Вскоре я проголодался и замерз, поэтому вернулся домой. Несмотря на нашу с Мантошем непохожесть, мы вместе плавали, ходили на рыбалку, играли в крикет, катались на велосипедах – вели себя, как братья в любой семье.

Мантош, в отличие от меня, в школу ходить не любил. В классе он был рассеянным и часто баловался, но зато разделял мое увлечение спортом. К тому же он часто провоцировал расистские высказывания, на которые бурно реагировал, а потому попадал в переделки. Это лишь подзадоривало его обидчиков, и они снова и снова забавлялись тем, что дразнили его. К сожалению, учителя оказались неспособны помочь ребенку, который с трудом приспосабливался к новой жизни. Ситуация усугублялась еще и тем, что Мантош вообще не привык выполнять приказы женщин, даже обладающих властью, – так его воспитали в родной семье в Индии. Мне самому пришлось учиться преодолевать эти культурные различия. Мама вспоминает, как однажды повезла меня куда-то в машине и услышала, как я сердито пробурчал: «Женщина нельзя за руль». Она остановила машину и заявила: «Женщина нельзя за руль – мальчики идут пешком!» Я сразу же усвоил этот урок.

Я знаю, что мама сожалеет о том, что, поскольку Мантош требовал повышенного внимания к себе со стороны родителей, я слишком много времени был предоставлен самому себе. Но я не закатывал истерик, а просто не обращал на это внимания, вероятно, потому, что привык к такому отношению в Индии. Мне нравилось быть независимым. И потом, мы все равно часто бывали вместе, например каждую пятницу обедали в ресторане – этаким семейный выход в свет, а еще ездили путешествовать во время школьных каникул.

Через какое-то время родители запланировали большое семейное путешествие – они хотели, чтобы мы все вместе отправились в Индию. Сначала я несказанно обрадовался, да и Мантошу, похоже, идея пришлась по душе – нас всегда окружали предметы из Индии, и мы часто вспоминали о нашей стране, поэтому возбужденно стали обсуждать, что следует посмотреть, куда именно отправиться. Конечно, ни один из нас не знал, где находится его дом, поэтому мы хотели просто увидеть разные места, больше узнать о стране, откуда мы родом.

Но по мере того, как дата поездки приближалась, мы оба ощущали все большее беспокойство. Конечно же, причиной было то, что наши воспоминания об Индии были не самыми счастливыми, и чем реальнее представлялась перспектива вернуться туда, тем ярче становились эти воспоминания. Многое из того, что нам удалось забыть – или, по крайней мере, на время выбросить из головы, – вновь ожило. Я точно не хотел возвращаться в Калькутту и стал бояться, что любой другой город, куда мы отправимся, может оказаться моим домом или просто знакомым местом. Я все еще хотел найти родную маму, но здесь я был счастлив – мне хотелось

и того, и другого. Ситуация все больше усложнялась, и мы все сильнее расстраивались. Наверное, подсознательно я боялся вновь потеряться. Могу только представить, что творилось в голове у Мантоша.

В конце концов родители поняли, что эта поездка окажется для нас слишком сильным потрясением, и решили отложить ее на потом.

6. Мамино решение

Моя история будет неполной, если я не объясню, почему приемные родители приняли решение усыновить двоих детей из Индии. И не детей по своему выбору – как я уже упоминал; в отличие от большинства западных семей, они были готовы предоставить кров любым детям, которых к ним пришлют, независимо от пола, возраста и обстоятельств их жизни. Мне это представляется свидетельством особого бескорыстия, и то, как они пришли к этому решению, – тоже часть моей истории.

Моя мама, Сью, родилась на северо-западном побережье Тасмании, ее родители эмигрировали в Австралию из Центральной Европы после Второй мировой войны. У обоих были непростое детство и юность.

Ее мать, Юлия, родилась в Венгрии, в бедной семье, где было четырнадцать детей. Отец Юлии отправился в Канаду работать лесорубом, собираясь отсылать родным деньги, но домой так никогда и не вернулся, бросив жену и детей. Старшие дети изо всех сил старались помогать матери, но, когда началась война, братьев мобилизовали и отправили на фронт, и они вскоре погибли. К тому времени, когда в Венгрию вошли советские войска, наседая на отступающих нацистов, семья Юлии сбежала в Германию и назад так и не вернулась. (Когда война в Венгрии закончилась, некоторые жители деревни, выселенные ранее, попытались вернуться в свои дома, но семья Юлии решила, что это слишком опасно. Многие венгры после возвращения обнаружили, что в их домах уже живут русские, а когда хозяева пытались возмущаться, их расстреливали прямо на улицах.) В конце войны Юлии было девятнадцать.

У маминого отца, Юзефа, детство выдалось тоже несладким. Когда ему было пять лет, его мать умерла, а отец женился второй раз. Мачеха настолько ненавидела пасынка, что, говорят, даже пыталась его отравить. В конце концов его отдали на воспитание бабушке. Мама говорит, что из-за мачехи он был в обиде на всех женщин.

Когда нацистская Германия в начале войны захватила Польшу, Юзеф вступил в ряды движения Сопротивления, принимал участие в боях. Пережитое оставило глубокий след в его душе. В конце концов, несмотря на участие в Сопротивлении, он тоже бежал от наступающих советских войск и в результате оказался в Германии.

Юзеф был видным мужчиной, высоким, темноволосым, и Юлия,

встретив его в конце войны, тут же влюбилась. Они поженились, у них родилась дочь Мэри. К тому времени война уже закончилась. Началось бурное послевоенное время: по всей Европе с места на место переезжали люди, и мои дедушка и бабушка тоже хотели куда-нибудь уехать, чтобы начать жизнь заново. Им удалось добраться до Италии, где они собирались сесть на корабль, отправлявшийся в Канаду, но закончилось тем, что они приплыли в Австралию. Как и большинство беженцев, они попали не туда, куда хотели, но сумели воспользоваться представившимся шансом.

Юлия почти год провела в знаменитом лагере для эмигрантов в Бонегилле, что в штате Виктория, возле Олбери-Уодонга. Она заботилась о ребенке, пока Юзеф строил в Тасмании дома и жил отдельно в трудовом лагере. Он собирался забрать семью, когда подыщет подходящее место, – его слова, должно быть, напомнили Юлии о ее собственном отце, но Юзеф свое слово сдержал. Когда появилась возможность вместе с еще одной семьей поселиться на ферме вблизи городка Сомерсет, возле Берни, Юзеф и Юлия вновь стали жить вместе. Юзеф много работал и вскоре купил ферму по соседству и построил собственный дом. Мэри было шесть, когда в 1954 году родилась мама. Еще через год и четыре месяца у нее появилась младшая сестра, Кристина.

Как и у многих из тех, кто пережил войну, у Юзефа была травмирована психика, и с годами ее состояние лишь усугублялось. В детстве маму воспитывали в строгости, что было связано и с перепадами отцовского настроения, которое колебалось от меланхолии до вспышек ярости и агрессии. Она вспоминает, что отец был крупным, сильным мужчиной, которого маленькая Сью очень боялась. Ведь там, где он вырос, было принято бить жену и детей.

Как и все истинные поляки, Юзеф каждый день пил водку и требовал, чтобы непременно готовили польское традиционное блюдо: жаренную на сковороде свинину с капустой и картошкой. Мама его просто ненавидела, отказывалась есть и потому росла истощенным и нездоровым ребенком. Она говорила, что у нее до сих пор вызывают тошноту воспоминания о том, что им приходилось есть.

Юзеф зарабатывал много денег на строительстве, на которые приобретал недвижимость. Мама считает, что он стал первым миллионером в Сомерсете, однако никому доподлинно не было известно, сколько у него денег. К сожалению, он чувствовал себя все хуже, у него начались приступы бреда и помрачения ума, что приводило к неудачам в бизнесе. Еще он отказывался оплачивать коммунальные услуги и платить налоги. Наверное, дело было в состоянии его психики, или же он просто не

желал признавать гражданские власти. В итоге он просто ни за что не платил. Это привело его к разорению и разрушило семью.

* * *

Когда мама выросла, ей удалось изменить свою жизнь. Она закончила школу одной из десяти лучших выпускников, а когда отец настоял на том, чтобы она нашла работу, мама устроилась помощником провизора в Берни. Впервые в жизни, заработав деньги, она получила относительную независимость. Она зарабатывала пятнадцать долларов в неделю, два из которых с гордостью отдавала маме на хозяйство. Большую часть оставшихся денег она тратила на свое приданое – покупала все, что могло ей понадобиться в семейной жизни, на которую она очень надеялась. В шестнадцать лет, после многих лет недоедания и пережитого стресса в семье, она почувствовала, что ее жизнь наконец-то изменилась.

Однажды мама обедала в кафе с подружками и заметила молодого человека, который, судя по всему, был из Хобарта, – гости из столицы появлялись в Берни редко. Звали его Джон Брирли. Позже он стал расспрашивать девушек об их подружке Сью, а затем позвонил ей и пригласил прогуляться.

Джону было двадцать четыре года, он был красивым, белокурым и загорелым, и при этом вежливым и легким на подъем. Он увлекался серфингом. Его отец-англичанин, пилот британских авиалиний, в пятьдесят лет вышел на пенсию и эмигрировал со всей семьей в страну с более теплым климатом, в Австралию. Джон не знал, радоваться ли ему, что он уезжает из Англии, но как только он оказался в Австралии, окунулся в солнечный свет, занялся серфингом, понял, что не хочет даже оглядываться назад. С тех пор папа в Англию не возвращался.

Маму до встречи с папой серьезные отношения не интересовали, в основном из-за воспоминаний об отце. Только когда ее старшая сестра Мэри познакомилась с будущим мужем, мама впервые увидела достойного уважения мужчину, который никогда не станет бить своих жену и детей. Это знакомство помогло ей понять, что некоторым мужчинам можно доверять.

В 1971 году, через год после знакомства родителей, папе предложили повышение по службе, что означало переезд на материк, но вместо того, чтобы бросить маму, он остался в Тасмании и сделал ей предложение. Они поженились в субботу, переехали в небольшую квартиру в Хобарте, а в

понедельник мама уже вышла на работу в аптеку. Казалось, что он прискакал на белом коне, покорил ее, и в следующий миг они уже были женаты и жили вместе. Благодаря сбережениям и трудолюбию они купили клочок земли на побережье, в пригороде, и начали строительство. Свой двадцать первый день рождения мама отмечала в собственном доме. Было это в 1975 году.

Мама смогла вырваться из Берни, а вот благосостояние ее семьи ухудшалось, что маму больно ранило. Ее отец дважды обанкротился, во второй раз из-за того, что отказался заплатить пятьсот долларов штрафа. Его держали под стражей в Берни, пока он не заплатит долги. В то время мама и другие члены семьи не знали, что Юзеф спрятал в доме тысячи долларов, так что его могли бы выпустить под залог, если бы он сказал, где они спрятаны.

Это стало началом пути вниз по спирали. Бухгалтер, которого назначил суд, устроил распродажу имущества, чтобы выручить пару тысяч долларов для уплаты налогов и штрафов, а потом подал в суд иск о взыскании своего гонорара, оставляя семью со старыми долгами и новым долгом в придачу. Когда маме было лет тридцать, Юзеф попал в тюрьму в Хобарте, где, страдая от отсутствия спиртного, стал вести себя агрессивно, и его перевели в психушку.

Находясь там, Юзеф занял деньги у ростовщика, который менее чем за год забрал всю оставшуюся недвижимость в счет погашения долга, оставив семью ни с чем. Через год мать Сью наконец-то бросила своего ненормального мужа, который, даже находясь в тюрьме, грозился ее убить и обвинял во всех грехах. Она переехала в квартиру, где заболела из-за токсичных выбросов расположенной неподалеку бумажной фабрики. В конце концов мама – к этому времени уже мать двоих приемных сыновей – перевезла ее к нам в Хобарт. Мы с Мантошем радовались появлению в доме бабушки. К тому моменту Юзефа уже выпустили, но мама не желала показывать ни меня, ни Мантоша своему безумному папаше, и мы никогда его не видели. Он умер, когда мне было двенадцать.

Жизненные трудности закаляли маму, настраивали ее на решительный лад. У нее появились новые приоритеты. Первые годы ее брака стали временем перемен в Австралии: к власти пришло правительство Уитлема^[6], общественное движение шестидесятых годов в корне изменило политическую и социальную ситуацию в стране. И несмотря на то, что и мама, и папа не были хиппи, обсуждаемые повсюду идеи «личной свободы» привлекали и их.

В особенности людей волновала перенаселенность планеты, озабоченность вызывало и растущее негативное воздействие миллиардов людей на окружающую среду. Были и другие проблемы, включая войну. Папу, к счастью, не послали воевать во Вьетнам. Прогрессивные взгляды привели маму к мысли, что один из способов изменить мир – усыновить нуждающегося ребенка из одной из развивающихся стран.

Из-за всего того, что ей довелось пережить в детстве, мама стала думать, что кровное родство не так уж свято. Несмотря на постулаты католической церкви, утверждавшие, что женщина должна рожать детей, они с папой решили, что на земле уже достаточно людей. А сколько миллионов детей испытывают крайнюю нужду! Они сошлись во мнении, что для создания семьи не обязательно рожать собственных детей.

Еще в мамином прошлом был удивительный опыт, который тоже подтолкнул ее к созданию нетрадиционной семьи. Когда ей было лет двенадцать, груз семейных проблем стал невыносимым и привел к нервному срыву, и тогда мама испытала то, что сама она называет «видение». Было ощущение, что ее пронзило током. Ей привиделся темнокожий мальчик, который стоял рядом с ней, – она так остро чувствовала его присутствие, что даже ощущала идущее от него тепло. Видение было настолько поразительным, что она испугалась за свой рассудок. Стала гадать, а не явилось ли ей привидение. Но время шло, и она стала более спокойно реагировать на это видение, даже ощутила его ценность, стала считать неким Божьим знаком, предназначенным ей одной. Впервые за всю свою безрадостную жизнь она испытала что-то хорошее и очень дорожила этим.

Будучи уже взрослой, выйдя замуж за человека, который разделял ее взгляды, она обрела шанс воплотить свое видение в жизнь. Поэтому, несмотря на то, что они могли бы завести собственных детей, мама с папой решили, что усыновят детей из бедных стран. Подарят им дом и любящую семью, которая им так необходима. Папа считает, что это решение было принято в основном благодаря маме. А мама призналась, что была настолько тверда в своих убеждениях, что, если бы они с отцом не договорились об усыновлении, их браку пришел бы конец. Но папа очень обрадовался ее предложению, и, приняв решение, они ни разу не свернули с выбранного пути.

Однако у них было множество причин передумать. Начав посылать официальные запросы, они столкнулись с большой проблемой: по законам Тасмании в то время только бесплодные пары получали разрешение на

усыновление. И несколько лет законодательство в этом вопросе не менялось. Родители остались верны своим принципам. Они решили пока помогать нуждающимся детям по ту сторону океана (они продолжают помогать им до сих пор) и наслаждаться жизнью – заниматься дайвингом, ходить под парусом, каждый год ездить отдыхать.

Однако они никогда не забывали о своих планах усыновить ребенка. И вернулись к ним не потому, что их биологические часы неумолимо тикали. На них не повлияло и очередное ограничение, установленное в то время: максимальная разница в возрасте между самым младшим усыновителем и ребенком не должна была превышать сорока лет. Это делалось, чтобы не допустить усыновления маленьких детей пожилыми родителями, которые с трудом могли заботиться о самих себе. Для моих родителей возраст усыновляемого ребенка не имел значения.

Прошло целых шестнадцать лет после того, как они приняли решение усыновить ребенка. Однажды мама познакомилась с красивой смуглой малышкой Мари, усыновленной местной супружеской парой, у которой уже был родной сын. Мама поняла, что, по всей видимости, в закон, запрещающий парам детородного возраста усыновлять детей, были внесены изменения. Она почувствовала, как на затылке зашевелились волосы, – у нее появилось ощущение, что эта девочка и есть тот ребенок, который возник в ее видении, когда ей было двенадцать лет. Эта встреча подтолкнула ее к тому, чтобы вновь подать документы на усыновление, и органы опеки подтвердили, что они с папой могут подавать заявление на усыновление ребенка из-за океана. Несмотря на уже давно установившийся размеренный ход жизни, они без колебаний занялись этим.

После множества собеседований, оформления кипы документов и проверок полицией они получили разрешение усыновить ребенка. Им оставалось выбрать страну и отослать туда документы. В опекуновом совете штата Виктория они узнали, что в филиале ИООУ в Калькутте без проволочек рассматривают дело каждого ребенка и реагируют оперативнее, чем где бы то ни было, стремясь, чтобы нуждающиеся индийские дети как можно скорее обрели новые семьи. Маму всегда привлекала Индия, она знала, в каких условиях живет там большинство людей: в 1987 году население Австралии составляло 17 миллионов человек, и в этом же году в Индии около 14 миллионов детей умерли от болезней и голода, не достигнув и десятилетнего возраста. И несмотря на то, что усыновление одного ребенка – это капля в море, они все же могли помочь хотя бы одному. Для этого ребенка жизнь изменилась бы кардинально. Они выбрали Индию.

Некоторые родители по десять лет ждут ребенка, который бы удовлетворял всем их требованиям: одни хотят усыновить младенца, другие предпочитают мальчика или девочку, указывают определенный возраст. Важной частью плана родителей было то, что они готовы были помочь любому ребенку, нуждающемуся в помощи, а не выбирали его согласно собственным предпочтениям. Поэтому они просто указали, что хотят усыновить «ребенка».

Девиз ИООУ, которой руководила удивительная миссис Сародж Суд: «Где-то ребенку нужна семья. Где-то семье нужен ребенок. Мы в МАСО соединяем эти семьи». В нашем случае все оказалось именно так. Всего через две недели после подачи заявления маме с папой по телефону сообщили, что для них подобрали мальчика по имени Сару, который не знает ни своей фамилии, ни откуда он родом. Мама уверяет: в ту самую секунду, как они получили копию фотографии, сделанной МАСО для документов, тут же почувствовали, что я – их сын.

Маму новость обрадовала, она даже ощутила умиротворение: где-то в глубине души она знала, что видение, которое посетило ее в двенадцать лет, означает, что ей судьбой предписано усыновить ребенка. Возможно, как раз судьба распорядилась так, что им пришлось ждать целых шестнадцать лет после принятия решения усыновить ребенка, чтобы я появился на свет и спустя какое-то время они могли меня забрать в свою семью. Потом все завертелось с невероятной скоростью: прошло всего семь месяцев с момента подачи заявления и менее трех месяцев после получения разрешения – и я прилетел в Австралию.

Мама верит, что многие жители Австралии могли бы помогать детям, оказавшимся в сложных обстоятельствах в других странах, – поддерживать деньгами или даже усыновлять. На ней негативно отразились бюрократические проволочки, связанные с усыновлением Мантоша, – она тяжело заболела. Мама сторонница того, чтобы вместо разных законов австралийских штатов по вопросам усыновления внутри страны принять упрощенный федеральный закон. Она критикует правительство, которое все усложняет, и уверена: если бы процедуру упростили, на усыновление решилось бы больше семей.

Мамина история – свидетельство того, что мне повезло, что судьба мне улыбнулась. Трудное детство закалило ее, и в результате своих переживаний она совершила настоящий поступок. Надеюсь, я тоже смогу совершить нечто подобное, так же как и Мантош. Благодаря тому, что мама много ужасного пережила в детстве, она стала великолепной матерью тем,

кого усыновила. И всегда является для нас, ее приемных детей, уже взрослых, источником вдохновения. Я люблю ее за то, что она именно такая, но больше всего уважаю за жизненную позицию и решения, принятые вместе с папой. Не сомневаюсь, что всегда буду испытывать искреннюю благодарность к обоим своим родителям за жизнь, которую они мне подарили.

7. Взросление

Когда я учился в старших классах, карта Индии продолжала висеть на стене в моей комнате, но я едва ли замечал ее – рядом висели плакаты моей любимой группы «Ред Хот Чили Пеперс». Я рос настоящим австралийцем – гордым тасманцем.

Разумеется, я никогда не забывал свое прошлое, не переставал думать о своей индийской семье. Я все еще был полон решимости навсегда запомнить малейшие подробности своего детства и часто прокручивал их в голове, как будто сам себе рассказывал историю. Я молился о том, чтобы моя родная мама была жива и здорова. Иногда я лежал в кровати и представлял улицы своего родного городка, видел, как брожу по ним, возвращаюсь домой, открываю дверь, смотрю на спящих маму и Шекилу. Когда я мысленно переносился туда, то сосредотачивался на том, чтобы послать им весточку, что со мной все хорошо, что не стоит обо мне волноваться. Это было сродни медитации. Но эти воспоминания стояли у меня на втором, а не на первом плане. У меня хватало подростковых забот, как и у любого другого мальчишки.

В средней школе, в отличие от начальной, училось намного больше детей из разных этнических групп, в особенности греков, китайцев и индийцев, поэтому если раньше я и чувствовал себя не таким, как остальные, то теперь это чувство исчезло. У меня появились настоящие друзья, я стал гитаристом школьной рок-группы, много занимался спортом, в особенности футболом, плаванием и легкой атлетикой. Меня радовало то, что Мантош все же остепенился.

Я сохранял относительную независимость и занимался своими делами. В четырнадцатилетнем возрасте я бегал к местному причалу с друзьями, где мы болтались без дела и тайком баловались спиртным. Вскоре у меня появилась подружка. Нельзя сказать, что я отбил ее от рук, но все больше и больше времени слонялся без дела. Очень соблазнительно оправдать такое поведение в этот период своей жизни трудным детством и переездом в другую страну, но, честно говоря, мне кажется, что я просто слишком увлекся тем, что интересует большинство подростков.

Я никогда не был отличником, но из-за занятий спортом и других увлечений начала страдать успеваемость в школе. И в конце концов у моих родителей кончилось терпение. Они были людьми решительными и трудолюбивыми, им казалось, что я попусту трачу время. Они выдвинули

мне ультиматум: или я в восемнадцать лет заканчиваю школу и иду работать (Мантош позже выбрал именно этот путь), или начинаю учиться как следует и поступаю в университет, или иду в армию.

Этот ультиматум стал для меня настоящим потрясением. Меня пугала мысль служить в армии, но на это и рассчитывали родители. Армейская жизнь казалась мне очень похожей на жизнь в приюте, о которой я хотел забыть. К тому же выбор, предоставленный мне родителями, напомнил, как сильно я хотел учиться, когда жил в Индии. Мне подарили жизнь, о которой я даже не мечтал, и она явно мне нравилась, но, конечно же, я не в полной мере воспользовался выпавшим мне шансом.

Этого оказалось достаточно, чтобы я взялся за ум: с той минуты я стал образцовым учеником, запирался после занятий в комнате и делал уроки, исправил плохие оценки и даже по некоторым предметам стал лучшим учеником в классе. По окончании школы я выбрал трехгодичный курс бухучета в рамках Национальной системы образования^[7], чтобы позже иметь возможность поступить в университет. Еще я нашел работу в гостинице.

После этой первой встряски мама с папой больше не давили на меня в выборе какого-то определенного жизненного пути и никогда не заставляли чувствовать себя обязанным за то, что они меня усыновили. Пока я искал себя в этой жизни, они всегда меня поддерживали. Они бы очень порадовались, если бы я получил университетский диплом, но через какое-то время мне настолько понравилось работать в сфере гостиничного бизнеса, что я, не раздумывая, забросил бухучет. Несколько лет для меня работа была сродни игре, я работал в различных барах, клубах, ресторанах по всему Хобарту. Это были веселые времена, когда я жонглировал бутылками, как Том Круз в фильме «Коктейль», и организовывал вечеринки. Но когда я осознал, что у меня нет перспективы карьерного роста, я понял, что хочу большего. Решил, что буду повышать свою квалификацию в сфере гостиничного бизнеса, что, как я надеялся, позволит мне занимать руководящие должности. Мне повезло, я получил грант на поступление в Международную австралийскую школу гостиничного хозяйства в Канберре. Благодаря имеющемуся у меня опыту мне сократили срок обучения с трех лет до полутора.

Я продолжал жить с родителями, но, поскольку дома почти не бывал, проводя время или на работе, или на занятиях, или у своей невесты, вскоре решил поселиться отдельно. По-моему, родители даже обрадовались, когда я проявил такую инициативу. Так что мое решение переехать в Канберру выглядело вполне естественным.

Как оказалось, лучшего решения я не мог бы принять. Именно в Канберре моими мыслями неожиданно завладела Индия, и я стал размышлять, как разыскать свой родной дом.

Когда я в 2007 году поселился в общежитии колледжа в Канберре, то обнаружил, что здесь живет множество студентов-иностранцев, и, как выяснилось, в основном это были выходцы из Индии. Большинство были родом из Дели и из городов, которые тогда уже носили названия Мумбаи и Колката^[8].

В старшей школе я был знаком с другими индийцами, но, как и я, они выросли в Австралии. Совсем другое дело познакомиться со студентами-индийцами, приехавшими из моей родной страны. Со мной они общались на английском, но между собой говорили на хинди, а я уже много лет не слышал родного языка. Я практически забыл его – все индийцы в школе разговаривали только по-английски, – поэтому испытал некое повторное культурное потрясение. В компании иностранных студентов я лишился своего экзотического индийского происхождения, теперь я оказался австралийцем среди индийцев.

Самая главная причина, по которой меня тянуло к ним, – они были родом оттуда, откуда и я, некоторые даже из того города, где я потерялся. Они бродили по тем же улицам, ездили на тех же поездах. Наш интерес друг к другу оказался взаимным, они с радостью приняли меня в свой круг. И только с этими людьми я впервые, уже в возрасте двадцати шести лет, прочувствовал, что такое быть индийцем. Я говорю сейчас не о политическом или этнографическом смысле этого слова и не о неловких попытках родителей привить мне любовь к моей далекой родине. Я хочу сказать, что чувствовал себя своим в компании студентов-индийцев, охотно приобщаясь к культуре моего народа. Мы ели индийские блюда, ходили вместе в клубы, ездили в близлежащие города или собирались у кого-нибудь дома, чтобы посмотреть индийское кино, – ту удивительную болливудскую смесь боевика, мелодрамы, комедии и любовной истории. И люди, с которыми я познакомился, не имели никакого отношения к бюро по усыновлению и не были психологами, помогающими избавляться от последствий психологических травм. Они были обычными людьми, обычными индийцами. Общаясь с ними, я осознал необходимость заново выучить родной язык, и от них я узнал о тех стремительных изменениях, которые происходят в современной Индии.

Ощувив себя среди них своим, я поведал им свою историю. Теперь я иначе рассказывал о времени, проведенном на вокзале, потому что мои

собеседники знали, как выглядит громадная железнодорожная станция Хора в Калькутте, и то, что находящаяся неподалеку река называется Хугли. Слушатели удивлялись – особенно те, кто был родом из Калькутты и понимал, что мне пришлось пережить. И я уверен, им казалось совершенно невероятным то, что ребенок с улицы теперь живет с ними в одном общежитии в Канберре.

В результате этих разговоров произошло следующее. Во-первых, вновь всколыхнулось прошлое. Ведь несмотря на то, что воспоминания из памяти у меня не стирались, потому что я постоянно прокручивал их в своей голове, я уже довольно давно о своем детстве никому не рассказывал. Временами я делился этими воспоминаниями с посторонними людьми, в основном с девушками, с которым встречался, но рассказывал очень мало, и не потому, что стыдился или хотел сохранить все в тайне, я просто полагал, что теперь это не имеет такого уж большого значения. Каждый раз, когда я начинал рассказывать о себе, возникали вопросы, которые требовали ответов, и я чувствовал, что мнение окружающих обо мне коренным образом меняется, и при этом я из просто Сару превращался в Сару-который-когда-то-жил-на-улицах-Калькутты, а мне очень хотелось оставаться просто Сару. Теперь же я рассказывал о себе людям, которым эти места были знакомы, а это совершенно другое дело. Уверен, что и их мнение обо мне менялось, но обычно мы еще лучше начинали понимать друг друга и не возникала бездна отчуждения. После таких откровенных бесед я все чаще стал размышлять о прошлом. Когда делишься своей историей с австралийцами, делаешь это как-то отвлеченно, как будто сказку рассказываешь, как бы искренне они тебе ни сочувствовали и ни силились тебя понять. А когда рассказываешь о себе людям, которые побывали в тех местах, история становится более реальной.

Во-вторых, моя история, рассказанная людям, приехавшим из Индии, разбудила в них детективов. Местонахождение моего родного дома стало для них загадкой, которую они силились разгадать, поэтому задавали массу вопросов о том, что я помнил. И впервые с тех пор, как я сбежал с вокзала Хора, появилась возможность разгадать эту тайну. Рядом находились люди, которые отлично знали страну, взрослые люди, помощь которых была мне так необходима, когда я был совсем ребенком. Возможно, сейчас они смогут мне помочь.

И вот я испробовал скупой набор подсказок на своих друзьях. Впервые за много-много лет я воскресил в памяти все, что запомнилось пятилетнему ребенку, не знающему географии. Вспомнил Гинестли – возможно, название моего родного городка, но с таким же успехом это могло быть и

названием местности и даже просто улицы. Потом близлежащую станцию, где я один сел на поезд. Станция называлась, как мне помнилось, Берампур.

Я напомнил своим друзьям, что власти Калькутты уже пытались по этим отрывочным сведениям выяснить, откуда я родом, но друзья полагали, что это все же кое-что. Я признался, что смутно представляю, как долго просидел в поезде, но был уверен в одном: сел на поезд я вечером, а на следующий день до обеда уже оказался в Калькутте – это явно случилось среди белого дня. Несмотря на то, что все, через что мне пришлось пройти, пока я жил на улице, в мельчайших подробностях отпечатались в моей памяти, первое сильное потрясение – оказаться запертым в вагоне и осознать, что бессилён противостоять тому, что меня увозят от дома, – сказало мне больше всего. Я вспоминал об этом урывками, всякий раз испытывая душевные муки. Но всегда понимал, что мое путешествие длилось где-то часов двенадцать-пятнадцать.

Одна из моих подруг, которую звали Амрин, пообещала спросить у отца, работавшего на индийской железной дороге в Нью-Дели, не знает ли он мест с названиями, запомнившимися мне и расположенными примерно в двенадцати часах езды от Калькутты. Я обрадовался и разволновался – еще никогда я не был так близок к получению той помощи, на которую рассчитывал на железнодорожном вокзале двадцать лет назад.

Через неделю отец подруги ответил, что никогда не слышал о Гинестли, что в окрестностях Калькутты есть городок под названием Брахмапур, а еще есть город Бахарампут, но подальше от Калькутты, в том же восточном штате Западная Бенгалия, и город в штате Орисса на восточном побережье, который раньше называли Бурхампур, а сейчас – Брахмапур. Первый, находящийся в окрестностях Калькутты, явно был не тот, который я искал. Но мне стало интересно, почему никто из тех, к кому я обращался на станции Хора, даже не предположил, что это именно тот город, который я ищу. Наверное, я неправильно произносил его название. Или они не прислушивались к тому, что я говорил.

И второй, и третий городок вряд ли были теми, что я искал. Мне казалось, что они располагались недостаточно далеко от станции Хора, если судить по времени моего путешествия, хотя я допускал, что, возможно, я ездил по кругу. Город в штате Орисса располагался всего в десяти километрах от восточного побережья, но до прилета в Австралию я никогда океана не видел. Как-то раз я отправился в незабываемое путешествие, чтобы понаблюдать, как солнце садится над озером недалеко от моего дома, но вид бескрайнего океана, распластавшегося под

самолетом, ошеломил меня. Неужели я рос так близко от океана и никогда его не видел? С другой стороны, мои друзья предполагали, что, судя по тому, как я выгляжу, родом я из Западной Бенгалии. Их слова напомнили мне, что в детстве, когда я еще жил в Хобарте, мама говорила, что пожилые индийцы, с которыми мы познакомились, тоже уверяли, что вероятнее всего я родом с востока. Неужели я плохо запомнил путешествие на поезде? Неужели время и расстояние для испуганного пятилетнего ребенка показались настолько огромными? В мою душу были брошены зерна сомнения.

* * *

Вдобавок к предположениям друзей я стал использовать Интернет для получения дополнительной информации. Когда я учился в старших классах, у нас дома был Интернет, но по сравнению с сегодняшним днем его возможности были ограничены. Тогда он работал намного медленнее, особенно до того, как появились широкополосная передача данных и удаленный доступ. То, что мы сейчас называем Интернетом, в то время, когда я заканчивал школу, только становилось «сетью». Когда я поступил в колледж, такие инструменты поиска, как «Википедия», находились в зачаточном состоянии. Сегодня трудно представить, что невозможно отыскать информацию по интересующей теме, какой бы непостижимой она ни была, но еще совсем недавно Интернет являлся прерогативой компьютерщиков и ученых.

Тогда еще не появились такие популярные теперь социальные сети, было сложно и как-то неприлично связываться с теми, с кем ты не знаком. Электронная почта была скорее формальным средством общения, чем способом, с помощью которого можно анонимно обратиться к окружающему миру. Прибавьте к этому то, что, когда я вспоминал о своем индийском прошлом, мне просто не приходило в голову, что Интернет, это относительно новое изобретение, как-то может мне помочь.

В колледже, как и у некоторых моих индийских друзей-помощников, у меня был круглосуточный доступ к Интернету и собственный компьютер в комнате. Поэтому я начал выискивать любую информацию, используя различные способы написания слова «Гинестли», но безуспешно, ничего нового мне в голову не приходило. Поиск «Берампуре» тоже не принес результата – слишком много вариантов написания.

И если у меня были сомнения относительно того, правильно ли я

запомнил эти названия и время своего пребывания в поезде, я ничуть не сомневался в том, что хорошо помню свою семью, родной город, улицы, по которым бегал еще ребенком. Я закрывал глаза и ясно видел железнодорожную станцию в Берампуре, где я сел на поезд: расположение платформы, большой пешеходный переход в одном ее конце, огромную водонапорную башню, возвышающуюся над станцией. Я был уверен, что, если бы увидел любое из тех мест, о которых упоминали мои приятели или Интернет, если бы я увидел то место, где находится мой дом, я бы сразу узнал его. Я был не уверен только в правильности названий.

Карты не помогли. Я знал, что в одном из множества населенных пунктов находится мой дом, но если бы я только знал, в каком! Карты, которые мне удалось достать, были недостаточно подробными, там не были обозначены маленькие городки, что уж говорить о подробных планах с указанием улиц, которые мне были так необходимы. Оставалось только искать названия, казавшиеся похожими, изучать подходящие территории, основываясь на отдаленности их от Калькутты и собственных воспоминаниях. Но если я и находил город с названием, похожим на «Берампур» или «Гинестли», невозможно было проверить, имею ли я к нему какое-то отношение. Это мой родной город? Откуда я мог знать, там ли стоит наш обветшалый дом или нужная железнодорожная станция? Какое-то время я даже рассматривал возможность полететь в Западную Бенгалию и поискать там, но относился к этой идее не слишком серьезно. Как долго мне придется рыскать по стране в поисках чего-то знакомого? Страна-то огромная. Я уже пробовал садиться на разные поезда на станции Хора.

Потом я осознал, что карты дают возможность бродить по той или иной местности, и этим можно заниматься, не вставая с рабочего места, – с помощью программы «Гугл Планета Земля».

Наверное, многие помнят, как впервые воспользовались поисковиком «Гугл Планета Земля». Благодаря данным, получаемым со спутника, любой человек может взглянуть на планету сверху, пролететь над нею, подобно космонавту. Можно рассматривать целые континенты, страны, города, найти название какого-нибудь места, а потом приблизить его, рассмотреть в ошеломляющих, мельчайших деталях. Можно взобраться на Эйфелеву башню, взглянуть на эпицентр землетрясения или на собственный дом. На самом деле именно этим и занимаются те, кто впервые загружает «Планету Земля» – находят место, где живут, а потом смотрят на него сверху, словно птичка или Бог. Когда я узнал о возможностях «Гугл Планета Земля», мое сердце учащенно забилось. Неужели я смогу увидеть дом своего детства,

если узнаю, где его искать? Наверное, этот сервис «Планета Земля» изобрели для меня – идеальный инструмент поиска. Я засел за компьютер и начал искать.

Поскольку я так и не нашел ничего хотя бы отдаленно напоминающего Гинестли, решил, что место под названием Берампур является более серьезной ссылкой, на которую мне стоит полагаться. И если я его обнаружу, смогу найти и мой родной город где-то недалеко по железнодорожной ветке. Поэтому я стал искать места с названиями Берампур, и, как всегда, компьютер выдавал множество результатов – существовало огромное число вариантов названий по всей территории Индии, во многих местах встречались несколько похожих названий. Брахмапур, Бахарампур, Бурхампур, Берхампор, Бирампур, Бурумपुर, Бурхампуур, Брахмпур... и так до бесконечности.

Казалось разумным начать с двух мест, о которых говорил отец Амрин и которые находились в Западной Бенгалии и Ориссе. Медленно, но уверенно сделанные со спутника снимки каждого города появлялись на экране – «Гугл Планета Земля» работал именно так, как я и рассчитывал. Благодаря этому инструменту я смог бы увидеть все те детали, которые мне запомнились, и надеялся с такой же легкостью узнать нужное место, как будто оказавшись там лично или, по крайней мере, пролетая над ним на воздушном шаре. Смотреть на местность сверху означает мысленно переворачивать изображение, чтобы представить, как это место смотрится с улицы.

В Бахарампуре в Западной Бенгалии было две железнодорожные станции, но там не было перехода, который я хорошо запомнил, и вдоль железнодорожного пути не было ни одной деревушки или городка с названием, похожим на Гинестли. Одна колея пролежала рядом с несколькими большими озерами, которые, я был уверен, увидел бы из вагона, но, когда я ехал в поезде, ничего похожего не наблюдал. Откровенно говоря, окрестности города вообще казались незнакомыми – место, которое я искал, было холмистым вдоль всего железнодорожного полотна, здесь же я холмов не видел, может, из-за буйной растительности. Место, откуда я был родом, напоминало лоскутное одеяло – сельскохозяйственные районы вокруг пыльных городов. Я вынужден был признать, что с момента моего отъезда многое могло измениться, возможно, провели оросительную систему и регион стал более зеленым. Но многие факторы исключали подобную возможность.

Город Брахмапур в Ориссе находился в более засушливой местности, но там на станции были очень длинные крытые платформы по обе стороны

от железнодорожных путей, чего не было на том вокзале, который я искал. И водонапорной башни нигде не было видно, зато было много разнообразных силосных башен, но я подобную не запомнил. С другой стороны, опять рядом не оказалось городка под названием Гинестли. И когда я увидел, в какой близости от моря располагался этот город, я перестал сомневаться в том, что не мог не знать об этом.

То, что ни один из этих городов не был искомым местом, не являлось поводом сдаваться – существовало много, очень много других мест, где можно было бы поискать, но первые неудачи ввергали меня в уныние. Они заставили меня снова задуматься о том, что многое с тех пор могло измениться. Станции могли обновить или перестроить, проложить рядом дороги, города могли разрастись. Если все так сильно изменилось, наверное, будет сложно узнать станцию, которую я ищу.

Несмотря на универсальную природу этого нового источника информации, становилось ясно, что найти мой дом будет очень трудно. Если я не был уверен в правильности названий, как я мог полагаться на то, что поисковая система даст мне верный ответ? И даже если я наткнусь на нужное место, возможно, не смогу его узнать с воздуха. И помимо всего этого, Интернет и сами компьютеры в то время работали значительно медленнее; «Гугл Планета Земля» была замечательной программой, но слишком громоздкой, поэтому ее использование при таких огромных территориях занимало очень много времени.

Если я всерьез намеревался посвятить себя учебе, у меня не осталось бы времени на поиски в «Гугл Планета Земля». Поэтому, трезво поразмыслив, я сказал себе, что просто зря убиваю время, и попытался не слишком отвлекаться на поиски. Я в течение нескольких месяцев, когда представлялась возможность, проверял некоторые места, сосредоточившись на районах в северо-восточном направлении от Калькутты. Но не нашел ничего знакомого.

Мои друзья уже привыкли к тому, что я, объявляя, что бросаю поиски, позже признавался, что эта идея так и не дает мне покоя. Многие доморощенные индийские «детективы» вернулись домой, а остальные просто выкинули это из головы, когда поняли, что я не так уж терзаюсь, как они думали изначально.

В конечном итоге я спустил все на тормозах. Поиски стали чем-то абстрактным. Сложно было поверить, что я добьюсь какого-то результата, – я искал иголку в стогу сена, и это дело оказалось мне не по силам. Я учился в колледже, а учеба требовала от меня большой отдачи, и к тому же мне не хотелось становиться отшельником и все время проводить за компьютером.

Некоторые люди, желающие мне добра, предупреждали, что поиски могут свести меня с ума. Я вырос настоящим австралийцем в любящей семье. Судьба вырвала меня из крайней нужды и обеспечила комфортную жизнь – наверное, стоило принять, что прошлое осталось в прошлом и надо жить дальше.

Теперь я понимаю, что боялся лишиться своих воспоминаний – я так долго с ними прожил, так крепко за них цеплялся, так отчаянно пытался сохранить их, чтобы не угас тот лучик надежды, который они дарили. Если я продолжу поиски, но ничего не найду, неужели это будет означать, что я подвел под прошлым черту и буду спокойно жить дальше? Если мне не удастся отыскать свой дом и родных, буду ли я и дальше цепляться за свои воспоминания? Определенность в этом деле может разрушить то, что у меня осталось.

Поскольку по горячим следам найти ничего не удалось, я, закончив обучение в 2009 году, вернулся в Хобарт, где нашел работу в баре. Хотя у меня в кармане был диплом, мне понадобилось всего две недели, чтобы понять, что гостиничный бизнес более меня не привлекает. Я заподозрил это еще в Канберре, но хотел, по крайней мере, завершить обучение.

У нас у всех в юности наступает момент, когда мы задаемся вопросом: а что же делать дальше, чему себя посвятить? Помимо наличия средств для достижения своих целей нужно еще решить, что в жизни самое главное. Неудивительно, что я понял: самое важное для меня – семья. Наверное, благодаря жизни вне дома, вдали от Хобарта, это чувство стало еще сильнее. И вновь вспыхнувший интерес к прошлому подтолкнул меня к тому, чтобы задуматься о моих взаимоотношениях с новой семьей. Меня осенило, что семейный бизнес Брирли – это для меня возможность совместить два основных аспекта моей жизни, и я очень обрадовался, когда родители одобрили эту идею.

У мамы с папой было собственное дело: они продавали промышленные шланги и крепления, вентили и насосы, которые обслуживал отец. По удивительному совпадению папа начал свое дело в тот самый день, когда я приехал из Индии, – он оставил моего деда в новенькой конторе отвечать на звонки, а сам отправился с мамой в Мельбурн встречать меня.

Заняться семейным делом означало каждый день работать с папой, и я вскоре понял, что сделал правильный выбор. Работа рядом с ним приносила мне удовлетворение. Мне кажется, что его решимость, деловая хватка и сосредоточенность на успехе передались и мне. Он не давал мне

сидеть без дела, но, по-моему, это только сблизило нас. Мантош позднее пошел по тому же пути, поэтому вскоре мы все были заняты одним делом и работали вместе.

В то же время у меня завязались новые отношения, и мы с моей невестой стали жить вместе. Возвращение в Хобарт и все, что последовало дальше, напомнило мне о том, что поиск своих корней – не самое главное в жизни и это не должно доминировать над всем остальным. Понимаю, что кому-то это покажется странным. Те, кого усыновили, независимо от того, знают они или нет своих настоящих родителей, часто описывают разьедающее душу чувство, будто им чего-то не хватает: без семейных связей или, по крайней мере, без знания того, откуда ты родом, человек чувствует себя неполноценным. Я подобного не ощущал. Никогда не забывал свою индийскую семью, свою маму – и никогда не забуду, но, будучи оторванным от родных, я не чувствовал, что вокруг меня стена, которая не дает мне возможности жить полной, счастливой жизнью. Я быстро понял, поскольку от этого зависит способность выживать, что следует использовать шансы, которые выпадают человеку (если это случается), и всегда смотреть в будущее. Отчасти благодаря этому я с радостью принял ту жизнь, какой она стала после усыновления. Так что я вновь постарался сосредоточиться на той жизни, которую имел.

8. Поиски

Кому, как не мне, знать, что жизнь может сделать непредвиденный поворот. Но она не перестает меня удивлять, и, несмотря на то, что я, в сравнении с некоторыми, лучше приспособился к обстоятельствам (таким, как смена работы, места жительства, даже судьбы), изменения в эмоциональной сфере влияют на меня так же сильно, как и на остальных. Возможно, даже немного сильнее.

Работать с папой и учиться у него торговать было здорово – я и по сей день этим занимаюсь, – но отношения с девушкой развивались слишком бурно, и мы пережили болезненный разрыв. И несмотря на то, что именно я предложил расстаться, чувствовал себя обделенным и все-таки сожалел об этом. Я вернулся в родительский дом и пережил сложный период. Меня терзали противоречивые чувства: неприятие, разочарование, горечь одиночества; я ощущал себя неудачником. Иногда у меня не хватало сил справляться с ними. Мои родители гадали, когда я вновь возьму себя в руки и стану тем позитивно настроенным, смотрящим вперед человеком, каким я, по их мнению, стал.

Мне повезло – за эти годы я сумел завести настоящих друзей. Случайная встреча с Байроном, парнем, с которым я познакомился во время моей работы в барах и ночных клубах, закончилась тем, что он предложил мне на время переехать к нему в свободную комнату. Он выучился на доктора и ввел меня в круг своего общения. Его доброта и новые знакомства действительно помогли мне взбодриться. Если самым важным в жизни является семья, друзья в таком случае стоят на втором месте.

Байрон часто «выходил в свет» и получал от этого удовольствие. И мне нравилось время от времени гулять с ним, но еще больше я любил проводить время дома, в одиночестве. Несмотря на то, что я уже меньше страдал от депрессии, разрыв с невестой не выходил у меня из головы, и я гадал, когда же стану воспринимать себя как индивида, а не как половину пары. И хотя мне кажется, что мое детство никак на это не повлияло, я вновь стал часто вспоминать о своей жизни в Индии.

У Байрона дома был подведен высокоскоростной Интернет, а у меня был новый, мощный компьютер. Даже в те моменты своей жизни, когда мое прошлое не выходило на первый план, я никогда о нем не забывал, никогда не зачеркивал. В этот новый период моей жизни я особенно сблизился с родителями благодаря семейному бизнесу и даже понял, что

могу хоть как-то отблагодарить их за то, что они для меня сделали. И это вселило в меня уверенность в том, что я смогу пережить любое эмоциональное потрясение, когда вновь занялся поисками. Да, мне было что терять – каждая неудачная попытка найти свой родной дом подтачивала уверенность в том, что мои воспоминания – это не фантазии. Я спрашивал себя: может, я просто боюсь искать? А если я напрасно считаю, что оставшуюся жизнь мне тоже будет везти? Как ни крути, разве не благодаря неудаче я серьезно взялся за учебу, когда был подростком? Так неужели я мог упустить шанс узнать, откуда я родом, а может быть, даже найти свою мать?

Я решил, что возобновление поисков означает (и это не пафосные слова), что я способен вернуть себе веру в жизнь. Может быть, прошлое поможет очертить будущее.

Все началось незаметно.

Если Байрона не было дома, я мог провести пару часов, вновь и вновь разглядывая различные города с названием на букву «Б». Или мог просто рассматривать восточное побережье, его достопримечательности. Я проверил даже Бирампур в штате Уттар-Прадеш, недалеко от Дели, на севере Индии, но от него до Калькутты было невероятно далеко, и я не смог бы за двенадцать часов туда доехать. Оказалось, там даже железнодорожной станции нет.

Эти нечастые набеги доказали, что глупо путешествовать по городам, когда и в названиях я не был уверен. Если я намерен найти родной город, мне нужно разработать стратегию и методично ее реализовывать.

Я снова стал вспоминать все, что мне было известно. Я прибыл из того места, где мусульмане и индусы жили в непосредственной близости и где говорили на хинди. Но это характерно для большей части Индии. Я вспомнил теплые ночи, проведенные на улицах, под звездами, а это свидетельствовало о том, что я жил не в более прохладных северных регионах. И у моря я не жил, хотя мог просто не знать, что море рядом. Не жил я и в горах. В моем родном городе находилась железнодорожная станция, Индия вся изрезана железнодорожными путями, но они проходят не через каждый городок или деревню.

Далее следовало учесть предположение индийцев, с которыми я учился в колледже, что я похож на выходца из восточных районов, предположительно из Западной Бенгалии. У меня были сомнения по этому поводу – штат располагался в восточной части страны, рядом с Бангладеш, охватывал часть Гималаев, что уже не подходило под описание родных

мест, и дельты Ганги, где была слишком пышная растительность, в отличие от моего родного края. Но поскольку это предположение выдвинули те, кто приехал из Индии, казалось глупым сразу его отметать.

Еще мне казалось, что я запомнил достаточное количество особенностей пейзажа и если бы наткнулся на это место, тут же узнал бы его или, по крайней мере, сузил бы область поиска. Мне было известно, что через реку, где мы играли детьми, был переброшен мост, а неподалеку находилась дамба, ограничивающая течение реки. Я знал, как от станции попасть домой, и помнил здание вокзала.

Название еще одной станции, где я сел на поезд и которую, как мне казалось, я помнил довольно хорошо, начиналось на букву «Б». Я всего несколько раз бывал там с моими братьями, и они никогда не позволяли мне уходить с вокзала, поэтому я ничего не мог сказать о его окрестностях. Мне удалось разглядеть за воротами лишь часть кольцевой дороги, которая вела в город. И тем не менее и у этой станции были отличительные признаки. Я помню здание вокзала и то, что через станцию проходила всего пара путей, по другую сторону от которых стояла башня с большим баком для воды. Был там и пешеходный переход через железнодорожные пути. И прямо перед тем, как поезд въезжал в городок со стороны моего дома, он проезжал небольшое ущелье.

Следовательно, у меня были смутные представления о подходящих регионах и некоторые признаки, по которым я смогу узнать Гинестли и город на букву «Б», если их обнаружу. Теперь мне требовался более надежный метод поиска. И я понял, что названия местности сами по себе отвлекали, по крайней мере начинать нужно было не с них. Я стал думать не о начальном, а о конечном пункте моего путешествия. Я знал, что пункт «Б» связан с Калькуттой железнодорожным сообщением. Логика диктовала: если я буду следовать по железнодорожным путям из Калькутты, то в конечном итоге найду точку, откуда начал путешествие. А уже там рукой подать и до моего дома. Возможно, я даже сперва наткнусь на свой дом, в зависимости от того, как пути соединены между собой. Но эта перспектива была пугающей – от центральной станции Калькутты Хора шло много-много железнодорожных веток, а мой поезд мог плутать по любой из них, как по паутине. Маловероятно, что поезд ехал просто прямо.

И тем не менее, даже учитывая извилистость путей и нерегулярность сообщений, все же оставалось ограничение по времени. Мне казалось, что я долго ехал на поезде – где-то часов двенадцать-пятнадцать. Если бы точнее подсчитать, я мог бы сузить область поисков, вычеркнув те места, которые были слишком далеко.

Почему же раньше мне подобное в голову не приходило? Возможно, я был просто потрясен масштабом проблемы, чтобы мыслить здраво, слишком поглощен тем, чего не знаю, вместо того, чтобы сосредоточиться на том, что известно доподлинно. Но как только меня осенило, что речь может идти о некоем задании, выполнение которого требовало скрупулезности и педантичности, внутри меня что-то щелкнуло. Если для того, чтобы найти дом, просто требовалось время и терпение, с помощью всевидящего ока «Гугл Планета Земля» я его найду. Я отнесся к этому, как к пицце для размышления, к эмоциональному квесту, и тут же бросился решать эту задачку.

Сперва я определил зону поисков. Как быстро ездят дизельные поезда в Индии? Насколько все изменилось с 80-х годов? Я решил, что мои индийские друзья из колледжа смогут мне в этом помочь, в особенности Амрин, чей отец работал на железной дороге, поэтому я немедленно с ними связался. Пришли к общему мнению, что скорость поездов в среднем километров семьдесят-восемьдесят в час. Это показалось хорошим началом. Отталкиваясь от того, что в поезде я провел часов двенадцать-пятнадцать, целую ночь, я рассчитал, сколько километров я мог преодолеть за это время, – около тысячи.

Следовательно, место, которое я искал, располагалось в тысяче километров от станции Хора на одной из линий. В «Гугл Планета Земля» можно рисовать линии на определенном расстоянии, поэтому я очертил границы в радиусе тысячи километров от Калькутты и сохранил условия поиска. А это означало, что кроме Западной Бенгалии область моих поисков включала штаты Джаркханд, Чхаттисгарш и практически половину центральных областей штата Мадхья-Прадеш, на западе Ориссу, на юге Бихар и треть Уттар-Прадеш, а еще большую часть северо-восточной части Индии, включая Бангладеш. (Я точно знал, что я не из Бангладеш, потому что говорил не на бенгали, а на хинди, и только удостоверился в этом, когда узнал, что железнодорожное сообщение между этими двумя странами было налажено всего несколько лет назад.)

Огромное пространство площадью 962 300 квадратных километров, практически четверть громадной территории Индии. Там проживало 345 миллионов человек, и хотя я пытался заниматься поисками, не поддаваясь эмоциям, не мог не задаться вопросом, как же мне удастся среди них разыскать четырех своих родных людей.

Несмотря на то что мои подсчеты основывались на догадках и были слишком приблизительными, и несмотря на то что поле для поисков было

огромным, я все же сузил их круг. Вместо того чтобы наугад рыться в сене, отыскивая иголку, я смог сосредоточиться на том, чтобы брать его небольшими порциями и откладывать в сторону, если ничего не находил.

Железнодорожные пути в зоне поиска не были, конечно, прямыми – они то поворачивали, то пересекались, а потом извивались, достигая в длину тысячи километров, прежде чем доходили до границы области поисков. Центром области поисков была Калькутта, единственное место, где я наверняка побывал.

Сначала я стал рассматривать станцию Хора, оглядел ряды серых рифленых крыш на платформах и все пути, расходящиеся от нее, как расползающиеся концы веревки, и тут же вернулся в свое детство, когда мне было пять лет. И я собрался заняться тем, что делал в первую неделю своего там пребывания, только на более высоком технологическом уровне: наугад «садился» на поезд, чтобы узнать, не отвезет ли он меня домой.

Я глубоко вздохнул, выбрал железнодорожную ветку и стал двигать колесико прокрутки на «мышке».

* * *

Наверное, прогресс развивался слишком медленно. Даже с широкополосной передачей данных моему ноутбуку для загрузки картинок требовалось время – сначала загружались мини-изображения, а потом разворачивалась фотография, сделанная со спутника. Я искал знакомые пейзажи, особое внимание уделял станциям, поскольку именно их я помнил наиболее четко.

Когда я впервые уменьшил масштаб, чтобы узнать, как далеко я продвинулся по железнодорожной ветке, то с изумлением увидел, что за несколько часов поисков и вращения колесика «мышки» я преодолел очень маленькое расстояние. Но я не расстроился, не стал дергаться, а поймал себя на том, что теперь твердо уверен, что найду то, что ищу, если буду действовать педантично. Меня охватило невероятное чувство покоя, когда я продолжил свои поиски. На самом деле это вскоре стало непреодолимой привычкой, я проводил за компьютером несколько вечеров в неделю. Прежде чем лечь спать, я помечал, как далеко продвинулся по определенной ветке, и сохранял результаты поиска, а в следующий раз поиски возобновлялись именно с этой точки.

Мне на пути попадались красивые сады, надземные и подземные переходы, мосты над реками и железнодорожные узлы. Иногда я

перескакивал вперед, но потом, нервничая, возвращался назад и внимательно проходил отрезок пути, напоминая себе, что, если я не буду искать методично, никогда не смогу быть уверенным, что просмотрел все. Я старался не пропускать даже самые маленькие станции, следовал вдоль путей, чтобы иметь возможность увидеть все, что находилось поблизости. И если оказывалось, что я достиг очерченной границы, возвращался назад вдоль ветки к первому узлу, а потом отправлялся в другом направлении.

Помню, как однажды вечером, еще в начале поисков, следуя по железнодорожной ветке на север, я наткнулся на реку в окрестностях города. Я затаил дыхание, когда приблизил изображение. Дамбы на реке не было, но, возможно, с тех пор ее убрали? Я тут же переместил курсор вдоль изображения. Знакомая местность? Довольно зелено, но в окрестностях моего города было много ферм. Перед моими глазами разворачивался городок. Он был совсем маленьким. Слишком маленьким. Но я его видел тогда глазами ребенка... И возле станции был высокий надземный пешеходный переход! Но что это за огромные пустоты вокруг города? Три, нет, даже четыре или пять озер или прудов вблизи крошечного городка – и сразу стало очевидным, что это не то место. Никто не станет расчищать местность, чтобы вырыть пруд. И конечно, на многих станциях есть пешеходные переходы, и очень многие города, через которые пролегали железнодорожные ветки, расположены вдоль дающих жизнь рек. Сколько еще раз я буду гадать, подходят ли все эти ориентиры под описание местности, потом искать дальше, глядя на карту усталыми, воспаленными глазами, и понимать, что опять ошибся?

Проходили недели, потом месяцы, а я часами через день-два сидел за компьютером. Байрон следил за тем, чтобы остальные ночи я проводил в реальном мире, поэтому я не стал отшельником, одержимым Интернетом. На ранних этапах своих поисков я исследовал территорию Западной Бенгалии и Джаркханда, однако не нашел ни одного знакомого места, но, по крайней мере, это означало, что большую часть местности в непосредственной близости от Калькутты можно было исключить, несмотря на предположения моих друзей-индийцев, – я ведь приехал из более отдаленных мест.

Через несколько месяцев мне повезло, я встретил девушку, с которой у нас завязались отношения, и на какое-то время поиски отодвинулись на второй план. У нас с Лайзой с самого начала было не все гладко – мы несколько раз разрывали отношения, но потом сходились снова. Это означало, что мне не удавалось регулярно сидеть в Интернете до тех пор, пока у нас не наладились отношения, которые длятся и по сей день.

Я не знал другой такой девушки, которая могла бы привыкнуть к тому, что ее приятель столько времени проводит за компьютером, разглядывая карты. Но Лайза понимала, что поиски для меня очень важны, поэтому терпела и поддерживала меня. Ее, как и многих других, поразила моя история, и она хотела, чтобы я нашел ответы на свои вопросы. В 2010 году мы сняли вместе небольшую квартирку. Я вспоминал ночи, проведенные там за ноутбуком, как забаву, как будто играл в компьютерные игры. Но Лайза уверяет, что, даже когда у нас всюду развивались отношения, я был одержим поисками. Оглядываясь назад, я понимаю, что она права.

Столько лет я мечтал найти свой дом, и вот теперь почувствовал, что попал на след. Решил, что на сей раз не буду слушать тех, кто говорит, что надо жить дальше и что невозможно с помощью компьютера найти дом в огромной Индии. Лайза никогда ничего подобного не говорила, и благодаря ее поддержке я только больше верил в успех.

Я мало кому рассказывал о том, чем занимаюсь, даже родителям не говорил. Я боялся, что они могут неправильно истолковать мои намерения: они могли бы подумать, что такие настойчивые поиски означают мое недовольство той жизнью, которую они мне обеспечивали. Еще мне не хотелось, чтобы они думали, что я попусту теряю время. Поэтому, несмотря на то что поиски занимали все больше и больше времени, я держал это в секрете. Мы с папой заканчивали работу в пять вечера, к половине шестого я возвращался домой, садился за свой ноутбук и начинал медленно продвигаться по железнодорожным веткам, рассматривая города, к которым они вели. И вот прошло уже больше года с того момента, как я начал этот поиск. Но я решил: даже если это займет несколько лет, а может, десятилетий, рано или поздно я перетряхну стог сена и, если проявить настойчивость, иголка в конечном счете найдется.

Постепенно я исключал из области поиска целые районы Индии. Я просмотрел все ветки и узлы в северо-восточных штатах и не обнаружил ничего знакомого. Я с уверенностью мог сказать, что штат Орисса тоже можно вычеркнуть. Твердо решив действовать скрупулезно, вне зависимости от того, сколько времени это займет, я начал исследовать железнодорожные пути и дальше изначально определенной тысячекилометровой зоны. Южнее Ориссы я исключил и Андхра-Прадеш, присовокупив еще 500 километров вдоль восточного побережья. Джаркханд и Бихар тоже оказались малообещающими, и когда я оказался в Уттар-Прадеш, решил, что исследую большую часть штата. На самом деле границы штатов в конечном итоге и стали границами моих поисков. Я вычеркивал штат за штатом, но появлялись новые цели, и это меня

подстегивало.

Если только у меня не было срочной работы или обязательств, которыми нельзя было пренебречь, я семь дней в неделю проводил за компьютером. Конечно, мы выходили с Лайзой прогуляться, но когда возвращались, я вновь садился за компьютер. Иногда я ловил на себе ее недоуменный взгляд, как будто она считала меня сумасшедшим. Она восклицала:

– Ты опять за компьютером!

А я отвечал:

– Я должен... Прости!

Мне кажется, Лайза понимала, что должна позволить мне завершить намеченное. В то время я несколько отдалился от нее, но, несмотря на то что Лайза могла чувствовать себя одинокой, мы это благополучно пережили. И, вероятно, благодаря тому, что она поддерживала меня в этот сложный период моей жизни, наши отношения стали еще прочнее, и это становилось очевидным, когда мы, бывало, обсуждали, что это для меня значит. Мне было нелегко об этом говорить, потому что я пытался скрывать то, что все еще надеюсь на удачу, и убеждал себя, что это всего лишь приятное времяпровождение, а не крайне важное для меня дело. Такие беседы с Лайзой помогали осознать, почему это так важно для меня: эти поиски положат конец моим метаниям, я смогу понять мое прошлое и, возможно, и себя самого; я обрету надежду, что когда-нибудь смогу воссоединиться с моей индийской семьей и родные узнают, что же со мной произошло. Лайза это прекрасно понимала и не обижалась, несмотря на то что, бывало, пыталась ради моего же блага запретить мне таращиться на экран компьютера.

Однажды Лайза призналась, что больше всего боится, что я найду свой дом и решу поехать в Индию. И что будет, если место окажется не тем? Или я не найду там родных? Вернусь назад в Хобарт и буду жить дальше, маниакально продолжая поиски в Интернете? Я не знал ответа на этот вопрос. Я не мог позволить себе думать о неудаче.

Как бы то ни было, к концу 2010 года я стал искать более усердно, а благодаря нашему вновь приобретенному модему стандарта ADSL2+, реализующего технологию высокоскоростной передачи данных, картинки на экране появлялись быстрее, меньше времени требовалось на то, чтобы их приближать и отдалять. Но все равно продвигался я очень медленно, а если торопился, потом меня не оставляли сомнения, не пропустил ли я чего-нибудь. И я пытался не подгонять свои воспоминания под то, что видел.

В начале 2011 года я больше сосредоточился на центре Индии, на Чхаттисгархе и Мадхья-Прадеш, несколько месяцев потратил на их методичное исследование.

Разумеется, наступали моменты, когда я сомневался в разумности того, чем я занимался. Ночь за ночью, после трудового дня я из последних сил сидел, впиваясь взглядом в железнодорожные ветки, искал места, которые врезались в память пятилетнего ребенка. Это было довольно скучное, монотонное занятие, и временами я страдал клаустрофобией – возникало ощущение, будто оказался в ловушке и смотрю на мир через маленькое окошко, не в силах отогнать нездоровые отголоски своего страшного детства.

Но однажды в марте, как раз пребывая именно в таком настроении, где-то около часа ночи я в отчаянии очередной раз нырнул в «стог сена» и все изменилось.

9. Родной дом

31 марта 2011 года я, как всегда, вернувшись с работы домой, схватил свой ноутбук, открыл приложение «Гугл Планета Земля» и устроился на диване, отвлекшись только, чтобы поужинать, когда домой вернулась Лайза. В это время я изучал западную часть центра страны, сюда я забрел, когда «путешествовал» по железнодорожной ветке возле границы ранее очерченной мною зоны. Даже несмотря на широкополосное соединение, программа все еще загружалась медленно. Я, как мне казалось, целую вечность рассматривал пару станций, но, как обычно, когда уменьшал масштаб, обнаруживал, что осмотрел только малую часть. Пейзаж этот уж слишком зеленый для моего старого пыльного городка, решил я, но теперь уже знал, что индийские пейзажи постоянно изменяются.

Через несколько часов я достиг железнодорожного узла и сделал паузу, ненадолго залез в Фейсбук, потом протер глаза, потянулся и вернулся к своему занятию.

Прежде чем вновь приблизить изображение, я лениво щелкал по карте, чтобы увидеть, куда же ведет эта западная ветка. Взглянул на холмы, леса и реки, и мне показалось, что пейзажи мне немного знакомы. Я отвлекся на большую реку, которая впадала в то, что оказалось большим глубоким озером под названием Наль Дамаянти Сагар. По всей видимости, озеро окружала буйная растительность, а на севере высились горы. Некоторое время я исследовал этот участок, вроде бы не представляющий для меня интереса, как будто совершал экскурсионную прогулку огромного масштаба. Дело уже шло к ночи, и вскоре мне нужно было ложиться спать.

Похоже, в этой части страны не было никаких железнодорожных веток, наверное, поэтому так упоительно было ее изучать. Но как только я испытал чувство покоя, тут же, почти подсознательно, стал искать железную дорогу. Тут и там были разбросаны небольшие города и деревушки, и я гадал, как же люди путешествуют без железнодорожного сообщения – вероятно, они мало куда выезжают. И западнее тоже не было железной дороги! Потом появились сельскохозяйственные угодья, и я наконец-то наткнулся на маленький голубой символ, обозначающий железнодорожную станцию. Я был так настроен на поиски этих станций, что испытал облегчение, когда обнаружил одну из них, и проверил придорожную полосу у вокзала. Я увидел всего пару зданий в стороне от относительно большой железнодорожной ветки с несколькими путями. По

привычке я стал просматривать дорогу, которая, извиваясь, вела на юго-запад. И тут я наткнулся на еще одну станцию, побольше. Там была платформа по одну сторону от путей, а по обе стороны раскинулся какой-то городок. Этим объяснялось наличие надземного перехода. Но что это? Неужели рядом стоит водонапорная башня? Затаив дыхание, я приблизил изображение. Вне всякого сомнения, это была городская водонапорная башня, как раз напротив платформы, недалеко от большого надземного перехода через железнодорожную ветку. Я, прокручивая колесико «мышки», стал рассматривать город и увидел нечто невероятное – дорогу в форме лошадиной подковы, огибающую площадь прямо за вокзалом. Кольцевую дорогу, которую я видел с платформы. Неужели? Я уменьшил масштаб и обнаружил, что железнодорожная ветка проходит на северо-западе через довольно большой город. Я щелкнул по голубому символу, обозначающему станцию, и увидел ее название – станция называлась Бурханпур.

Мое сердце едва не остановилось. Бурханпур!

Города я не узнал, но ведь я там никогда не был – я никуда с вокзала не уходил. Я вновь приблизил изображение, еще раз рассмотрел кольцевую дорогу, водонапорную башню, переход; они находились на тех самых местах, как я и запомнил. А это означало, что, двигаясь по этой же ветке, я смогу найти свой родной город Гинестли.

Я с опаской переместил курсор, чтобы посмотреть, что находится севернее по этой железнодорожной ветке. Когда я увидел, что железная дорога проходит через ущелье, как раз по краю застроенного домами района, адреналин так и забурлил у меня в крови – память озарило воспоминание о том, что поезд, на котором я ездил с братьями, проезжал по небольшому мосту над таким ущельем, а потом прибывал на станцию. Я стал нетерпеливо крутить колесико «мышки», двигаясь на восток, а потом на северо-восток, мгновенно переместившись на семьдесят километров, мельком увидев зелень ферм, поросшие лесами холмы и маленькие речушки. Потом я наткнулся на равнину, изрезанную лоскутами орошаемых полей, с редкими деревушками, и наконец увидел мост над довольно большой рекой, а впереди замаячили окрестности города. Уровень реки значительно снижался под мостом из-за плотин по обе стороны. Если это было то место, что я искал, значит именно возле этой реки я играл, и недалеко от моста справа должна находиться бетонная плотина побольше.

А вот и она! Видна ясно, как в яркий солнечный день, – наверное, таким и был день, когда спутник пролетал над этой местностью и делал

снимки.

Казалось, я целую вечность смотрел на экран. То, что я видел, полностью совпадало с картинкой в моей памяти. Я не мог мыслить здраво и боялся того, что будет дальше.

В конце концов я, нервничая, заставил себя очень медленно продолжить. Я попытался успокоиться и не делать поспешных выводов. Если я на самом деле впервые за двадцать четыре года смотрел на Гинестли, значит, я смогу «пройти» по тропинке, которая вела от берега реки к станции. Я вновь стал водить курсором, медленно перемещаясь по карте, чтобы увидеть, куда ведет дорожка, извивающаяся вдоль одного притока реки. Она сворачивала налево, потом направо, огибала поле, ныряла под надземный переход, а потом... выходила прямо на станцию. Я щелкнул по голубому символу, на экране вспыхнуло название: железнодорожная станция Кхандва.

Это название ни о чем мне не говорило.

Внутри у меня похолодело. Разве такое возможно? Ведь по дороге от Бурханпура все казалось знакомым, это наверняка был именно тот город с названием на букву «Б», который я пытался разыскать. Но если это те самые мост и река, где же Гинестли? Я пытался не поддаваться отчаянию. В детстве я провел много времени около местной станции, поэтому проверил все, что помнил, – три платформы, крытый надземный переход, который их соединял, и подземная дорога в тоннеле под железнодорожными путями у северного конца. Не только само наличие таких довольно распространенных ориентиров, но и их расположение относительно друг друга указывали на то, что это искомое место. Все сходилось. Еще я помнил огромный фонтан в парке недалеко от тоннеля и продолжил искать. И, вне всякого сомнения, хотя изображение и было расплывчатым, я разглядел его: знакомая круглая форма фонтана в центре парка, в окружении деревьев.

Отсюда я знал дорогу домой. Именно поэтому я с самого детства снова и снова мысленно шел по ней, чтобы никогда не забыть. Я двинулся по дороге от фонтана, вдоль тоннеля под железнодорожным полотном, а дальше по улицам и переулкам, которые помнил с детства. Тогда, лежа в кровати в Хобарте, я мысленно видел, как иду по этой дороге, пытался представить себя дома, как я говорил маме, что со мной все хорошо. Теперь же я внезапно осознал, что смотрю на знакомые с детства места. Я был в этом уверен.

Но на карте не было ни одного названия, хотя бы напоминающего «Гинестли». Меня охватило удивительное чувство, к которому я привык за

последующий год, – одна часть меня была уверена, вторая сомневалась. Я был уверен, что это искомое место, как и в том, что мой родной городок называется Гинестли. Название Кхандва ни о чем мне не говорило. Возможно, Гинестли был районом Кхандвы или предместьем. Возможно. Я рыскал по лабиринтам улочек и переулков и в конце концов, несмотря на то что картинка была не слишком четкой, в отличие от той, которую я видел, когда искал место, где я живу в Хобарте, разглядел маленькую прямоугольную крышу моего родного дома. Конечно, я никогда его сверху не видел, но здания на улице были той самой формы и располагались именно там, где и должны были стоять. Я какое-то время изумленно парил над улицами, пытаюсь все вобрать в себя, но потом, не в силах справиться с возбуждением, крикнул Лайзе:

– Я нашел свой родной город! Иди сюда, посмотри! – и только тогда понял, что стоит глубокая ночь – я просидел за компьютером целых семь часов и оторвался лишь для того, чтобы поужинать.

Из-за угла, зевая, выглянула Лайза в ночной рубашке. Она была еще полусонной, но заметила мое возбуждение.

– Ты уверен? – спросила она.

– Это он! Это он! – твердил я. В тот момент я был в этом уверен. – Это мой родной город!

Восемь месяцев настойчивых поисков увенчались успехом. А с тех пор, как я впервые загрузил «Гугл Планета Земля», прошло почти пять лет.

Лайза улыбнулась и крепко обняла меня.

– Это же так здорово! У тебя получилось, Сару!

После бессонной ночи я отправился к папе на работу. Для него эта новость будет как гром среди ясного неба, и я знал, что ему придется убеждать в моей правоте. Я мысленно представлял себе, что ему скажу, в надежде, что мои слова прозвучат весомо, но в конечном итоге мне удалось только с серьезным лицом произнести:

– Пап, мне кажется, я нашел свой родной город.

Он замер за компьютером.

– Серьезно? По карте? – Я видел, что он скептически отнесся к моим словам. – Уверен?

Естественная реакция из-за абсолютной невероятности подобной находки. Что случилось? Почему я вдруг, впервые за многие годы, вспомнил, откуда я родом? Я ответил, что стопроцентно уверен, и рассказал, как нашел свой дом. Он продолжал сомневаться, отчасти потому, что хотел защитить меня от последствий ошибки. Его страх был понятен,

но мне просто было необходимо, чтобы он знал о моей убежденности, и я хотел, чтобы он тоже в это поверил.

Оглядываясь назад, я понимаю, что мне хотелось, чтобы папа поверил моим словам именно потому, что признание отцу знаменовало для меня неизбежность поездки в Индию. Лайза, конечно, всегда знала о моих поисках и моих надеждах, но рассказать папе – значит превратить свое открытие в реальность, подразумевающую необходимость что-то делать. У меня не было четкого плана, но, когда я поделился новостью, понял, что это только начало путешествия. С этого момента стало понятно, что моя находка изменит жизнь всех нас, даже если больше я ничего не найду.

Следующий шаг – рассказать обо всем маме. Ей было известно о моем желании найти свой индийский дом, о том, что я искал разгадку в Интернете, но о моих активных поисках она даже не догадывалась. Больше всего я боялся расстроить маму. Она такое значение придавала усыновлению, для нее огромной ценностью была семья, которую она создала, и я боялся ее реакции на новость.

Поэтому вечером, когда мы собрались в родительском доме, все немного нервничали. Мне, конечно, очень хотелось показать им изображения с «Гугл Планета Земля», которые убедили меня, что я нашел родной город. Родители держались настороженно. Сама мысль о том, что я с высоты птичьего полета исследовал одну из самых густонаселенных стран на земле, искал ориентиры, которые запомнил в пятилетнем возрасте, и в конечном итоге нашел то, что искал, казалась невероятной, или, по меньшей мере, это стало большим сюрпризом. Я показал окруженную стеной дамбу на юге Кхандвы, железнодорожные пути и тоннель под ними, через который я ходил на станцию, – все было точно таким, каким я описывал все это маме, когда был совсем маленьким.

Мы все, мне кажется, тогда гадали, что же эта находка будет значить для нас в будущем. Неужели мои приемные родители всегда знали, что такой день наступит? Боялись, что их сын вернется в Индию и будет потерян для них?

Мы организовали праздничный ужин, во время которого все, похоже, опасались задавать мучившие их вопросы.

Когда я вернулся домой, во мне все так и кипело от нетерпения, я тут же бросился к компьютеру. Мне пришла в голову мысль, что, возможно, есть способы подтвердить то, что я уже знал. Я обратился к еще одному инструменту, которого не было и в помине, когда я начинал свои поиски, – к Фейсбуку. Я стал искать Кхандву и наткнулся на группу, которая называлась «Кхандва: мой родной город». Я послал сообщение

администратору группы:

«Мне кто-нибудь может помочь? Мне кажется, я из Кхандвы. Я не был там 24 года. Просто хочу узнать, есть ли там большой фонтан возле кинотеатра?»

Фонтан был самым четким ориентиром, который я только мог вспомнить. Парк, в котором фонтан располагался, был людным местом, а в центре фонтана на постаменте возвышалась статуя – мудрец, сидевший, скрестив ноги. Я никогда не знал, кто это такой. Некоторые из местных дервишей с многочисленными косичками – которые, как мне теперь уже было известно, назывались садху (отшельники), – омывались в прохладных водах фонтана и запрещали остальным следовать их примеру. Помню, как однажды сильно распорол ногу, перелезая через ограду из колючей проволоки, когда убегал от них, – мы с братьями в один жаркий денек решили искупаться в фонтане. Наверное, существовали лучшие способы идентифицировать местность – кто знает, что могли снести с тех пор, как я там был? – но я никогда не задумывался, что стану делать, когда дойду до этого этапа. Сейчас это представляется абсурдным, но мне казалось, что я найду городок с названием Гинестли – и дело в шляпе: сразу пойму, что нашел свой дом. Но все получилось не так, как я рассчитывал, – этот город находился далеко за пределами границ области моих поисков, и хотя я их тщательно спланировал и методически вел, я нашел его совершенно случайно. Но, может, по-другому и быть не могло? Вся моя жизнь состояла из загадок с чудесными разгадками, случайных счастливых эпизодов и невероятного везения.

Я лег на кровать, где провел еще одну бессонную ночь.

Опасения мамы с папой оказались небезосновательными. Когда я на следующий день проснулся, первым делом включил компьютер и увидел, что пришел ответ на мой запрос о фонтане на страничке Кхандвы в Фейсбуке:

«Знаете, не можем сказать вам точно... Возле кинотеатра есть сад, но фонтан не такой уж большой... Кинотеатр уже много лет не работает... Мы попытаемся прислать вам последние снимки... Надеемся, это оживит ваши воспоминания».

Это было как ушат ледяной воды на голову. Я ругал себя за то, что настолько увлекся и слишком рано всем рассказал о своей находке. Почему я не дождался ответа из города? Но я пытался оставаться спокойным. Не на такое подтверждение я надеялся, однако и полным поражением это назвать было нельзя. Поблагодарив администратора группы, я, как в тумане,

отправился на работу. Трудно было на чем-то сосредоточиться, воспоминания роились в моей голове. Неужели я выдаю желаемое за действительное? Неужели попусту терял время?

Позже в этот же день или на следующий мама сказала, что смотрела на схему, которую мы вместе нарисовали в ее блокноте, когда мне было шесть лет, и форма моста, очертания реки и железнодорожной станции там не совсем такие, как я показал с помощью «Гугл Планета Земля» – потому что я нашел не то место? А может, потому, что не сумел в шестилетнем возрасте нарисовать точную схему? Еще она достала карту, которая висела на стене в моей спальне, – она хранила все, что каким-то образом имело отношение к нам с братом, – и я с удивлением обнаружил, что и Бурханпур, и Кхандва, оба города отмечены на карте. Они действительно находились очень далеко от Калькутты, и она сомневалась, что я смог проехать такое расстояние, практически пересечь всю страну.

Больше всего меня поразило то, что мой дом был помечен на схеме, которая все это время висела у меня над столом, – если бы я только знал, куда смотреть! Сколько раз я видел эти названия, не зная, какие тайны они скрывают! Не помню, замечал ли я в более раннем возрасте Бурханпур на карте среди городов с похожим названием, а если и замечал, явно вычеркивал, скорее всего, потому, что он находился слишком далеко от Калькутты. Это было намного дальше, чем я предполагал. Неужели поезда тогда ездили намного быстрее? Или я на поезде ехал значительно дольше, чем мне казалось?

Прошло два сюрреалистичных дня. Я метался между картами и воспоминаниями. То, в чем я был абсолютно уверен, моя находка обращала в ничто. Неужели случилось именно то, чего я всегда боялся? Неужели результаты поиска опровергли все, что я знал, оставив меня ни с чем? Ни родители, ни Лайза не обсуждали со мной мое достижение, и я гадал, боятся они расстроить меня или ждут, пока я представлю неопровержимые доказательства. Я размышлял над этим все время в ожидании второго ответа от группы из Кхандвы, но прежде решил задать им очевидный вопрос:

«Может кто-нибудь назвать городок или пригород справа от Кхандвы? Мне кажется, его название начинается с «Г», но дальше в написании я не уверен, по-моему, оно звучит как «Гинестли». В одной части городка живут индусы, в другой – мусульмане, так, по крайней мере, было 24 года назад, но сейчас все могло измениться».

Прошел еще день, прежде чем я получил ответ. Но когда он пришел, мое сердце едва не остановилось.

«Ганеш Талай».

Можно было только надеяться, что мое детское произношение было неправильным.

Пребывая в сильном возбуждении, я позвонил родителям и сообщил, что сомнений быть не может. Они очень переживали за меня и согласились с тем, что все сходится. Я нашел Бурханпур и Кхандву, а теперь, тоже виртуально, нашел Ганеш Талай, место, где я вырос, где, возможно, живет моя индийская семья, которая до сих пор не знает, что со мной стало.

Я понятия не имел, что мне делать с моим открытием, настолько происшедшее ошеломило меня. Я был настолько взбудоражен, что не мог думать о чем-то другом. Однако я испытывал и некую нервную неуверенность, и это означало, что пока я не буду рассказывать о своем открытии никому, кроме родителей и Лайзы. А вдруг я ошибся? Что, если я наделаю шума, основываясь на ошибке? Что, если я выставлю себя дураком? Я продолжал «бродить» по улицам Кхандвы благодаря своему ноутбуку, пытаюсь раскрыть их тайны и получить подтверждение своей правоте. Меня практически парализовала перспектива узнать правду. Так было, когда мы с Мантошем, будучи детьми, побоялись поехать в Индию всей семьей. Я волновался, и это волнение рождало сомнения.

С того момента, когда я нашел это место, я пытался обуздать свои надежды. Старался убедить себя, что моя семья по прошествии времени уже там может и не жить. Интересно, сколько сейчас лет моей матери? Точно сказать я не мог, но надежды увидеть ее были не такими уж радужными, ведь она много и тяжело работала. А как себя чувствует моя сестра Шекила? И Каллу? Что случилось с Гудду в ту ночь в Бурханпуре? Винит ли он себя за то, что я потерялся? Кто-нибудь из них узнает меня, если мы когда-нибудь встретимся? А я их узнаю? Да и возможно ли разыскать в Индии четырех человек, даже если известно, где они жили четверть века назад? Конечно невозможно.

Моя душа металась между надеждой и неверием, а разум оценивал эти новые возможности.

Оставался, разумеется, только один способ все проверить. Я не могу быть на сто процентов уверен, то ли это место, пока там не побываю. Если увижу, сразу узнаю. А потом, если удостоверюсь в своей правоте, с радостью скину туфли, чтобы ощутить родную землю под ногами и вспомнить времена, когда я бродил по этим улочкам и дорогам. Дальше я не позволял себе загадывать и думать о тех, кто может там жить до сих пор.

Я понимал, что родители всполошатся, когда узнают о моих

намерениях отправиться в Индию. Хотя я был уже не тем ребенком, которого они только собирались усыновить, это не означало, что они из тех же побуждений, что заставили их отменить нашу совместную поездку в Индию, не воспрепятствуют такой поездке сейчас, когда я уже стал взрослым. А если место окажется не тем, что будет со мной? Останусь ли я в Индии, чтобы найти родной дом? Или окончательно отчаюсь?

Какое-то время я изучал Кхандву, узнавал город, будучи в другом конце света. Кхандва – небольшой городок с населением менее четверти миллиона человек, большинство из которых составляют индусы, расположен в штате Мадхья-Прадеш. Эта местность известна как своим хлопком, пшеницей и соевыми бобами, так и большой гидроэлектростанцией. Моя семья была слишком бедной, чтобы заниматься земледелием, поэтому все это оказалось для меня новостью. Как и большинство индийских городов, у Кхандвы была своя история, ему покровительствовало несколько индийских святых. Многие звезды Болливуда были выходцами оттуда. Туризм там развит не был, хотя в городке находился крупный железнодорожный узел, который связывал главную восточно-западную ветку между Мумбаи и Калькуттой с еще одной веткой, идущей от Дели на юг, к Гоа и Кочи. Этим объяснялось то, почему станция Кхандвы намного крупнее, чем вокзал в Бурханпуре, хотя города по размеру были почти одинаковыми.

В Ютубе я просмотрел несколько роликов о городе, но это мало что дало. В некоторых роликах было видно, что возле железнодорожной станции проходит туннель, известный как Тин-Пулия. Надземный пешеходный переход над путями имел выход на все три платформы. И Кхандва был очень похож на мой родной город.

Прошло несколько недель, прежде чем я собрался с силами и заговорил с родителями о своей поездке в Индию. Я попытался сделать это как можно осторожнее – спросил, что они делали бы в моей ситуации. Они сказали, что ответ очевиден: я должен ехать. Кто бы устоял перед соблазном увидеть все своими собственными глазами? Лайза считала так же. И конечно, все вызывались поехать со мной.

Я вздохнул с облегчением, был очень тронут, но понимал, что должен ехать один.

В этом я был уверен по нескольким причинам. Отчасти я все-таки боялся, что ошибся, – а вдруг окажется, что мы стоим в каком-то глухом переулке, мама, папа и Лайза не сводят с меня глаз, а я вынужден признать, что не знаю, где мы находимся? Я не хотел публичности, а наша четверка своим появлением в Ганеш Талай могла вызвать слишком много

разговоров, и кто знает, к каким бы это привело последствиям.

Откровенно говоря, для меня это было большим испытанием. Я понимал, что могу узнать телефонный номер местного полицейского участка или больницы в Ганеш Талай, позвонить туда и спросить о своей семье или попросить поискать их истории болезни. По крайней мере я мог назвать имена своих родных и сделать запрос. Городок-то небольшой, все друг друга знают. Но я боялся, что весть слишком быстро разнесется по округе, могут являться мошенники, предъявлять права. Кого-то может привлечь идея заполучить богатого сына-австралийца, поэтому вполне возможно, что на вокзале появятся несколько потенциальных «мамаш», готовых принять своего давно потерянного сына. Когда я туда доберусь, мне, наверное, в таком случае будет сложнее найти тех, кого я ищу. А если я появлюсь там без всяких прелюдий и антуража, мне удастся составить обо всем собственное суждение.

Более того, я допускал, что могут возникнуть даже опасные и непредсказуемые ситуации в чужой стране, а мне не хотелось переживать за своих близких и не хотелось, чтобы они меня отвлекали. Если я буду один, то смогу оценивать только факты, только свои собственные впечатления.

Возможно, главной причиной было ощущение того, что это только мое путешествие, которое я сам начал давней поездкой в поезде и сам должен закончить. Не зря же я занимался поисками в Интернете бессонными ночами!

Слава Богу, Лайза сказала, что прекрасно меня понимает. Но родители были более настойчивыми. Папа обещал, что будет держаться в стороне, и я буду поступать так, как считаю нужным. Может быть, он все-таки поедет со мной, чтобы поддержать или помочь, если возникнут какие-то проблемы? Он останется в гостинице, но, по крайней мере, будет под рукой.

– Я не стану для тебя обузой! – заверял он.

Но, несмотря на его благие намерения, я все уже решил.

И тем не менее прошло еще одиннадцать месяцев с тех пор, как я впервые узнал о Ганеш Талай, прежде чем я наконец-то поднялся на борт самолета. Если не считать перелета в Австралию в детстве, это было мое первое большое путешествие, и помимо обычных вопросов, связанных с поездкой, требовалось утрясти все формальности, даже решить вопрос с гражданством. Когда я прилетел из Индии, в моем паспорте было указано, что я гражданин Индии. Еще в паспорте было написано, что я родился в Калькутте, что, конечно, было неправдой, но индийским властям нужно

было что-то написать. Теперь я стал гражданином Австралии, а мое индийское гражданство официально продлено не было. Такие бюрократические проволочки всегда занимают много времени.

Но за всем этим скрывалось и другое – я сам откладывал отъезд. Пытался этого не показывать и даже сам себе не отдавал в этом отчета, но я чрезвычайно страшился этой поездки. И дело было не в том, окажусь ли я в нужном месте, найду ли хотя бы кого-нибудь, с кем можно было бы воссоединиться, а в том, что оживут неприятные воспоминания, когда я вернусь в Индию. Интересно, как я с этим справлюсь?

И все же я заказал билет, отказался от компании и стал готовиться к полету. Поддержка пришла с неожиданной стороны. Когда я отправился в клинику, чтобы сделать необходимые прививки, доктор поинтересовался целью моей поездки. И несмотря на то, что я обычно не рассказывал свою историю никому, кроме близких друзей, теперь, когда я нашел свой дом, потерял бдительность и по какой-то причине рассказал доктору, почему меня влечет в Индию. Он изумился, поблагодарил за то, что я поделился с ним такими потрясающими подробностями. Когда я пришел на повторную вакцинацию, мою историю знали уже все в отделении, они очень доброжелательно отнеслись ко мне. Было приятно чувствовать поддержку посторонних людей в течение тех недель, которые оставались до отъезда. Это помогало мне сохранять бодрость духа.

Когда наконец-то наступил день отъезда, мы с мамой и Лайзой выпили в аэропорту по последней чашечке кофе и обговорили еще раз возможные сценарии развития событий. Они убеждали меня принять все, как есть, просили, чтобы я слишком не огорчился, если все пойдет не так, как задумывалось. Наверное, из меня получился бы плохой актер – я так и не научился скрывать свои чувства. Потом мама протянула мне лист бумаги формата А4 с отсканированной моей детской фотографией. Прошло целых двадцать пять лет с тех пор, как меня видели в Индии последний раз, так что даже мои родные, вероятно, не смогут меня узнать. Это был бесценный прощальный подарок, и я не мог поверить, что из-за всех приготовлений сам об этом не подумал, но это во многом объяснялось состоянием моей души.

Я замешкался, прощаясь с родными, и последним подошел к трапу самолета. Взволнованная мама смотрела на меня, и мне передалось ее волнение. Правильно ли я поступаю? Неужели мне так нужно рыться в своем прошлом, когда рядом есть люди, которые сильно меня любят?

Но, разумеется, ответ был «да». Я должен был выяснить, если смогу, откуда я родом, даже просто для того, чтобы перевернуть эту страницу. Я

хотел хотя бы посмотреть на то место, о котором всегда мечтал.
Я сел в самолет.

10. Встреча с мамой

Когда 11 февраля 2012 года я приземлился в городе Индор, самом большом городе штата Мадхья-Прадеш, мои ноги впервые с тех пор, как я улетел отсюда ребенком, ступили на индийскую землю. В предрассветных сумерках я чувствовал прилив адреналина, когда до меня дошла вся значимость того, что я совершил.

Нельзя сказать, что Индия встретила меня с распростертыми объятиями. С первых же минут она ясно дала мне понять, что я здесь посторонний человек. Может быть, я и возвращался домой, но эта страна была для меня чужой. Моего багажа не оказалось на ленте транспортера. Когда я попытался узнать у служащего аэропорта, где он может быть, тот ответил, как я решил, на хинди – я ни слова не понял. Служащий отправился за своим коллегой, который немного говорил по-английски. Кажется, какая мелочь – не говорить на хинди, но это доставляло дополнительные хлопоты человеку, который совершал волнующее путешествие домой после стольких лет жизни в другой стране. Казалось, время повернулось вспять: я опять потерялся, не мог понять, что мне говорят, не мог заставить людей меня выслушать.

Мне не удалось договориться с настойчивыми, но слишком дорогими таксистами, чтобы они отвезли меня в гостиницу, где я остановился, прежде чем отправиться в Кхандву, и в конце концов я поехал на автобусе. Солнце вспыхнуло над горизонтом, когда мы выехали из аэропорта, и я стал смотреть на загадочную Индию двадцать первого века.

Сперва многое выглядело так же, как и в той Индии, которую я знал четверть века назад. Я увидел одичавших черных свиней, роющихся в мусоре на боковых улочках, те же деревья на углах улиц и знакомые толпы спешащих людей. В городе царила неприкрытая нищета, но я отметил, что здесь стало больше грязи. Я видел, как люди справляли нужду прямо на обочине, повсюду валялся мусор. Не помню, чтобы в нашем квартале было так грязно, но, возможно, я просто привык к чистым, открытым пространствам Хобарта.

Когда я вышел из гостиницы, то едва не оглох от уличного шума и едва не задохнулся от сильного запаха серы из сточных канав. И понял, что за это время Кхандва тоже изменилась. После прерывистого недолгого сна я попросил заказать машину с водителем, чтобы он на следующий день отвез меня туда.

До Кхандвы оказалось два часа езды на машине, и я заплатил только половину того, что запросили ушлые водители в аэропорту, чтобы провезти всего пару километров до гостиницы. Это напомнило мне о том, что все мои знания, полученные когда-то на улицах, следует забыть. Но, вероятно, те водители берут дополнительную плату за безопасность, ибо мой невысокий худощавый водитель летал по дорогам, как сумасшедший, даже с точки зрения нестрогих индийских правил, что добавило очередную порцию адреналина в мой и без того перенасыщенный им организм. Дорога из Индора вела через холмы и долины, но я мало любовался пейзажами. Время от времени мы останавливались, чтобы выпить чаю и покурить; курю я редко, но требовалось успокоить нервы: я поймал себя на том, что все больше и больше тревожусь, не зная, что меня ждет в Кхандве. Эта смертоубийственная поездка все длилась и длилась.

Вовсю палило солнце, когда мы подъехали к окрестностям города. Я понял, что вообще ничего не узнаю, отчего по спине пробежал холодок. Я видел перед собой пыльный, серый промышленный город, каким я его не помнил. Неожиданно я решил отправиться на вокзал, прежде чем поселиться в гостинице, – я не хотел тянуть время, а это был самый быстрый и легкий способ проверить, не ошибся ли я, когда сидел за ноутбуком дома, в Тасмании. Мы поехали в другую сторону.

Дороги были узкими, машины едва ползли – было воскресенье, и повсюду сновали люди. В детстве здесь было больше лошадей и телег, чем авторикшей, но теперь все улицы кишели машинами и мотоциклами.

В моем телефоне была Джи-Пи-Эс-навигация, на экране могла бы отобразиться карта города, но заряд батареи заканчивался, и к тому же я хотел, чтобы сейчас включилась моя память. Поэтому я сам давал указания водителю, насколько мог подробно, и мы действительно обнаружили станцию именно там, где я и ожидал. Мне кажется, что он посмеивался надо мной, зная дорогу и без моих указаний, но настроение у меня поднялось.

Станция была немного не такой, какой я ее запомнил, но я быстро сориентировался – с этого места я мог в Кхандве найти что угодно. Я знал, где нахожусь, – стоял недалеко от своего дома.

Я ликовал.

И в этот момент на меня накатила усталость, я почувствовал себя марионеткой, у которой перерезали нить. С тех пор, как я прибыл в Индию (и даже задолго до своего приезда), я держался благодаря нервному напряжению, а теперь, когда понял, что нашел именно то место, какое искал, не мог сделать ни шагу. Я попросил водителя отвезти меня в

гостиницу, решив завтра бродить по улицам.

Пока такси тащилось по узким улочкам, я проверял, помню ли их. Я помнил эти места зелеными, повсюду росли деревья, в городе было меньше промышленности, и он был не таким грязным, и уж точно мусор на улицах не валялся. Здания выглядели более дряхлыми, чем мне запомнилось. Но когда мы нырнули в тоннель под железнодорожными путями и впереди не было видно просвета, меня охватили воспоминания об этом отрезке дороги, вызывающем клаустрофобию. Это явно было то место, где я играл еще ребенком.

Возле гостиницы «Большая казарма» – как гласила вывеска, это когда-то были казармы британской армии – я ненамеренно обидел своего водителя, не дав ему «бакшиш». Поскольку я приехал из Австралии, то просто не привык к тому, что следует платить больше оговоренной суммы, и скрылся в гостинице, так и не поняв своей ошибки. Все, что происходило вокруг, я воспринимал как культурный переворот.

Утомленный открытиями и долгим перелетом, в гостиничном номере я не стал разбирать чемодан, включил кондиционер и вентилятор на потолке и рухнул на кровать.

Но, несмотря на усталость, я не смог долго лежать. Я был крайне взвинчен и подумал: «Какого черта я здесь делаю? Я целую вечность провел в самолете, два часа тащился в машине... Надо действовать!» Было воскресенье, два часа дня. Я проделал слишком долгий путь, чтобы найти свой дом, так что следовало довести дело до конца. Я подхватил рюкзак, взял бутылочку воды и почувствовал прилив энергии.

Когда я вышел из гостиницы, то не знал, куда направиться – во все стороны расходились улицы и переулки. Я решил пойти по той дороге, по которой приехал на такси. Вскоре я уже шагал вдоль железнодорожной колеи, направляясь в центр города.

Улицы были мне знакомы, но я не мог с уверенностью сказать, что знаю, где нахожусь. Слишком все изменилось. Меня опять охватили сомнения: разве так уж сильно отличаются друг от друга туннели и станции в индийских городах? И сколько в округе городков и деревень? Мог я ошибиться? Но, казалось, ноги сами знали дорогу. Я двигался на автомате, сбой биоритмов после перелета, усталость и нереальность происходящего давали мне ощущение, будто я смотрю на себя со стороны. Никак не удавалось следовать маминому совету сохранять спокойствие и не надеяться на многое. Мои инстинкты и память входили в противоречие, как и сомнение и радость.

Через время я наткнулся на небольшую зеленую мечеть. Мечеть Бабы.

Как же я мог о ней забыть! Она была точно такой, какой я ее запомнил; конечно, она обветшала и стала как будто меньше, но сходство вселяло уверенность. Но я продолжал спрашивать себя: а она на самом деле так выглядела? Это она? Я не ошибся?

В итоге я решил повернуть налево, к центру. Я задрожал, мой шаг замедлился. Центр города казался совершенно незнакомым. Слишком много домов – район плотно застроили. Я пытался себя успокоить: все меняется, население растет. Конечно, город стал более густонаселенным. Но раз на месте старых снесенных домов построили новые, мой дом тоже могли снести! Я зашагал быстрее и вскоре вышел на небольшой «пятачок», который напоминал то место, где я когда-то играл.

Я узнавал и не узнавал его. Место было вроде бы то же самое, но выглядело по-другому. И тогда я понял, в чем заключается это различие: в город провели электричество. Повсюду были столбы и провода. Когда я рос здесь, мы освещали дом свечками, а готовили на печке, которую топили дровами, или на керосинке. Теперь вдоль улиц тянулись электрические провода и весь городок стал выглядеть более компактным, оживленным – изменившимся.

Подозреваю, я заставил себя больше думать о том, что еще могло измениться, чем о том, узнаю ли само место и здания. Я намеренно отгонял мысли о маме и родных, а сейчас я приближался к тому месту, где, вероятно, мог их найти. Я старался мыслить здраво, но меня охватывали противоречивые чувства.

И все же я смог отбросить страхи и сомнения. Решил, что самое лучше – попытаться найти первый дом, где жила моя семья. Он находился в индийском квартале.

Я прошел дальше по улице, свернул в узкий крутой переулок и в конце его увидел женщину, которая стирала. При виде этого переулка на меня нахлынули воспоминания о том, как я бегал по этим улочкам. Наверно, я слишком пристально смотрел на женщину, потому что она со мной заговорила. Незнакомый мужчина в спортивной европейской одежде, видимо богатый, явно казался тут не к месту. Кажется, она спросила на хинди:

– Могу чем-нибудь помочь?

Но я лишь ответил:

– Нет, – повернулся и пошел дальше.

Больше невозможно было откладывать неотвратимое. Наконец-то пришло время встретиться лицом к лицу с конечным пунктом моего путешествия. Всего несколько минут – и я прошел улочки, которые

разделяли индийский и мусульманский районы. Сердце подпрыгнуло к горлу, когда я подошел к тому месту, где, как я помнил, находился наш дом с обваливающимися кирпичными стенами. И не успел я подумать о том, что ожидаю там увидеть, как уже стоял прямо перед нашей квартирой.

Она показалась мне совсем крошечной, но ошибки быть не могло.

Я узнал эти голые кирпичные стены, хотя первый этаж был оштукатурен и побелен. Вход в угловую квартиру находился в том же самом месте, но сама дверь была сломана. По своим размерам она больше напоминала окно в австралийском доме. Многое через разбитую дверь не рассмотришь, поэтому я свернул за угол и заглянул в единственное окошко, размером не превышающим тридцать квадратных сантиметров. Поверить не мог, что мама, сестра и мы с братьями – пусть и не всегда в полном составе – ютились в этом крошечном темном помещении. Квартира была размером примерно три на три метра. До сих пор сохранился маленький очаг, которым явно уже давно не пользовались, но глиняного чана для воды не было. Часть внешней кирпичной стены отвалилась, впуская внутрь помещения солнечный свет. Земляной пол, который мама всегда содержала в чистоте, теперь был покрыт толстым слоем пыли – здесь давно никого не было.

Пока я заглядывал внутрь, коза жевала сено, оставленное на камне у двери, – плевать ей было на мои чувства. И хотя я твердил себе снова и снова, что наивно было ожидать, что я прилечу в Индию и вот так просто найду свою семью, рассчитывая, что она по прошествии стольких лет живет в том же самом месте, трудно было смириться с мыслью, что квартиру я нашел, но там никто не живет. Несмотря на все мои сомнения, я в глубине души был убежден, что, если найду дорогу домой, меня там будет ждать моя семья. Как в тумане, я смотрел на жующую козу и чувствовал внутри опустошенность.

Я понятия не имел, что делать дальше. Мои поиски завершились.

Впервые у меня не было наготове никакого плана действий. Из соседней двери вышла молодая индианка с ребенком на руках. Женщина обратилась ко мне на хинди, и я понял, что она спрашивает, чем может помочь. Я ответил:

– Я не говорю на хинди, я говорю по-английски.

Я очнулся от своих печалей, когда она продолжила:

– Я немного знаю английский.

Тут же я поспешно заговорил:

– Этот дом... – и стал перечислять имена своих родных: – Камала, Гудду, Каллу, Шекила, Сару.

Женщина не отвечала, поэтому я повторил имена еще раз и вытащил фото, которое дала мне перед отлетом мама. И тогда незнакомка сказала мне то, что отозвалось болью в моем сердце:

– Здесь никто больше не живет.

К нам подошли двое мужчин узнать, что происходит, и второй, которому было чуть за тридцать, прилично говорил на английском. Он посмотрел на фото, велел мне подождать, а сам скрылся в переулке. У меня не было времени анализировать происходящее – вокруг нас стали собираться люди, желающие знать, что происходит, что на этих улицах забыл иностранец, ведь сюда туристы отродясь не заходили.

Через пару минут мужчина вернулся и произнес слова, которые я никогда не забуду:

– Пойдемте со мной. Я отведу вас к вашей матери.

Он сказал это так просто, как чиновник, безо всяких двусмысленностей, что я сразу его послушался. И, еще не осознав до конца, что он сказал, уже шагал за ним по соседнему переулку. У меня мурашки побежали по телу, голова закружилась – всего несколько минут назад я потерял надежду, которую лелеял целых двадцать пять лет. Надежду найти маму. Неужели правда этот случайный прохожий знает, где моя мама? Это казалось невероятным, и к тому же все происходило слишком быстро. После стольких лет ожиданий события стали развиваться с головокружительной скоростью.

Метров через пятнадцать мужчина остановился рядом с тремя женщинами, которые стояли у одной из дверей. Все они смотрели в мою сторону.

– Вот ваша мать, – произнес незнакомец.

Я был настолько поражен, что даже не смог спросить, которая из них. Неужели это чья-то злая шутка?

Не в силах двинуться, я просто переводил взгляд с одной женщины на другую. Первая явно не была моей мамой, знакомые черты угадывались в женщине, что стояла посередине, а третья казалась совершенно чужой. Значит, та, что посередине.

Худоцавая и такая маленькая, с седыми волосами, стянутыми сзади в пучок, в ярко-желтом цветастом платье. Несмотря на то что прошло столько лет, я узнал правильные черты ее лица, и в это же мгновение, похоже, и она меня узнала.

Мы на пару секунд задержали друг на друге взгляд, и мне внезапно стало очень больно оттого, что мать и сын не сразу узнали друг друга, а потом испытал внезапную радость узнавания.

Она шагнула вперед, взяла мои руки в свои, стала вглядываться в мое лицо с крайним изумлением. Я вполне осознавал, какие меня охватили чувства. У меня, во всяком случае, было время к этому подготовиться, а для моей мамы появление сына после двадцати пяти лет разлуки было как гром среди ясного неба.

Прежде чем мы что-то сказали друг другу, мама повела меня к дому. За нами последовала длинная вереница любопытных, желающих знать, что же будет дальше. Ее нынешнее жилище было всего в сотне метров от старого, буквально за углом. Пока мы шли, было видно, что ее переполняют эмоции. Она что-то говорила себе на хинди, снова и снова смотрела на меня, в ее глазах блестели слезы радости. Меня тоже переполняли эмоции, но говорить я не мог.

Ее дом, вернее, квартира в здании из осыпающегося кирпича, располагалась в грязном переулке. Она провела меня внутрь, усадила на кровать, а сама осталась стоять. Из складок одежды она достала мобильный телефон и сказала:

– Каллу, Шекила...

Она назвала имена моих брата и сестры! Неужели они тоже до сих пор здесь живут? Мама возбужденно затараторила по телефону, вскрикивала, смеялась, восклицала:

– Шеру! Шеру!

Я не сразу понял, что мама называет мое имя. Неужели все это время я неправильно произносил его?

Небольшая кучка людей, собравшихся на улице, стремительно превращалась в толпу. Все возбужденно переговаривались, звонили по мобильным телефонам – чудо возвращения сына из небытия явно стало большой новостью и уже обрастало слухами. Дом вскоре наполнился шумными, радостными людьми, а снаружи люди уже заполнили прилегающую улицу.

К счастью, некоторые из наших доброжелателей немного знали английский, и мы с мамой наконец-то смогли поговорить через переводчиков. Первое, что она спросила:

– Где ты был?

Рассказывать всю историю было бы очень долго, поэтому я вкратце обрисовал, как оказался в Калькутте и что в итоге меня усыновили австралийцы. Неудивительно, что она была поражена до глубины души.

Мама поведала мне, что мужчина, с которым я заговорил на улице, явился к ней и просто сказал:

– Шеру вернулся.

Потом он показал ей снимок, который мне на прощание вручила мама, – я даже не помню, когда меня фотографировали, – и продолжил:

– Этот мальчик, который уже превратился во взрослого мужчину, сейчас тут неподалеку спрашивает о Камале, а ведь это же ты.

Он говорил странные для некоторых вещи, ведь, как позже я узнал, много лет назад мама приняла ислам и взяла себе новое имя – Фатима. Для меня же она навсегда останется Камалой.

Мама лучше, чем удалось бы мне, описала свою реакцию на новость: ее «как будто громом поразило», когда она узнала, что ее мальчик вернулся, а счастье ее «безбрежно, как океан».

Когда она увидела снимок, задрожала и выбежала из дома на улицу, к ней присоединились две ее подруги, которые заглянули в гости, – их я и увидел, когда свернул в переулок. Она призналась, что, пока я шел, ее не переставая колотила дрожь, ей было холодно, в голове звенело, а на глаза накатывались слезы радости.

У меня в голове тоже звенело, и после всех проволочек перед поездкой и неспешной, хотя и волнующей прогулки по улицам Ганеш Талай к нашей старой квартире теперь все происходило с сумасшедшей скоростью. Повсюду кричали и смеялись люди, они пытались втиснуться в дом, чтобы посмотреть на меня. Все что-то живо обсуждали на хинди, и я ничего не понимал, а мама улыбалась и плакала. Слишком многое нужно было осознать.

Позже я понял, что находился от нее всего в сотне метров, в буквальном смысле за углом, стоя перед порогом нашего старого дома. И если бы ко мне не подошел тот мужчина, чтобы узнать, в чем дело, я, возможно, ушел бы ни с чем. Скорее всего, я бы в конечном итоге все равно нашел маму, порасспрашивав соседей, но меня преследовал страх, что я мог бы этого и не сделать, что мы могли бы быть настолько близко друг к другу, но так и не встретиться.

Нам удавалось говорить урывками, ожидая, чтобы наши слова перевели, и люди задавали вопросы, и историю пересказывали тем, кто только-только пришел. Мама поворачивалась к подругам, широко улыбалась, потом снова смотрела на меня, обнимала, в ее глазах стояли слезы. Через время она вновь ненадолго вытасила телефон, чтобы еще кому-то сообщить новость.

Конечно, многие вопросы требовали ответов, и в основном отвечать должен был я. Мама понятия не имела, что происходило со мной с того вечера, как я исчез. Я столько всего должен был ей рассказать, но диалог шел медленно, пока, к счастью, спустя какое-то время нам не стала

помогать общаться женщина, живущая через несколько домов. Звали ее Шерил. Отец у нее был британцем, мать – индианкой; каким-то образом ее занесло сюда, в Ганеш Талай. Я с радостью принял помощь Шерил, благодаря которой мама теперь понимала все, что я говорил. Позднее я все смогу ей рассказать подробно, но в нашу первую встречу среди царящего хаоса мне удалось сообщить только основное: оказался запертым в поезде, приехал в Калькутту, усыновили, вырос в Австралии. Моя мама была поражена тем, что я вернулся через столько лет, а то, что я приехал с другого конца света, из самой Австралии, вообще было за гранью ее понимания.

Тем не менее уже во время нашей первой встречи она сказала, что благодарна тем людям, которые вырастили меня в Австралии, что у них есть полное право называть меня своим сыном, потому что они растили меня с пяти лет и превратили в того, кем я стал сегодня. Мама сказала, что переживала об одном: будет ли моя жизнь счастливой. Невероятно трогательно было услышать от нее такие слова. Я не стал ей об этом говорить, но ее слова напомнили мне о том маленьком мальчике в сиротском приюте «Нава Дживан», который решал, принимать или не принимать предложение Брирли его усыновить. Благодаря ей я убедился в том, что сделал правильный выбор. Еще она сказала, что гордится мною – любой человек хочет услышать подобную похвалу от своей мамы.

Дом, в котором она жила, был еще более ветхим, чем наш предыдущий, кирпичи выпали из стен, оставив дыры. В передней комнате размером два на три метра мама спала на одноместной кровати, на которую и усадила меня. Два куска гофрированного железа свисали, соединенные между собой, с крыши и явно служили сливом для дождевой воды, которой наполнялся бак в небольшой ванной комнате, где находился и туалет. Я с беспокойством заметил, что эта конструкция была установлена таким образом, что дождь просто лил внутрь дома. В глубине дома была еще одна комната, побольше, которая служила кухней и столовой. Но несмотря на то, что квартира была слишком маленькой и не могла вместить всех любопытных, которые пытались протиснуться в дом, по крайней мере там был бетонно-мозаичный пол, а не земляной. Ужасные условия, но для Ганеш Талай этот дом означал подъем на ступеньку вверх, и я прекрасно понимал, как тяжело пришлось работать маме, чтобы получить возможность переехать сюда. От других я узнал, что мама в силу возраста уже не носит на голове камни на стройплощадках, теперь она убирает в домах. Несмотря на суровую жизнь, она призналась мне, что счастлива.

Последующие несколько часов люди все прибывали и прибывали,

толпились у забранного решетками окна и у двери, возбужденно переговаривались и передавали новости из уст в уста. Мама оказывала внимание множеству посетителей, присаживалась рядом со мной, обхватывала руками мое лицо, обнимала, пока что-то говорила, или подскакивала, чтобы ответить на телефонный звонок.

Наконец в комнату впустили двух особых гостей, один за другим прибыли мой брат Каллу и сестра Шекила. Когда приехала Шекила с мужем и двумя сыновьями, мама прижимала меня к себе и плакала, сестра тут же разрыдалась, когда я встал, чтобы обнять ее. Каллу приехал один на мотоцикле. Он, не веря своим глазам, уставился на меня – я понимал, что он чувствует. Мы мгновенно узнали друг друга, хотя каждый из нас впервые видел другого уже взрослым мужчиной. Ни у брата, ни у сестры не было необходимости учить английский, поэтому последовали очередной поток слез, улыбки и молчаливое удивление, прежде чем благодаря Шерил мы хоть как-то смогли пообщаться. Горько было находиться так близко со своей семьей и в то же время быть как бы отрезанным от них из-за незнания языка.

Но где же Гудду? Мне не терпелось услышать его историю. Что произошло в ту ночь в Бурханпуре? Он часто думал о случившемся? Но больше всего мне хотелось, чтобы он знал: я ни в чем его не виню, так как уверен, что это был несчастный случай, и к тому же я наконец-то нашел дорогу домой.

И тогда я услышал самую печальную за день новость – если говорить откровенно, я еще никогда не получал таких печальных новостей. Когда я задал маме вопрос о своем старшем брате, она ответила:

– Его больше с нами нет.

Гудду, как и я, той ночью домой не вернулся. Через несколько недель мама узнала, что он погиб под колесами поезда. В одну ночь она потеряла сразу двоих сыновей. Представить не могу, как она это пережила.

Как же я сожалел о том, что больше никогда не увижу Гудду! Я напросился ехать с ним в Бурханпур, потому что очень сильно скучал по нему. Весть о его смерти просто раздавила меня.

Позднее я узнал больше о том вечере и о том, что, по мнению мамы, с нами случилось. Сперва она испытывала легкую досаду из-за того, что я отправился с Гудду, потому что был необходим ей, чтобы присмотреть за Шекилой. Но Индия, в которой я родился, в корне отличалась от Австралии, где пропажа ребенка уже через час вызывает тревогу. Моя мама сама часто уходила на несколько дней, и даже совсем маленькие дети находились в доме и на улице без присмотра. Поэтому вначале она не очень

всполошилась. Но через неделю она заволновалась. Гудду нередко пропадал неделями, но с его стороны было крайне безответственно так долго не приводить меня домой. Каллу нас не видел и не знал, что мы отправились в Бурханпур, и мама стала бояться, что случилось самое страшное. Она попросила Каллу расспросить в Кхандве и Бурханпуре, не видел ли кто нас, но никто ничего не знал.

Через пару недель, возможно, через месяц после нашего исчезновения к нам домой пришел полицейский. Больше переживая за меня, как за самого маленького и неспособного позаботиться о себе, мама решила, что полицейский принес новости обо мне, но ошиблась – он явился с печальным известием о Гудду. Сообщил, что Гудду попал под колеса поезда, и показал ей снимок мертвого тела. Гудду обнаружили где-то в километре от Бурханпура у железнодорожной колеи, и полицейский попросил официально опознать его. Я спросил у мамы, уверена ли она, что это был ее сын, и она медленно кивнула. Для нее эта тема оставалась очень болезненной, поэтому подробности я узнал у Каллу. Гудду было всего четырнадцать, он почему-то упал с движущегося поезда и либо попал под колеса, либо ударился о какой-то предмет, закрепленный рядом с колеей. У него была оторвана часть руки и выбит один глаз – непередаваемо ужасное зрелище для матери.

Мне захотелось сходить на могилу Гудду, но родные сказали, что это невозможно – на месте кладбища, где он был похоронен, уже возвели дома. Застройщики даже не потрудились перенести останки перед началом строительства. Владельцы земли и застройщики и слышать ничего об этом не хотели. Узнать такое было нелегко. У меня возникло чувство, будто у меня отобрали брата, как и меня отобрали у него. Он бесследно исчез, и теперь я лучше понимал, что чувствовала моя семья, когда я исчез. У нас даже фотографии Гудду не осталось, потому что мы не могли себе позволить делать семейные портреты. Он был частью нас, как и мы были частью его, а теперь все, что осталось от Гудду, – только воспоминания.

Я не был уверен, что мои родные в полной мере понимали, почему я так расстроился из-за того, что не могу посидеть у его могилки. Для них это событие уже давно было в прошлом, но для меня он только что умер. Когда я вернулся в Австралию, больше всего я печалился о том, что не имел возможности как следует оплакать его. Последнее, что он сказал мне на платформе в Бурханпуре, – что он вернется. Наверное, он тогда так и не вернулся, а может быть, возвращался, но обнаружил, что меня там нет. Как бы то ни было, я надеялся, что мы сможем воссоединиться. Теперь я никогда не узнаю, что же случилось в ту ночь, – эта тайна так и останется

неразгаданной.

Мои родные боялись, что меня постигла та же участь или и того хуже. Они не были даже уверены, что я жив. Особенно я сочувствовал Каллу: он потерял сразу двух братьев и неожиданно оказался старшим мужчиной в семье, который в нашем обществе берет на себя ответственность за родных и близких. На его плечи, как и на мамины, легла ответственность за благосостояние семьи – непосильная ноша для паренька в таком возрасте.

Еще я кое-что узнал о своем отце. Он был жив, но сменил место жительства – переехал со своей второй семьей из Кхандвы в Бхопал, столицу штата Мадхья-Прадеш, расположенную в двухстах километрах севернее. Этот город в начале восьмидесятых стал известен из-за химической катастрофы, которая произошла на карбидном заводе. В нашей семье отца продолжали ненавидеть за то, что он нас бросил, поэтому расспрашивать о нем пока не стоило.

Посреди всего хаоса и ликования этого дня Шерил сказала мне, что некоторые спрашивали маму, как она может быть уверена, что я ее сын. А если я просто самозванец или мы оба ошибаемся, подхваченные круговоротом событий, потому что очень хотим верить, что это правда? Мама ответила, что любая мать всегда узнает свое дитя, – у нее не было ни малейшего сомнения в том, кто я есть, с первой минуты, как меня увидела. Но был один способ убедиться окончательно. Она обхватила мою голову руками и притянула к себе, пытаясь отыскать шрам у меня над глазом, который я получил, когда упал на улице, убегая от собаки. Шрам был, и как раз над правым глазом, над бровью. Она указала на него и улыбнулась: я – ее сын.

До позднего вечера в мамином доме толпились доброжелатели. В конце концов пришла пора мне уходить – я был полностью изнеможен, казалось, что и сердце, и голова вот-вот лопнут. Прощание затянулось, даже несмотря на то, что сказать друг другу мы мало что могли – только подолгу вглядывались в родные лица и обнимались. Наверное, каждого в глубине души мучил вопрос: если я выйду за дверь на этот раз, вернусь ли еще когда-нибудь? Я пообещал, что непременно вернусь завтра. Наконец мама отпустила меня, смотрела нам вслед, когда мы с Каллу, сев на мотоцикл, уехали. Не зная языка друг друга, разговаривать с братом мы не могли, но я поблагодарил его, когда он довез меня до «Большой казармы» и отправился домой в Бурханпур, до которого было час езды и где, по иронии судьбы, Каллу сейчас жил – в городе, который я так долго пытался отыскать.

Вернувшись в гостиничный номер, я подумал о том, как круто

изменилась моя жизнь с того момента, как я вышел отсюда днем. Я нашел свою семью. Больше я не был сиротой. Поиски, которые так много значили для меня, наконец-то были закончены, и я гадал, что же мне теперь делать.

Я много думал о Гудду. Страшно представить, что с ним могло произойти. Гудду так уверенно садился на поезда и спрыгивал с них, так долго на них проработал, что мне сложно было представить, что он просто упал. Возможно, всему есть иное объяснение? Наверное, он вернулся, увидел, что меня нет, и пошел искать. На станции были мальчишки, с которыми у моих братьев время от времени случались стычки, – может быть, он решил, что они что-то со мной сделали, и началась драка? Хуже всего, что он, испытывая чувство вины оттого, что оставил меня одного, в своих панических поисках пренебрег опасностью, ведь его мысли были заняты совершенно другим, и он упал.

Возможно, он решил, что я вернулся домой, но, поскольку сам там так и не появился, трудно было отмахнуться от мысли, что если бы я не сел в ту ночь на поезд, Гудду, как и собирался, вернулся бы за мной и сейчас был бы жив. Умом я понимал, что не должен брать на себя ответственность за его судьбу, но эта темная мыслишка не давала мне покоя, от нее сложно было отделаться. Обычно я был уверен, что на все вопросы есть ответы, что необходимо просто поразмыслить над проблемой, и тогда решишь ее, но на этот раз мне пришлось признать, что я никогда не узнаю правды о том, что случилось с моим братом.

Прежде чем лечь спать, я отправил домой, в Хобарт, электронное письмо маме с папой:

«На вопросы, которые так долго меня мучили, наконец-то получены ответы. Больше никаких тупиков. Здесь моя настоящая семья, как и в Австралии. Мама благодарит вас, мама и папа, за то, что вырастили меня. Мои брат, сестра и мама понимают, что вы с папой – моя нынешняя семья, и они вовсе не хотят забирать меня у вас. Они счастливы, зная, что я жив, и это все, что они хотят знать. Надеюсь, вы, ребята, не сомневаетесь в том, что для меня ближе вас никого нет и это не изменится никогда. Я вас люблю».

Неудивительно, что в ту ночь я не мог заснуть.

11. Воссоединение

На следующее утро за мной на мотоцикле заехал Каллу и отвез к маме. Она приветствовала меня так же радостно, как и вчера. Наверное, она не до конца верила, что я вернусь.

Каллу уже привез к нашей маме свою жену, сына и дочь, а потом поехал за мной. Невероятно, но все четверо приехали из Бурханпура на мотоцикле. Вчера я очень обрадовался, когда узнал, что я уже дядя, поскольку у Шекилы двое сыновей, а сегодня с радостью познакомился со своими племянницей и племянником.

Пока мы пили чай, ненадолго повисла тишина, мы улыбались друг другу. Но вскоре все вновь завертелось: мы стали обмениваться своими историями с помощью Шерил и других переводчиков и беспрестанно приветствовали посетителей – так продолжалось и в течение последующих четырех дней. Вскоре к нам присоединились Шекила с мужем и детьми, вновь совершив двухчасовое путешествие сюда из находящейся в ста километрах к северо-востоку от Кхандвы Харды, где она теперь жила.

Мама, разумеется, спросила меня о жене и детях. Они с удивлением услышали, что я не женат и детей у меня нет. Наверное, если бы я рос в Индии, уже давно обзавелся бы семьей. Но они обрадовались, узнав, что по крайней мере у меня есть девушка, хотя я сомневался, что моя мама правильно поняла, что это означает.

На второй день местные газеты уже раструбили о мальчике, который потерялся много лет назад и неожиданно материализовался на улицах Ганеш Талай уже взрослым мужчиной. К прессе вскоре присоединились и национальные каналы, приславшие своих репортеров, обвешанных телекамерами. Их вопросам – задаваемым большей частью через переводчиков, – казалось, не будет конца. Я снова и снова повторял свою историю, и вскоре у меня возникло чувство, что все это случилось с кем-то другим.

Интерес репортеров стал для меня полнейшей неожиданностью. Мне даже в голову не приходило, что мое возвращение вызовет такую шумиху, и я совсем не был к этому готов. От этого эмоциональное напряжение еще возросло, и все же я относился ко всему происходящему как к какому-то чуду. В Индии живет более миллиарда человек, по улицам без присмотра бродят дети. Индия кажется сложной для жизни и даже суровой страной. И тем не менее здесь, в Ганеш Талай, как и по всей стране, люди невероятно

радовались тому, что одному из этих потерявшихся детей удалось воссоединиться со своей семьей после долгих двадцати пяти лет разлуки.

Еще большее количество людей пришли на меня посмотреть, в результате получился общий праздник, с музыкой и танцами на улицах. Казалось, мое возвращение вдохновило и зарядило энергией всех соседей, как будто являясь доказательством того, что на мне не сказались пережитые трудности. Чудеса иногда случаются.

Создавалось впечатление, что мы сдерживали свои эмоции, пока они не стали давить настолько, что нам оставалось только высвободить их. Иногда мне удавалось побыть наедине с родными, и тогда мы нередко плакали, в основном от счастья, но иногда и от огорчения, что столько времени потеряно – мне уже тридцать лет, Каллу – тридцать три, Шекиле – двадцать семь. Последний раз я видел Шекилу еще малышкой, за которой мне надлежало присматривать, а теперь у нее уже было двое своих очаровательных детей.

Я кое-что вспомнил, взял немного золы из очага и показал ей. Она засмеялась. Когда ей был год или два, иногда я заставал ее поедающей золу, наверное, от голода, и часто ее мордашка была перепачканной. Зола испортила ей желудок, нам пришлось вести Шекилу к одной знахарке, которая могла ее вылечить. К счастью, большого вреда здоровью эта привычка не нанесла. То, что мы могли смеяться над подобными вещами, лишний раз подчеркнуло, что те дни остались далеко позади.

Шекиле и Каллу повезло – они учились в школе. Когда Гудду не стало, а я был неизвестно где, мама смогла позволить себе отправить двоих оставшихся детей учиться. Шекила стала учительницей, она умела читать и писать на хинди и урду (но не на английском). Шекила призналась мне, что, когда ей позвонила мама, она поверить не могла, ей казалось, что кто-то дурачится или даже хочет их обмануть. Но мамина уверенность, а в особенности моя детская фотография убедили ее в обратном. Она поблагодарила Господа за чудо и тут же побежала на вокзал и поехала к нам. Когда она увидела меня, то «потерялась во времени», как будто вновь вернулась в те дни, когда я за ней присматривал. Она тут же меня узнала.

Каллу тоже неплохо устроился в жизни. Он работал управляющим на фабрике, а еще подрабатывал водителем школьного автобуса. За одно поколение мои родные выросли от носильщиков камней до учительницы и управляющего. Не было бы счастья, да несчастье помогло: семья потеряла двух братьев, но оставшимся детям удалось вырваться из нищеты. Жизнь у Каллу была непростой – мне горько было узнать, что я оказался прав относительно того, что после нашего с Гудду исчезновения тяжкий груз

ответственности лег на его плечи, единственного мужчины в доме. И хотя после того, как я пропал, мама отправила его учиться в школу, он вскоре забросил учебу – хотел научиться водить машину и найти работу получше, чтобы обеспечивать Шекилу и маму. Боль утраты никогда не утихала, и в конечном итоге он решил покинуть не только Ганеш Талай, но и Кхандву и переехать в Бурханпур. Он рассказал мне, что временами сетовал на свою судьбу, теперь же был уверен, что боги над ним смилостивились, потому что я вернулся домой. Мое возвращение стало переломным моментом в его жизни. Теперь его душевные раны начнут затягиваться и груз ответственности будет разделен на двоих.

Мы вспоминали о тех тяжелых временах, которые довелось пережить моей семье после моего исчезновения. Шекила призналась, что даже боялась отдавать своих малышей в школу, – опасалась, что однажды они могут не вернуться. Но, конечно, ее страхи вызывали смех. Я размышлял и о том, почему меня называли Шеру, что на хинди означает «лев». Но в детстве я неправильно произносил свое имя, и с тех пор, как потерялся, я навсегда останусь Сару.

Мое пребывание в Ганеш Талай пробудило множество воспоминаний о моей жизни здесь; в процессе общения с родными их становилось все больше и больше. Многого я не знал, потому что был тогда слишком мал. То, что я узнал в первый день и последующие два дня, помогло мне заполнить пробелы в воспоминаниях о раннем детстве, восстановить картины жизни одного из миллионов индийских детей, родившихся в маленьком городке. Еще это помогло мне понять, как жила моя родная мать. Ее стойкость перед лицом трудностей восхищала меня.

Предки моей матери происходили из касты воинов Рахпут, а ее отец был полицейским. Ее имя – Камала – является одним из имен Лакшми, богини счастья и процветания. Я запомнил ее красавицей и до сих пор так считал, несмотря на то, что она прожила такую нелегкую, полную страданий жизнь.

Отец мой был невысокого роста, широкоплечий, с квадратной челюстью, и уже в молодости его волосы были подернуты сединой. Он всегда носил белые одежды, в мусульманских традициях, а работал строителем-подрядчиком. Когда родители поженились, ему было двадцать четыре, а маме восемнадцать.

Теперь я наконец узнал, почему практически не видел отца. Когда мне было три года, Гудду – девять, Каллу – шесть, а мама была беременна Шекилой, мой отец заявил, что взял себе еще одну жену – законы ислама

это позволяли – и бросает нас, уходит жить к ней. По всей видимости, мама не догадывалась о папиных намерениях жениться еще раз, пока он сам об этом не рассказал, поэтому для нее это стало ужасным потрясением. Отец познакомился со своей новой женой на одной из строительных площадок, где она была разнорабочей, – носила кирпичи и камни на подносах на своей голове. Мама время от времени виделась с отцом в окрестностях городка – он там жил. Его вторая жена была очень ревнивой и ни за что не пустила бы маму в дом. Наша мама была убеждена, что именно она не позволяла отцу с нами встречаться. Я не помню, чтобы он приходил нас навещать.

Мама решила не подавать на развод, хотя могла бы это сделать по законам ислама, поскольку муж ее бросил. Она оставалась женой нашего отца, несмотря на то что он давно с нами не жил и деньгами не помогал.

Она была потрясена до глубины души случившимся и сейчас называет те ужасные времена ураганом, который рвал ее жизнь на куски. Временами она была настолько в отчаянии, что не знала, где кончается небо и начинается земля. Ей хотелось умереть, она даже подумывала о том, чтобы дать нам всем яд или лечь на проходящую поблизости железнодорожную колею, чтобы ее раздавил первый же проезжающий поезд.

Именно тогда она и решила переехать в мусульманский квартал Ганеш Талай, в квартиру, где сейчас никто не живет. Она чувствовала, что ее индийская семья назад ее не примет, а вот мусульмане поддержали ее, несмотря на все обстоятельства. Я подозревал, что она сделала это и потому, что хотела, чтобы ее дети жили в более благополучном районе. Теперь, как я узнал, жители городка уже не разделены по религиозному принципу и явных границ между районами нет.

Несмотря на этот шаг, мама формально не принимала ислам до моего исчезновения и не прятала лицо, как делали некоторые ее подруги, приходившие к нам в гости. Я не помню, чтобы мне в детстве давали какие-либо религиозные наставления, хотя время от времени я посещал местную мечеть, где служил Баба. Но я помню, что однажды мне было велено больше не играть с друзьями, потому что они индусы. Мне пришлось обзаводиться новыми друзьями – мусульманами.

Самые яркие детские воспоминания об исламе у меня не самые приятные – обрезание. Не знаю, почему мне пришлось пройти этот обряд, ведь мы не обратились в эту веру, – наверное, мама решила, что лучше соблюдать некоторые местные обычаи, чтобы жить в мире с соседями, а может быть, ей просто сказали, что таковы условия нашего проживания в этом районе. Какова бы ни была причина, делали обрезание безо всякого

обезболивания, поэтому неудивительно, что это мои самые яркие и самые ранние воспоминания.

Я играл на улице с детьми, когда пришел один мальчик и сказал, что меня зовут домой. Когда я пришел, увидел, что в доме собрались посторонние, включая Бабу. Он сказал мне, что сейчас произойдет кое-что важное, и мама просила не бояться, пообещала, что все будет хорошо. Потом несколько соседей повели меня наверх, в большую комнату. Посередине комнаты стоял большой глиняный горшок, мне велели снять шорты и сесть на него. Двое мужчин держали меня за руки, еще один стал сзади, чтобы удерживать голову. Двое остальных придерживали меня за торс. Я понятия не имел, что происходит, пока не увидел еще одного мужчину с бритвой в руке. Я закричал, но меня крепко держали, пока мужчина искусно обрезал мне крайнюю плоть. Было очень больно, но боль длилась несколько секунд. Он наложил мне повязку, и мама отнесла меня в кровать. Несколько минут спустя в верхнюю комнату пошел Каллу, с ним проделали то же самое. А Гудду туда не водили. Наверно, на тот момент ему уже сделали обрезание.

Вечером соседи устроили вечеринку с угощениями и песнями, а мы с Каллу вынуждены были сидеть на крыше дома и слушать. Несколько дней нам не разрешали выходить на улицу, и в это время мы ходили в одних рубашках, без штанов, чтобы ранки зажили.

Без материальной поддержки отца нам приходилось очень туго, и мама была вынуждена найти работу. Вскоре после рождения Шекилы она пошла работать на стройку, как и новая жена моего отца. К счастью, женщиной она была крепкой и могла выполнять тяжелую работу. Платили ей очень мало – горстка рупий за то, что под палящим солнцем она с рассвета до заката таскала на голове камни. Мама работала шесть дней в неделю приблизительно за доллар и тридцать центов. Гудду тогда тоже пошел работать, и за первую долгую смену, моя посуда в ресторане, он заработал меньше чем полрупии.

Когда мы стали просить подаяние в мусульманских районах, наша семья начала питаться разнообразнее – иногда нам перепадало мясо, обычно козье или куриное. Еще я помню, что в праздники или на вечеринках мы ели одни блюда, на свадьбах и других церемониях – другие. Нередко по соседству устраивался праздник, а это означало веселье и бесплатную еду – много бесплатной еды.

Что касается одежды, мы донашивали то, что отдавали соседи. К счастью, в теплом климате не нужно кутаться во что-нибудь теплое. Достаточно простой одежды из хлопка. Об образовании речь не шла.

Школа, возле которой я раньше отирался, глядя на входящих и выходящих счастливых учеников, была приходской школой при церкви Святого Иосифа, куда до сих пор ходят местные ребяташки.

Ответственность за наше выживание была возложена на Гудду, как на самого старшего, и ему приходилось хвататься за любую работу, чтобы принести в дом хоть немного денег. Ему сказали, что можно неплохо заработать, если торговать на железнодорожной станции, поэтому он стал продавать проезжающим наборы, состоящие из зубной щетки и пасты. В результате он оказался в тюрьме, нарушив какой-то закон о детском труде. Его хорошо знали в местном полицейском участке, как и нас с Каллу, и соседских мальчишек – как ловких малых, может, даже как мелких воришек. Например, чтобы собрать немного еды, мы придумали, как проделать дыры в тюках с рисом или нутом, которые лежали на станции, ожидая погрузки в товарные вагоны. Обычно нам удавалось сбежать, иногда нам надирали уши. Подобные преступления не несли угрозы обществу, однако Гудду почему-то посадили в тюрьму, причем арестовали согласно закону, который должен был его защищать.

Через пару дней местный полицейский сообщил маме, где ее сын. Она повела всех нас в тюрьму для несовершеннолетних, внушительное здание с запутанными переходами, и стала просить полицейских освободить Гудду. Понятия не имею, что она говорила, но было очевидно, что без сына она не уйдет.

Мама воспитывала нас одна – отец окончательно нас бросил. Мои родные рассказали мне, что, когда он жил с нами, то бывал жесток, вымещал на нас досаду и гнев. Конечно, мы были беззащитны – одинокая женщина с четверьмя маленькими детьми против озлобленного мужчины. Он захотел от нас избавиться по настоянию своей новой жены и даже пытался заставить уехать из Кхандвы. Но у мамы не было денег на переезд, не было даже средств к существованию. Правда, нас поддерживали друзья, живущие в Ганеш Талай. В конечном итоге отец с женой сами уехали из этого района и поселились в пригороде Кхандвы. После этого нам стало чуть легче дышать.

Я был слишком юн, чтобы понять, что родители разошлись. Моего отца просто не было рядом. Пару раз я получал резиновые шлепанцы – мне говорили, что отец купил нам всем обувь.

У меня сохранилось единственное воспоминание о том, как я видел отца. Когда мне было четыре года, нам пришлось отправиться к нему в новый дом, чтобы посмотреть на новорожденного. Ну и поездочка выдалась! Мама разбудила нас утром, нарядила, и по невыносимой жаре

мы пошли в центр Кхандвы, чтобы сесть на автобус. Я приглядывал за Шекилой, которую измучили долгая дорога и жара. На автобусе мы ехали всего пару часов, но с ожиданием и переходами поездка заняла весь день. Когда мы вышли из автобуса, пришлось еще час идти, и когда пришли на место, наступила ночь. Переночевали мы в прихожей дома, который принадлежал каким-то маминым знакомым, – в комнатах места для нас не нашлось, но ночи стояли теплые, поэтому мы не замерзли. По крайней мере ночевали не на улице. И только на следующий день, после того как мы перекусили хлебом с молоком, я узнал, что мама с нами не идет, – ей не разрешили. Поэтому нас всех четверых повел к дому отца какой-то знакомый родителей.

Несмотря ни на что – или, возможно, просто не обращая на неудобства никакого внимания, – я обрадовался, когда увидел отца на пороге дома. Нас провели в дом, я увидел его новую жену, ребенка. Похоже, эта женщина была добра к нам – приготовила для нас обед и оставила переночевать. Но среди ночи меня разбудил Гудду: он сказал, что они с Каллу «сваливают», и спросил, пойду ли я с ними. Я хотел только одного – спать. Я проснулся от громкого стука в дверь, папа пошел открывать. Какой-то мужчина видел, как мои братья сбежали в лес. Он боялся, что на них могут напасть тигры.

Позже я узнал, почему той ночью Гудду с Каллу сбежали – им не нравилось то, что происходило в нашей семье, и в знак протеста они решили убежать от отца и его новой жены. К счастью, позже, тем же утром, их нашли живыми и здоровыми.

Но одна проблема потянула за собой другую: в тот же день, стоя на улице, я видел идущих навстречу маму и отца, и понял, что он преследует маму. За ним шли еще двое. Не доходя до меня, мама неожиданно остановилась и повернулась к нему лицом. Они ругались, громко кричали друг на друга. К ним тут же присоединились другие, одни приняли сторону отца, другие – матери. Я понял, что, скорее всего, их ссора перерастет в стычку между индусами и мусульманами. Это уже было серьезное противостояние: индусы встали рядом с мамой лицом к лицу с мусульманами, поддерживавшими отца. Напряжение нарастало, было высказано много оскорблений. Мы, дети, подбежали к матери, не зная, что будет дальше, после этих криков и толкотни. А потом отец, к моему ужасу, швырнул небольшой камень прямо маме в голову. Я стоял рядом с ней, когда в нее попал камень; мама упала на колени, из головы полилась кровь. К счастью, этот жестокий поступок, похоже, шокировал всех присутствующих и охладил их пыл. Когда мы склонились над мамой, поддерживающие обе стороны начали расходиться.

Нас на несколько дней, пока мама не поправилась, приютила одна индийская семья. Они сообщили нам, что нашего отца забрала полиция и посадила на пару дней в камеру в местном полицейском участке.

Этот эпизод сохранился в моей памяти как пример смелости мамы, повернувшейся лицом к своим преследователям, но еще и как пример беззащитности бедняков в Индии. Признаться, нам просто повезло, что люди разошлись. Маму, а может быть, и ее детей вполне могли убить.

И тем не менее, вероятно, потому, что прошло так много лет, я хотел бы повидаться с отцом. Сложно, наверное, понять зачем – я ведь его почти не помнил, а то, что помнил, приятными воспоминаниями не назовешь. Но он был частью меня самого, частью моей жизни. Иногда родные должны прощать тех, кто когда-то поступил с ними неправильно. Однако, поскольку он жил не очень близко и к тому же я не знал, захочет ли он меня видеть, я решил, что эта встреча состоится в другой раз. Тогда я своими мыслями ни с кем не поделился, а поскольку повидаться с отцом я намеревался только с благословения семьи, то понимал, что должен быть очень осторожен, поднимая эту щекотливую тему. Мы поговорим об этом, когда я узнаю всех моих родных получше.

Поскольку я много времени проводил с родней, вновь знакомился с тем местом, где родился, часто в голову приходило слово, которое все, включая меня, часто повторяют, – «дом». Неужели я наконец-то нашел свой дом?

Я не знал. После того как я потерялся, мне повезло, что меня усыновили хорошие люди, которые стали любящими родителями, и я не только жил в другом месте, но и вырос совершенно другим человеком, не таким, каким бы стал, останься я в Индии. Я не просто жил в Австралии, я считал себя австралийцем. У меня был родительский дом – дом семейства Брирли, я свил свое собственное гнездышко в Хобарте со своей девушкой Лайзой. Я знал, что там меня любят, там мое место.

Но когда я нашел Кхандву, свою индийскую семью, то почувствовал, что снова вернулся домой. Иногда просто чувствуешь: именно здесь твой дом. Меня здесь тоже любили, я был для всех своим. Раньше я об этом не думал, и объяснить подобное ощущение очень трудно. В этом городке я провел первые годы жизни, здесь жили мои родные.

Поэтому когда пришло время возвращаться в Хобарт – а наступило оно очень быстро, – было больно расставаться. Я пообещал маме, сестре и брату, что скоро вернусь. Побывав здесь, я понял, что у меня два дома, и с каждым ощущал духовную связь, пусть даже они находились в тысячах

километрах друг от друга. Путешествие, в которое я отправился, чтобы ответить на вопросы, откуда я родом, еще не закончено. Я получил ответы на многие свои вопросы, но далеко не на все. Возможно, на оставшиеся ответов нет, но я все равно буду их задавать. Одно очевидно: путешествие из Австралии в Индию и обратно, между двумя моими домами, – мне судьбой предначертано совершить еще много раз.

12. Поддержание связей

Будучи в Индии, я получил письмо с искренними поздравлениями от моей подружки Асры, которая от родителей узнала о том, что я нашел свою семью. Все эти годы, с той поры, как мы с ней прилетели в Мельбурн, наши семьи продолжали общаться. Вернувшись в Хобарт, я позвонил ей, чтобы поделиться радостью, но и помня о том, что она, к сожалению, не сможет совершить такое путешествие – ее индийские родители умерли, оставив ее сиротой. Асра очень была рада за меня и спросила, что я намерен делать теперь, наконец обретя прошлое. Меня подхватил такой вихрь эмоций с тех пор, как я вернулся в Кхандву, что я не знал, что ответить.

Я мечтал только о том, чтобы найти свой дом, если повезет – свою маму. Вероятно, я думал, что это и будет конец моей истории, но оказалось, что на самом деле это скорее начало чего-то нового. Теперь у меня две семьи, и мне придется придумать, как их совместить – разные концы света, разные культуры.

Мои родители и Лайза облегченно вздохнули, когда я вернулся. Несмотря на то что мы каждый день общались по телефону, пока я был в Индии, они боялись, что есть вещи, которые я от них скрываю. Сначала они думали, что я опять могу исчезнуть. Потом Лайза стала волноваться о моей безопасности – я находился в одном из самых бедных регионов чужой страны, и кто знает, чего там можно было ожидать. И только вернувшись, я в полной мере осознал, как мое путешествие измотало им нервы.

Однако вскоре это забылось, поскольку всем не терпелось узнать о том, как я встретился со своей семьей. Им были известны только основные факты, а сейчас хотелось узнать подробности – что мы друг другу рассказывали, что мои родные помнят о моем детстве, хочу ли еще раз туда съездить.

Казалось, они пытаются выяснить, намерен я остаться здесь или подумываю о том, чтобы перебраться в Индию. Я постарался заверить их, что, хотя эта поездка во многом изменила меня, для них я остался тем же Сару. Откровенно говоря, я не сразу сумел ощутить себя таким, каким был до поездки, и уже не мог смотреть на Хобарт прежними глазами, а не глазами бедного индийского мальчика.

Но главное, в чем я изменился и что вскоре стало очевидным для всех, – это что теперь я был человеком с прошлым, у меня была своя история, которую многие хотели бы услышать. Практически сразу после

моего возвращения со мной связались из местной газеты «Меркьюри». Репортер как-то узнал обо мне, я согласился дать интервью. И плотину прорвало. После «Эйд» из Мельбурна и «Сидней Морнинг Херальд» явились репортеры международных изданий.

Мы не были готовы к свалившейся на нас популярности, но, думаю, к такому никто не бывает готов. Иногда среди ночи раздавался звонок – с другого конца света звонили репортеры. Я понял, что мне необходима помощь, чтобы справиться с таким наплывом любопытных, и нанял секретаря. Вскоре поступили предложения от издательств и кинопродюсеров. Это было как в сказке! Я – обычный продавец промышленных труб, шлангов и креплений, я не из тех, кого пленяет свет софитов, я всего лишь искал город, где я родился, и свою семью! Когда я с наслаждением рассказывал свою историю, мне и в голову не приходило, что я стану человеком, у которого появится секретарь, а его встречи с прессой будут расписаны по часам. К счастью, родители и Лайза подставили свои плечи и у меня появилось необходимое время. И хотя я уже устал снова и снова повторять свою историю репортерам, я считал, что это в какой-то мере мой долг, потому что таким образом я могу помочь людям – случившееся со мной поразительно и может вселить надежду в тех, кто хочет найти потерянную семью, но считает это невозможным. Надеюсь, людей, оказавшихся в непростых жизненных ситуациях, вдохновит мой пример, мое стремление ни за что не сдаваться и хвататься за любую возможность, какой бы призрачной она ни казалась.

Все это время я постоянно общался со своей индийской семьей в режиме онлайн благодаря тому, что в доме их приятелей был компьютер с выходом в Интернет. Правда, они не могли использовать все его возможности – у них видеокamеры не было, поэтому я их видеть не мог, а они меня – могли, и мы разговаривали либо так, как у нас получалось, либо через переводчика. Я решил, что обязан помочь маме с компьютером, чтобы мы могли всегда оставаться на связи и видеть друг друга из разных концов мира. Сейчас, когда наша семья объединилась, я хотел занять в ней свое место: поддерживать связь, помогать заботиться о маме, моей племяннице и племянниках.

Оставалось еще много чего, о чем я хотел бы узнать, и я надеялся это выяснить в свой второй приезд в Индию. Хотя наступила зима, было тепло, а в воздухе висел удушливый дым. При такой погоде небо казалось оранжево-свинцовым, и его цвет с наступлением ночи практически не меняется.

Я поехал в Кхванду в конце Дивали, индуистского Фестиваля огней. Я совершенно забыл о нем, как и о большей части всего того, что имело отношение к индийской культуре. Индусы любят праздники, поэтому я знал, что фестиваль будет очень красочным. Дивали знаменует победу добра над злом. Неприятие зла. Люди призывают и восхваляют Лакшми, богиню счастья, изобилия и процветания, и семьи демонстрируют свое богатство перед изображением богини в домашних алтарях, благодарят ее. Все ликуют и дарят друг другу подарки, и традиционно во всех домах зажигаются маленькие керосиновые лампочки, здания украшают цветными фонариками, как в Австралии на Рождество. Повсюду вспыхивают фейерверки, и я целый день слышал грохот, когда люди запускали их, чтобы отогнать злых духов, – все небо озарялось.

Я приехал ближе к вечеру, прошелся по узким улочкам старого города, где фонтаном било веселье. Мама говорила мне, что я всегда желанный гость в ее доме, но мне кажется, она понимала, что теперь я западный человек, мне нужны простор и удобства, которые ее крошечная квартирка предоставить не могла. Я поблагодарил ее за великодушие и сказал, что мне все же лучше воспользоваться гостиницей, которая располагалась неподалеку, и каждый день навещать ее. Поэтому я оставил вещи в гостинице «Большая казарма» и на такси отправился в Ганеш Талай, к маме и остальным родственникам.

Мы проехали по подземному туннелю под железной дорогой, на улицах было оживленно, водитель высадил меня на площади возле индуистского храма и мечети – сооружения располагались в приемлемой близости друг к другу. Я отправился пешком по переулкам своего детства, чувствуя себя почти как дома.

Перед этой поездкой я пытался хоть немного выучить хинди и даже в этом преуспел, но как только со мной заговаривали, я терялся. (Я слышал, как один человек в Ютубе хвастался, что он за три дня может научить хинди, возможно, когда-нибудь я дам ему шанс попробовать, но мне кажется, что с наскака ничего не получится.)

Мама встретила меня тепло, очень обрадовалась мне. Она принимала мою «другую жизнь», хотя, если что-то и знала об Австралии, то только благодаря крикету. Когда я приезжал первый раз, проходил однодневный чемпионат между Австралией, Индией и Шри-Ланкой, и мама сказала, что после моего отъезда, когда бы она ни смотрела по телевизору репортаж из Австралии о соревнованиях по крикету, льнула к экрану в надежде увидеть меня в толпе болельщиков, которых она касалась пальцами на экране. Шекила и Каллу приехали повидаться со мной. Меня, безо всяких

оговорок, приняли в семье с распростертыми объятиями.

Мама настояла на том, чтобы мы все уселись на пластиковые стулья, потому что были ее гостями, а сама села на пол у моих ног. Нам не нужны были слова, чтобы передать, как мы рады снова видеть друг друга, но все же было здорово, что приехала Шерил, чтобы опять поработать для нас переводчицей.

И тем не менее беседа текла вяло. Часто, когда я задавал вопрос, остальные начинали переговариваться между собой на хинди, и только минут через пять я получал ответ, обычно уместившийся в одну фразу. Наверное, Шерил приходилось еще редактировать их ответы. Очень щедрая и терпеливая женщина, с хорошим чувством юмора, она тоже любила пошутить, как и моя мать, Шекила и Каллу, – похоже, это у нас семейная черта.

Я познакомился с женщиной по имени Свармина, которая говорила на безукоризненном английском. Ее тоже заинтересовала история моей жизни, поэтому она предложила свои услуги переводчика. Я сразу сказал Свармине, что оплачу ее работу, но деньги она не взяла. От ее родителей я узнал, что она обиделась, потому что я отнесся к ее предложению по-деловому, а не воспринял его как дружескую услугу. Я был потрясен ее благородством, и мы стали добрыми друзьями.

Несколько дней мы провели в мамином доме. Разговаривали, пили чай и ели обычно в компании родственников и друзей, а Свармина переводила, перебивая шум ржавого маленького вентилятора, прикрепленного к старым бамбуковым балкам потолка. Казалось, мама до сих пор переживала, что я недоедаю, хотя за двадцать шесть лет австралийской диеты я забыл, что это такое, и постоянно пыталась меня накормить.

Вкус ее карри из козлятины – одно из самых сильных моих воспоминаний детства, проведенного в Ганеш Талай. Я пробовал карри из козлятины во многих местах, от придорожных кафе до роскошных ресторанов, и без преувеличения могу сказать, что ни одно нельзя сравнить с тем, что готовит моя мама на маленькой печке в небольшой кухоньке. Какой-то секрет в подборе специй и количестве мяса, и если козлятину приготовить неправильно, волокна будут застревать в зубах, а мама довела рецепт до совершенства.

Знаю, это больше походит на типичную похвалу гордого за мать сына, но это истинная правда! Я много раз в Тасмании готовил карри из козлятины по рецепту, который получил от мамы еще в свой первый приезд, но ее блюдо было всегда вкуснее.

Во время второго визита мы много говорили о том, что моя семья никогда не теряла надежду на мое возвращение. Мама видела тело Гудду, поэтому была уверена, что он умер, но она призналась, что меня они никогда не оплакивали, потому что не могли поверить, что меня больше нет на свете. Тому, что я жив, было несколько любопытных подтверждений. Мама никогда не переставала молиться о моем возвращении, ходила к муллам и дервишам с просьбой о наставлении и помощи. Ее всегда уверяли в том, что я жив-здоров и счастлив, и, что удивительно, когда она спрашивала, где я, ей указывали на юг и отвечали:

– Он живет где-то там.

Мои родные сделали все, что могли, чтобы меня разыскать. Конечно, задача оказалась непосильной – никто понятия не имел, куда я делся. Но мама каждую сэкономленную рупию тратила на мои поиски – платила людям, чтобы меня нашли, даже сама, бывало, ездила по штату, из города в город, надеясь на хоть какую-нибудь весточку. Каллу признался, что переговорил со многими полицейскими в Бурханпуре и Кхандве, что брался за любую работу, только бы заработать побольше денег и оплатить мои поиски. Они так ничего и не узнали.

Они не могли развесить объявления «пропал ребенок», даже если бы нашли деньги на то, чтобы их напечатать, потому что у них не было ни одной моей фотографии. Оставалось только молиться.

Я стал осознавать, что в той же мере, как мои поиски направляли меня по жизненному пути, так и мамина вера в то, что я жив, направила ее. Искать она не могла, но поступила очень правильно: осталась на месте. Как-то я поинтересовался, почему она до сих пор живет в Ганеш Талай, когда могла бы переехать в Бурханпур и жить с Каллу и его женой. Она ответила, что захотела остаться рядом с тем домом, в котором жила, когда я исчез, чтобы я мог ее найти, если вернусь. Я был поражен этой мыслью. И действительно, если бы она переехала, у меня не было бы шансов ее разыскать. Ее вера в то, что я не умер, сейчас мне кажется одним из самых поразительных аспектов этой истории.

Я сам стал свидетелем стольких совпадений и удивительных случайностей, что научился их принимать и быть за них благодарным. Каллу и Шекила также признались, что бережно хранили детские воспоминания о том, как мы вместе играли, купались, – все радости и огорчения совместно прожитых лет. С самого начала поисков в Хобарте я каждую ночь перед сном представлял, как они живут в Индии. Так же, как и они, предавался воспоминаниям о тех днях, которые мы провели вместе, и пытался мысленно послать маме весточку, что со мной все хорошо, что не

забываю ее и своих родных, надеюсь, что они живы и здоровы. Неужели благодаря крепкой эмоциональной связи мы могли общаться телепатически? Звучит надуманно, но я часто сталкивался с тем, что не поддается разумному объяснению, и не могу просто отмахнуться от этой мысли. Мне кажется, что каким-то образом они получали мои послания.

Мама призналась, что однажды молилась Аллаху, чтобы он благословил нашу семью, и у нее перед мысленным взором возник мой образ. И на следующий же день я вернулся в Ганеш Талай и в ее жизнь.

В этот раз мы тоже много говорили о том, как изменились наши жизни с момента моего возвращения. Мама рассказала, что из-за моей популярности благодаря публикациям в СМИ многие родители захотели отдать за меня своих дочерей, но она заявила, что любое решение о вступлении в брак буду принимать я и только я. Я пытался ей объяснить, какие у нас с Лайзой взаимоотношения, что, хотя мы вместе, бракосочетание не входит в наши ближайшие планы. Она посмотрела на меня несколько скептически. У моих брата и сестры уже были семьи и дети; мама сказала, что ее единственное желание – чтобы я тоже обзавелся семьей до того, как она умрет, или, как она сама выразилась, до того, как она «увидит дорогу к Богу». Она хотела, чтобы рядом со мной был человек, который бы позаботился обо мне в этом мире.

И Каллу, и Шекила сказали, что хотели бы побывать в Австралии, а вот мама была слишком слаба и перелет не смогла бы перенести. Шекила добавила, что ей не нужно видеть ни кенгуру, ни Сиднейскую оперу, а очень хочется посмотреть на дом, где я вырос. Они хотели познакомиться с моими австралийскими родителями и признались, что каждый день в мечети молятся за них.

Мама однажды очень меня растрогала, сказав, что, если я когда-нибудь надумаю переехать жить в Индию, она построит мне дом, будет тяжело работать, только чтобы я был счастлив. Конечно, я хотел прямо противоположного: подарить ей дом и сделать все, чтобы она была счастлива.

Деньги в семье могут стать яблоком раздора, но я хотел поделиться всем, что у меня есть. По индийским меркам я был богачом с годовым доходом, о котором они не могли даже мечтать. Но я прекрасно понимал, что нужно действовать осторожно, потому что не хотел, чтобы из-за денег как-то усложнились или испортились наши отношения.

Мы вчетвером обсудили, как поступить лучше всего. Мама, работая домработницей, получала 1200 рупий в месяц – намного больше, чем в то

время, когда я был маленьким, но все равно это было очень мало даже для Индии. Мы придумали, как я мог бы увеличить ее доход. Когда я сообщил брату и сестре, что хочу купить маме дом, мы обсудили, захочет ли она уехать из Ганеш Талай и поселиться поближе к Шекиле или Каллу. Но ей хотелось остаться жить там, где она прожила всю жизнь. Поэтому мы решили подыскать ей что-нибудь в этом районе, возможно, даже купить и отремонтировать дом, в котором она жила.

Неизбежно возникла тема моего отца. И брат и сестра не простили его. Они не сомневались в том, что он видел что-то из публикаций или передач о моем возвращении, но оба были непреклонны: если он объявится, тут же получит от ворот поворот, что бы он ни говорил. Он бросил нас, когда мы были еще детьми и нуждались в его помощи, и они решили, что, раз он сделал свой выбор, пусть с этим и остается. Еще они обвиняли его в гибели Гудду – если бы отец не ушел из семьи, Гудду не пришлось бы выполнять опасную работу на железной дороге. На их взгляд, линии судьбы связывают смерть Гудду и мое исчезновение с тем моментом, когда он привел в наш дом свою новую женщину и познакомил ее с тогда уже беременной нашей мамой.

Но, несмотря на то что мои родные поклялись больше не иметь с ним ничего общего, ни при каких обстоятельствах, у меня подобного настроения не было. Если он раскаялся в своем поступке, я смогу его простить. Возможно, потому, что я сам когда-то действовал импульсивно, я мог предположить, что и он поступил так же, а дальше все покатило по наклонной. Я не мог ненавидеть его за то, что он совершил ошибки. Он остался моим отцом, даже если я почти его не знал, и я не мог избавиться от ощущения, что мое воссоединение с прошлым будет без него неполным.

Я всегда сомневался в том, что он вообще захочет меня видеть, но незадолго до моего отъезда я получил весточку от человека, с которым отец продолжал поддерживать отношения. Он действительно знал о моем возвращении и злился, что никто из семьи с ним не связался. В последнее время ему нездоровилось, он хотел меня видеть. Весть тут же разрешила мою дилемму – несмотря на неприязненный тон, я не мог не увидаться с ним – ведь он болен. Тем не менее времени ехать в Бхопал уже не было, не говоря уже о том, чтобы обсудить этот вопрос с родными и получить их согласие. Эту тему пока не следовало затрагивать.

С одним человеком я бы встретился с превеликим удовольствием. Это был Рочак, местный юрист двадцати с небольшим лет, который являлся

администратором группы «Кхандва: мой родной город» в Фейсбуке. Он приехал ко мне в гостиницу, было приятно наконец-то познакомиться лично. Его группа помогла мне найти свой родной дом, а с Рочаком мы проложили маршрут, чтобы я мог быстрее добраться из Хобарта, того места, где я сидел за компьютером, до Кхандвы. Фейсбук, как и «Гугл Планета Земля», помог мне воссоединиться с семьей.

Я был рад лично поблагодарить Рочака. Он тоже искренне радовался тому, что он и его друзья из Фейсбука приняли участие в этой истории, подтвердив наличие некоторых примет, как, например, фонтана и кинотеатра возле вокзала в Кхандве (как только Рочак понял, что кинотеатр, о котором я говорил, давно закрыт). К сожалению, он забыл отослать мне фотографии, подтвердить свои слова, а я не стал настаивать. Теперь Рочак признался, что осознает, что мог бы оказаться намного полезнее, если бы знал, зачем я спрашиваю, а я тогда нервничал и стеснялся рассказывать хоть кому-нибудь о том, что задумал.

Рочака не было в городе, когда разнеслась история о моем возвращении домой, но он тут же понял, что произошло нечто важное, когда вернулся домой и обнаружил, что его группа в Фейсбуке внезапно увеличилась на 150 новых членов, половина из которых не только не жили в Кхандве, но даже индийцами не были.

Ему нравилось, что Интернет объединяет людей даже из такого небольшого городка, как Кхандва, с выходцами из этих мест, разбросанными по всему свету, что «всемирная паутина» расширяет горизонты и строит отношения, которые без нее были бы невозможны. Некоторые высмеивают тех, кто общается с помощью Фейсбука, говорят, что следует искать настоящих друзей в реальном мире. Рочак очень помог мне – вне всякого сомнения, нет лучшего основания для дружбы.

Перед уходом Рочак напомнил мне одну индийскую пословицу: «Все предначертано», что означает: если уж что-то суждено судьбой, обязательно случится. Он считает, что мое воссоединение с семьей было предначертано судьбой, равно как и то, что он мне помог.

А еще Рочак помог мне сделать последний шаг, организовав машину с водителем, которая за полтора часа отвезла меня в Бурханпур, где мне пришлось заночевать, прежде чем отправиться в путешествие, пробуждающее болезненные воспоминания.

Я сел на поезд.

13. Возвращение

Оставалось сделать еще одно, чтобы меня перестали преследовать тени прошлого. Я хотел вернуться в Калькутту уже взрослым, сев на поезд на станции Бурханпур, совсем как тогда, когда меня, испуганного пятилетнего ребенка, заперли в вагоне, и проверить, какие это вызовет воспоминания.

В Индии предварительной продажи билетов на поезда не существует из-за невероятного спроса на посадочные места, количество которых ограничено. Предварительная продажа билетов должна гарантировать, что человек, сев в вагон, не обнаружит, что его место занято, и что его место никто другой не займет на протяжении всего рейса. Моя ситуация была намного сложнее: я сам не знал, куда ехать, мне необходима была помощь, чтобы выяснить, на каком поезде я смог бы проехать из одного конца страны в другой.

Первый человек, которого я встретил на станции Бурханпур, была Свармина. Тогда я только-только отошел от длинной очереди к билетной кассе и понял, что будет нелегко без знания языка удостовериться, что я еду именно туда, куда мне нужно. Я был немного растерян, так что ее помощь оказалась неоценимой. От станции Бурханпур поезда отправлялись только на северо-восток и юго-запад, и мы вместе проложили возможный маршрут до Калькутты. Сначала надо было ехать на юг до Бусавала по оживленной железнодорожной ветке. От Бусавала дорога направлялась прямо на восток страны. Но был еще один вариант: ехать на северо-восток, а потом, по дуге, на юго-восток, к столице Западной Бенгалии. По тому пути, который пролегал севернее, можно было доехать без пересадок.

Когда я увидел эти два маршрута, как будто вернулся на двадцать пять лет назад и осознал, что не до конца уверен в некоторых деталях. Я явно ошибался в одном важном аспекте. Мне всегда казалось, что я проснулся в поезде и приехал в Калькутту в один и тот же день, и ехал, по грубым прикидкам, от двенадцати до пятнадцати часов. Так я всем и рассказывал, и, откровенно говоря, этот факт лег в основу моего поиска с помощью Гугла. Но в то время добраться из Бурханпура до Калькутты можно было только одним путем – проехав 1680 километров по северной ветке. Через Бусавал дорога была бы всего на сто километров меньше. Поездка заняла бы около двадцати девяти часов. Я знал, что сел на поезд в Бурханпуре вечером, так что, скорее всего, провел в поезде еще одну ночь. Возможно, я

эту ночь проспал. Или испуганный пятилетний ребенок между приступами паники то засыпал, то просыпался и плакал, поэтому потерял счет времени. Как бы то ни было, дорога оказалась длиннее, чем я помнил.

Это объясняет, почему мои скрупулезные поиски с помощью программы «Гугл Планета Земля» так долго не давали результата. Я много времени потратил на то, что искал не в тех районах страны, но даже когда искал на востоке, границы области поисков я очертил, основываясь на меньшем временном промежутке, и эта область была намного ближе к Калькутте. Нашел я Бурханпур только потому, что по невероятной случайности вышел за пределы области своих поисков. Удалось бы мне отыскать его раньше, если бы я правильно определил время? Может быть, да, а может быть, нет. Поскольку я решил, что самый надежный способ – двигаться вдоль железнодорожных веток, отходящих от Калькутты, я бы потратил много времени на их исследование и до сих пор просматривал бы их. Мне кажется, что, как только я закончил бы с этой областью поисков, расширил бы ее и продолжал искать, и рано или поздно я бы его нашел.

Пока я гадал, на который из двух поездов садиться, возникло еще одно предположение. Я всегда был уверен, что после того, как мы с Гудду спрыгнули с поезда, я поспал на лавке, проснулся, увидел перед собой поезд и сел в него. А до того момента не покидал платформу. Когда мы приехали из Кхандвы в Бурханпур, все поезда по этой ветке почти наверняка следовали на юг и добраться до Калькутты, не пересаживаясь, было невозможно. Я вынужден был признать: либо я все же покидал платформу, где меня оставил Гудду, и тогда мог сесть на поезд, идущий в северном направлении, и оказаться прямо в Калькутте, либо я поехал на юг, а потом в какой-то момент пересел на другой поезд.

Как я уже говорил, мои воспоминания о том времени не совсем четкие, иногда у меня возникает чувство, что все происходило не так, как я запомнил. Время от времени у меня случаются озарения – хотя больше всего запомнилось, что, оказавшись в поезде, я не мог с него сойти, у меня все-таки есть обрывочное, смутное воспоминание, как на какой-то станции я спрыгиваю с одного поезда и сажусь в другой. Это воспоминание осталось где-то глубоко, отдельно от воспоминаний о моем путешествии, и я не уверен, что так оно и было. Но неужели оно означает, что изначально я направлялся на юг, а потом – когда поезд достиг конечной станции или я понял, что еду не в том направлении, – я пересел на другой поезд, чтобы вернуться домой? Возможно, в таком случае я мог доехать до Бусавала и случайно перейти на восточную ветку, по которой идут поезда в Калькутту.

Как только было доказано, что я мог пересесть на другой поезд, я стал

размышлять, по которому из двух маршрутов я приехал в Калькутту. Пересадка в Бусавале могла бы привести меня на восток, но с таким же успехом я мог сесть на поезд, который направлялся на север, к Бурханпуру, проспать остановку, а потом по северо-восточной ветке доехать до Калькутты. Возможно, поезд южного направления, на который я сел изначально, в какой-то момент, пока я спал, отправился назад, на север, или вагон, в котором я находился, прицепили к другому составу, а тот двинулся на север. Пришлось признать, что, скорее всего, я никогда не узнаю, как было на самом деле, – это так и останется для меня тайной.

Я не мог знать наверняка, поеду ли я по тому же самому пути, что и двадцать пять лет назад, а в таком случае было не важно, какую из двух дорог я выберу. Смысл был в том, чтобы проехать все расстояние и получить представление о масштабности путешествия. При этом, возможно, оживут какие-то погребенные на самом дне моей памяти воспоминания и наконец-то я успокоюсь. В конце концов я решил отталкиваться от основного воспоминания о том, что какое-то время находился запертым в вагоне, поэтому выбрал прямой северо-восточный маршрут. Если честно, отчасти и потому, что он был проще и путешествовать по нему можно было с большим комфортом – поезд выезжал из Бурханпура на заре, тогда как южный маршрут предполагал поездку до Бусавала, куда поезд прибывал глубокой ночью, а потом нужно было ждать до рассвета поезда, отправлявшегося на восток.

Я решил сесть на поезд «Колката – Мейл», который в восьмидесятых ходил по тому же маршруту, но тогда город назывался Калькутта. Маршрут начинался в Мумбаи, на западном побережье Индии, и в Бурханпур поезд прибывал в 5.20 утра – именно поэтому мне пришлось заночевать в этом городе, чтобы потом отправиться в восточную столицу. На самом деле этот поезд совсем не походил на тот, на котором я уехал пятилетним ребенком, хотя я, скорее всего, попал на ту же ветку железной дороги. По расписанию он стоял в Бурханпуре всего две минуты, за это короткое время кондуктор успевал свериться со списком новых пассажиров. Разве я мог сесть на этот поезд и заснуть до того, как он тронулся? Правда, тогда кондуктора не было. Удивительно то, что за всю поездку мне ни один не встретился. Кондукторы всегда ходят по вагонам поездов дальнего следования, именно по этой причине мне не удавалось уехать далеко от Калькутты, когда я пытался добраться домой: поскольку я избегал кондукторов, то, наверное, садился только на поезда местного сообщения. (В этом был элемент везения: если бы мне удалось уехать из Калькутты, существовала большая вероятность того, что вместо своего родного городка я бы оказался в

совершенно ином месте и ситуация еще больше усложнилась бы. Тогда бы я потерялся не один, не два, а целых три раза. Маловероятно, что, оказавшись я за пределами Калькутты, меня бы отправили в сиротский приют.)

Я не хотел в точности повторить весь свой путь, чтобы не запутываться еще больше. Поэтому с помощью Рочака и Свармины выбрал поезд «Колката – Мейл», и все встало на свои места. Когда прибыла машина, которая должна была отвезти меня в Бурханпур, я заехал попрощаться с мамой. На этот раз Свармины не было рядом (она вернулась на работу в Пун, где и проживала), но, к счастью, Шерил за чашечкой чая смогла помочь мне поговорить с мамой. Мы сделали семейный снимок, и сейчас, когда я гляжу на эту фотографию, мне кажется, что я очень похож на свою маму, как и на брата, и на сестру.

Мама и Шерил проводили меня до машины, мы прошли мимо толпы любопытных, которые собрались поглазеть на потерявшегося мальчика, который вновь покидает свою семью. Это расставание было особенно тяжелым, как будто все происходило в тот самый день, когда я потерялся. Тогда я отправлялся в подобное путешествие еще ребенком, ни с кем не прощаясь; сейчас, спустя четверть столетия, мама крепко обняла меня и все время улыбалась. И хотя для нее это было событием таким же волнительным, как и для меня, даже более волнительным, на сей раз она не боялась, что я не вернусь. Знала наверняка, что теперь мы всегда сможем найти друг друга.

Вечер я провел в летнем ресторане бурханпурской гостиницы, наблюдая за тем, как озаряют небо последние фейерверки. Я понимал, что поездка на поезде «Колката – Мейл» не раскроет всех тайн моего тогдашнего путешествия. Откровенно говоря, я нервничал перед поездкой, не зная, какие воспоминания она всколыхнет и как они на меня повлияют.

Мне посоветовали на всякий случай приехать на вокзал пораньше, поэтому, когда я ложился спать, завел будильник на 3.10 утра. Не стоило волноваться – меня разбудил стук в дверь. Когда я ее открыл, на пороге стоял молодой мужчина в военной форме, лицо его почти полностью скрывал платок; он назвался водителем авторикши, которого вызвали для меня служащие гостиницы. В гостинице не было горячей воды, поэтому я взбодрился под струей холодной, а в четыре часа уже вышел из гостиницы на темную улицу. Мы загрузили мой багаж на трехколесную рикшу и поехали по тихим улочкам, мимо новых многоквартирных домов, полностью готовых к сдаче, недостроенных и тех, строительство которых, согласно множеству цветных рекламных щитов, еще только планировалось. Подобные щиты я видел по всей Индии, и на каждом были заверения в том,

что в новом здании будет гимнастический зал, бассейн и все современные удобства, и это, как мне казалось, было свидетельством бурного развития экономики страны.

Солнце еще не взошло, и было прохладно. От волнения перед предстоящей поездкой я плохо спал ночью, поэтому прохладный воздух помог разогнать сонливость. Я видел силуэты спящих под навесами коров и сгрудившихся в кучу свиней.

Мы остановились у вокзала. На лавках сидело несколько человек, другие спали на земле, укутавшись с головой одеялом, отчего были до ужаса похожи на мешки с телами. Внутри здания вокзала ярко-красная надпись сообщала о том, что поезд на час опаздывает. А я ведь все тщательно распланировал!

У меня была теперь масса времени, чтобы осмотреть станцию, откуда началось мое первое путешествие в Калькутту. Несмотря на то что здесь почти все осталось таким, каким я запомнил, изменения все-таки были. На моей памяти скамейки на платформе были из деревянных брусков, и та, на которой я спал, не была исключением. Ганеш Талай сейчас мне показался более грязным, нежели во времена моего детства, а вот станция Бурханпур, напротив, была очень чистой, тогда как мне запомнилась грязной и замусоренной. На стене висел плакат, на котором полицейский задерживает человека, плюющего на платформу.

Я взглянул на противоположную платформу и тут же понял, что именно оттуда я уезжал, пытаясь разыскать Гудду. Наверное, я изначально поехал на юг, даже несмотря на то, что потом каким-то образом оказался в поезде, следующем по северному пути. Голова кружилась от разнообразных предположений.

Мое внимание привлек продавец чая на противоположной платформе – он заметил мой интерес. Заняться было нечем, поэтому я подозвал его: я был не прочь выпить чашечку чая. Он жестом велел мне оставаться на месте, а сам спрыгнул с платформы и перешел через пути, неся мою чашку на металлическом подносе. Только он успел взобраться на платформу, как мимо нас с грохотом промчался грузовой поезд – наводящее ужас зрелище. В Австралии поезда перед станцией сбрасывают скорость, но здесь длинные составы через определенные интервалы, громяхая, пронеслись мимо станции так, что даже платформа дрожала. Продавец чая свыкся с этим и мог очень точно рассчитать время их прибытия, но ведь можно было отвлечься, будучи чем-то расстроенным. Я подумал о том, что могло бы произойти, случись человеку ошибиться. А если это и произошло с Гудду?

Я не знал наверняка, с какой платформы уезжал и делал ли пересадку,

но передо мной возникали четкие, пусть и разрозненные, картинки самого путешествия. Как я забрался в вагон, как искал Гудду, а потом свернулся калачиком на одном из сидений и заснул. Проснулся, когда уже вовсю светило солнце, в пустом вагоне, слыша стук колес. Я помню, что по крайней мере один раз поезд остановился, вокруг не было ни души, а я не смог открыть ни одну из дверей, чтобы выбраться наружу. Я был сбит с толку и напуган, поэтому неудивительно, что потерял счет времени. Для такого маленького ребенка это путешествие могло показаться длиной в вечность.

Понемногу светало, люди все прибывали и прибывали на станцию – наверное, об опоздании поезда было известно заранее. Некоторые так закутались, как будто на улице была минусовая температура, – в таком теплом климате утренняя прохлада казалась местным весьма некомфортной. Люди тащили разнообразные чемоданы, сумки, баулы, домашнюю утварь в картонных коробках, крепко примотанных липкой лентой к поклаже. Когда стало достаточно светло, я разглядел большую водонапорную башню за станцией, которая помогла мне опознать Бурханпур с высоты. Мне повезло, что ее не снесли и не передвинули, тогда бы я никогда не узнал это место.

С наступлением утра на станцию прибыл поезд «Колката – Мейл». Он уже проехал 500 километров на северо-восток, выехав восемь часов назад из Мумбаи, что на берегу Аравийского моря. Я стоял в том месте, где должен был остановиться мой вагон, и, естественно, проводник сверился со списком пассажиров, прежде чем впустить меня в вагон, где я отыскал свое зарезервированное место. Я не собирался преодолевать те же трудности, с которыми столкнулся во время своей первой поездки, и забронировал место в купе первого класса, которое, как я надеялся, будет походило на купе в «Восточном экспрессе» Агаты Кристи. Но надежды не оправдались. В этом поезде не было роскошных купе, не было проводников в крахмальных белых униформах с золотыми пуговицами, никто не предлагал джин с тоником на серебряных подносах. Внутри вагон очень напоминал плацкартный, в котором я ехал, будучи ребенком: два места, расположенные одно напротив другого, и через проход открытое купе со скамьями, на которых можно было поспать. Вагон этого класса, конечно же, был оборудован получше, но вытертые красно-коричневые кожаные сиденья были жесткими. К счастью, мне не придется сидеть на таком сиденье всю дорогу. Согласно моему билету я мог рассчитывать на целую полку, но пока у меня, по крайней мере, было место, где я смог

расположиться.

И еще одна тайна моего первого путешествия: мой вагон был пуст с той самой минуты, как я очнулся, до самого прибытия в Калькутту. Пустой железнодорожный вагон в Индии – неслыханное дело, и тем не менее я был уверен в этом – я бы непременно обратился к кому-нибудь за помощью, даже к кондуктору. Разумеется, в других вагонах могли ехать люди, но я никого не видел. Продолжал сидеть в своем пустом вагоне, ожидая, чтобы кто-нибудь открыл дверь. Может, вагон заперли и перегоняли для ремонта? Или я каким-то образом оказался в рабочем поезде, не предназначенном для пассажиров, который вообще шел вне расписания? Если так, зачем он ехал в Калькутту?

Когда поезд дернулся и отправился, я вздрогнул, вспоминая, как это мгновение для меня, пятилетнего ребенка, знаменовало то, что я окончательно потерялся. Но я здесь, чтобы все исправить, чтобы преодолеть свои страхи: вернуться в прошлое, вновь проехать этим же маршрутом уже осмысленно, будучи взрослым мужчиной. Я намеревался вернуться в Калькутту, вновь посетить те места, где выживал на улицах, заглянуть в гости к миссис Суд и остальным из «Нава Дживан», места, где моя судьба в очередной раз сделала резкий поворот. Пока поезд набирал скорость, оставляя позади платформу Бурханпура, я окинул взглядом вагон, гадая, куда и зачем едут мои попутчики.

Когда я был маленьким, на самолетах в Индии могли путешествовать только очень важные люди: политики, магнаты с семьями или звезды Болливуда. Артериями страны были железные дороги, которые перевозили товары, людей и деньги. Поезда давали нам, жителям городков и деревень, находящихся в самом сердце сельскохозяйственных районов Индии, представление о том, как живут большие густонаселенные города. Поэтому не было ничего удивительного в том, что мы много времени проводили на железнодорожных вокзалах, наблюдая за теми, кто приезжает и уезжает, пытаясь хоть что-то заработать, продавая различные товары пассажирам, – как Гудду продавал зубные щетки и пасту, за что однажды был арестован, – или выпрашивая подаяние у прохожих. Только железные дороги связывали нас с остальной страной.

Однако поезда едут не очень-то быстро. Когда мы с Сварминой заказывали мне билет на поезд «Колката – Мейл», я узнал, что средняя его скорость – пятьдесят-шестьдесят километров в час. Мои индийские друзья из колледжа переоценили скорость поезда, что даже пошло на пользу, потому что изначальная область поиска была намного больше той, которую

я определил бы, отталкиваясь от ошибочных воспоминаний о двенадцатичасовом путешествии. Если бы я знал, насколько медленно ездят поезда, я бы гораздо позже расширил круг поисков. Я поудобнее устроился на своем месте – мне предстояло ехать тридцать часов.

Сначала большинство моих попутчиков сидели на своих местах, пытались поспать. Но через какое-то время стало слышно, как задвигались и зашептались люди, потом раздвинули занавески и стали видны пассажиры, которые проснулись и встречали новый день.

Примерно через час должен был наступить трогательный момент. Если это именно та северо-восточная дорога, по которой я ехал ребенком, я буду проезжать через свой родной город, Кхандву. Конечно, я знал, что мы двигаемся в том направлении, но въехать в город на поезде как раз в то время, когда город просыпается утром, значило вновь задать себе вопрос: а проезжал ли я здесь раньше, в пятилетнем возрасте? Если бы я тогда проснулся, то мог бы сойти с поезда и просто отправиться домой, предположив, что Гудду встретился с друзьями или нашел что-то ему необходимое. Я бы забрался в свою постель, разочарованный тем, что мы так мало с ним погуляли. И со мной никогда не случилось бы того, что случилось, – не было бы ни скитаний по улицам Калькутты, ни спасения, ни усыновления. Я не стал бы австралийцем и вы бы не читали эту книгу. Но я проспал эту двухминутную остановку в Кхандве, недалеко от того места, где, скорее всего, засыпали мои мама и сестра, и меня унесло в совсем другую жизнь.

Пока меня посещали подобные мысли, день набирал силу и шум движущегося поезда стал еще громче. Всем приходилось перекрикивать стук колес. Похоже, у каждого был мобильный телефон, то и дело слышались рингтоны – отрывки популярных песен из индийских фильмов, и все время кто-нибудь разговаривал по телефону. Все это сливалось в какофонию говора и мелодий различных стилей современной индийской музыки, включая джаз и даже то, что было похоже на индийский йодль. По вагону туда-сюда сновали коробейники, продававшие еду и напитки с таким припевом: «Чай, чай, зав-трак, ом-лет, ом-лет».

Чтобы размять ноги, я прошелся по вагонам и нашел буфет, где голые по пояс повара жарили всякие закуски из нута и чечевицы в кипящем масле и варили горы нарезанного картофеля в громадных казанах. Кастрюли и казаны стояли на кирпичях над газовыми горелками, а повара перемешивали их содержимое длинными деревянными лопатками – и все это происходило в раскачивающемся вагоне.

В «Колката – Мейл» не было ни одного вагона, который походил бы на

тот, в каком я был заперт, – с забранными решетками окнами и рядами жестких деревянных лавок. Я не мог переходить из вагона в вагон – двери выходили только на платформу, а межвагонных дверей не было. Становилось все более очевидным, что во время своего первого путешествия я оказался в вагоне, который не использовался для перевозки пассажиров, – в противном случае я бы запомнил шум, царящий в каждом вагоне индийского поезда.

Мы ехали на северо-восток, и за окном проносились знакомые пейзажи, равнинные, запыленные и, казалось, бескрайние, хотя на этот раз я не был напуган и смог разглядеть особенности местности: поля хлопка и пшеницы, в том числе и орошаемые, плантации красного стручкового перца, которые издали кажутся сплошными красными пятнами, и, конечно же, коровы, козы, ослы, лошади, свиньи и собаки. Комбайны, собирающие урожай, работали рядом с волами, запряженными в телеги. Фермеры собирали урожай вручную, складывали сено в стога. Проносились деревушки с крошечными кирпичными и оштукатуренными домиками, выкрашенными в пастельные тона, например бледно-розовый, цвет лайма, выцветшего голубого неба, со старыми крышами из черепицы терракотового цвета; казалось, что они могут вот-вот рассыпаться. Еще мы проезжали мимо маленьких железнодорожных станций, выкрашенных в кирпичный, желтый и белый цвета – цвета индийских железных дорог. Должно быть, когда я проезжал здесь в детстве, видел некоторые из них, молил, чтобы поезд на какой-нибудь из них остановился. Интересно, кто-нибудь из работающих на этих полях поднимал голову на звук проходящего поезда, видел в окне маленькое личико с вытаращенными от испуга глазенками?

Я подумал о Калькутте и понял, что скорее испытываю нетерпение, чем тревогу. Конечно же, я многое вспомню, но все же мне казалось, что это мой первый приезд в этот город. Я потерялся в Калькутте, а возвращаюсь в Колкату. Мы оба изменились, и я с нетерпением ждал встречи, чтобы понять, насколько сильно.

Сгущались сумерки, когда меня посетила эта мысль, и к тому времени, как я разложил сиденье и распаковал постельное белье, уже совсем стемнело. Я, лежа на полке, смотрел в окно и видел освещенные храмы, велосипедные фонари и огни в домах.

Поезд продолжал раскачиваться и стучать колесами по рельсам, а на меня снизошло умиротворение. Я находился среди людей, говорящих на языках, которые казались знакомыми, но которые я не понимал. Днем я поболтал с любопытным мальчиком из соседнего купе. Ему было лет

десять, и он с радостью стал практиковаться в английском, который учил в школе.

– Как тебя зовут? Ты откуда? – поинтересовался он.

Похоже, он сразу понял, что я не из Индии, несмотря на мою внешность, – возможно, дело было в одежде или в том, что я не принимал участия в разговорах на хинди или бенгали. Когда я сказал ему, что приехал из Австралии, он упомянул известного игрока в крикет Шейна Уорна. Мы поговорили немного о крикете, потом он спросил:

– Ты женат?

Когда я ответил, что нет, он признался, что я его разочаровал.

– А кто же твоя семья? – спросил он.

И я поймал себя на том, что не знаю, что ответить.

– Моя семья живет в Тасмании, но еще у меня есть семья и здесь, в Кхандве, в Мадхья-Прадеш, – наконец признался я.

Казалось, подобное объяснение удовлетворило его, и я понял, что оно удовлетворяет и меня самого.

На следующий день, ближе к обеду, мы уже подъезжали к Калькутте. Из окна я видел, как рельсы соединялись и пересекались с множеством других, следовательно, на станции Хора сходилась несколько веток. Я ездил по этим веткам пятилетним мальчишкой, но, судя по всему, мне так и не удалось сесть на поезд, который мог меня увезти из этого западного района города. Казалось, железнодорожным веткам нет числа – они увозили людей в самых разнообразных направлениях, и теперь я понял, что у меня не было шанса найти дорогу домой.

Поезд увеличил скорость, проезжая мимо переездов со шлагбаумами, где ожидали грузовики, легковые автомобили и авторикши, и все водители давили на клаксоны. Вскоре мы оказались в одном из самых больших городов мира, вместе с еще пятнадцатью, а может, двадцатью миллионами человек. На часах было 12.20, прошло ровно тридцать часов с того момента, как я выехал из Бурханпура. Поезд остановился у массивного, построенного из красного кирпича вокзала Хора, и у меня зазвенело в ушах, когда я вышел на платформу и остановился. Я узнал этот вокзал. Я вернулся.

Минуту-две я просто стоял на платформе, множество людей спешили в разных направлениях – точно так было в детстве. На этот раз толпа обтекала меня, как и любого взрослого человека, который встал бы у нее на пути, а тогда я стоял и молил о помощи, но, похоже, меня даже никто не замечал. Неужели среди всех тех людей не было того, кто мог потратить

свое время на то, чтобы помочь потерявшемуся ребенку? Но стоило ли рассчитывать на иную реакцию? В такой толпе любой человек становился невидимкой, тем более ребенок. Разве один расстроенный маленький мальчик мог кого-то заинтересовать здесь, где была ключом жизнь большого города? А если бы кто-нибудь остановился, надолго ли ему хватило бы терпения выслушивать невнятное лепетание на хинди о месте, о котором никогда не слышал?

Здание вокзала было навязчиво знакомым. Я просил здесь милостыню, спал неподалеку, целыми неделями ездил на поездах, тщетно пытаюсь выбраться отсюда. Этот вокзал стал мне домом в самый трагический момент моей жизни. Но сейчас это был просто железнодорожный вокзал, правда, очень большой и более оживленный, чем мне запомнилось. Здесь мне делать было нечего – ничего нового о своем прошлом я не узнаю.

Внутри здания вокзала я не заметил ни одного беспризорника – вероятно, теперь они куда-то переместились, – но увидел две небольшие группки ребятни, когда вышел из здания под немилосердно палящее солнце. Было в них что-то общее, отличающее их от остальных: все грязные из-за жизни на улице, лениво выискивающие возможность чем-нибудь поживиться, например оказаться поближе к тому, у кого можно попросить подаяния, а может, и обокрасть. Мог бы я когда-нибудь оказаться в такой банде? Или я был слишком осторожен либо наивен? Трудно представить, что я мог выживать на улицах в одиночку, да еще такое продолжительное время. В конце концов я стал бы одним из этих детей или умер бы.

Я поймал такси, и вскоре уже ехал в гостиницу, номер в которой мне забронировало турагентство. Гостиница оказалась высококлассной: с индийской и западной едой, барами, спортзалом и огромным бассейном. Я решил поплавать. Возле бассейна можно было отдохнуть в шезлонгах, расставленных по периметру бассейна, или подплыть к краю и полюбоваться Калькуттой, раскинувшейся внизу, – с городским смогом, царящим на дорогах хаосом и с ее нищетой.

Одна из основных причин моего приезда в Калькутту – желание встретиться с человеком, который сыграл очень важную роль в моей жизни. Как только я узнал, что миссис Сародж Суд не только жива, но и до сих пор работает в ИООУ, я договорился с ней о встрече в ее кабинете. Теперь я связался с переводчиком с бенгали и взял такси. Мы долго пробирались по улицам с сумасшедшим движением, пыльным и вонючим из-за сточных вод в канавах, которые никто не чистит.

Контора ИООУ располагалась в обветшалом здании в викторианском стиле, стоявшем на Парк-стрит среди множества ресторанов, баров, знаменитой чайной «Флорис», куда ходят посетители попробовать всеми любимые бутерброды с огурцом и пирог. Среди всей этой роскоши и изящества находится Центр спасения детей.

Я миновал офис, где чиновники за столами перебирали кипы бумаг. И тут я увидел ее, она вглядывалась в экран монитора, в окружении папок с делами, в тесном кабинете в глубине здания; старый кондиционер опасно нависал над ней. Это была она, миссис Суд. Ее кабинет выглядел точно так же, как и двадцать пять лет назад.

Глаза миссис Суд округлились, когда я вошел и представился. Мы пожали друг другу руки, а потом обнялись. Ей было уже за восемьдесят, но она сказала, что отлично меня помнит, несмотря на то что огромное количество детей прошло через ее руки с тех пор.

– Я помню твою озорную улыбку. Выражение твоего лица ничуть не изменилось, – сказала она на безукоризненном английском, широко улыбаясь.

Последний раз мы виделись в Хобарте через несколько лет после моего усыновления, когда она привезла туда еще одного усыновленного ребенка.

Она расспросила меня об обеих моих матерях, а потом попросила социальную работницу, свою коллегу Саумету Медхору, найти мое дело об усыновлении. Пока они обсуждали, где могут быть документы, я рассматривал висевшие на стене плакаты со снимками улыбающейся ребятни.

Миссис Суд тридцать семь лет проработала в одном и том же кабинете, помогая детям, испытывающим нужду. Она устроила в новые семьи более 2000 индийских детей; некоторые остались в Индии, другие уехали за океан. У нее была дочь, успешная бизнес-леди, которая говорила, что «пожертвовала своей матерью» ради усыновления детей.

Уроженка Дели, миссис Суд, получив диплом юриста, заинтересовалась вопросами усыновления. Первое усыновление она оформила в Индии в 1963 году, а через три года помогла шведской студентке, Маделейн Катс, приехавшей по обмену, удочерить девочку. Катс стала журналисткой и, когда описывала свою историю, упомянула о миссис Суд – с тех пор люди, живущие за границей, стали просить ее о содействии в усыновлении ребенка. Вот так все и началось.

Миссис Суд переехала в Калькутту, где набиралась опыта у миссионером – членом ордена, который основала Мать Тереза. Более того,

ее благословила сама Мать Тереза. У нее появились и другие влиятельные покровители – президент Национальной федерации индийских женщин и знаменитый борец за свободу и независимость Ашок Гупта. С их помощью в 1975 году она зарегистрировала ИООУ. Через семь лет организация основала сиротский приют, в котором я жил, «Нава Дживан», что означает «новая жизнь».

Миссис Суд призналась, что мое усыновление прошло относительно просто, особенно в сравнении со среднестатистическим процессом усыновления сегодня. Она сказала, что международным усыновлением теперь занимаются центральные власти, а не напрямую агентства по усыновлению, такие как ИООУ; эти меры были призваны «упростить» процедуру, но вместо этого только еще больше ее усложнили, и теперь она занимает больше времени. Я видел, что она разочарована, и знал, что мама чувствовала то же самое, – она прикладывала много усилий, чтобы сделать процедуру международного усыновления проще, после того как ей пришлось преодолеть массу бюрократических проволочек при усыновлении Мантоша. Она видела, что длительное время пребывания в приюте негативно сказывается на мальчике.

В 1987 году мама с папой, получив разрешение на усыновление, встретились с представительницей ИООУ, которая сопровождала усыновленных детей в Австралию, и она показала им мое личное дело. Они тут же согласились меня усыновить. Через две недели миссис Суд сама навестила их во время своего визита в Австралию, когда сопровождала моих друзей из «Нава Дживан», Абдулу и Мусу. Она и привезла альбом с фотографиями, который передали мне мои новые родители.

Я спросил миссис Суд, насколько необычно для семей из-за границы, усыновивших одного индийского ребенка, усыновлять второго, особенно если дети не родственники. Она ответила, что это вполне обычная практика – первому ребенку бывает одиноко, он может чувствовать себя в культурной изоляции. А бывает, что родители настолько упиваются своим счастьем, обретя сына или дочь, что хотят это повторить.

Принесли чай, и, пока мы пили, миссис Медхора вернулась с моим личным делом, и я смог увидеть подлинные документы, относящиеся к моему усыновлению. Листы немного выцвели, стали очень хрупкими и едва ли не разлетались при прикосновении. В деле имелась моя фотография, сделанная в Австралии, – прислали ее мои родители после моего приезда. Я стоял перед старомодным багги для гольфа, улыбался и сжимал клюшку для гольфа. Еще в деле имелась фотокопия моего паспорта с фотографией, на которой был снят шестилетний мальчик, пристально

смотревший в объектив. Во всех моих официальных документах стояло имя Шару – именно так меня записали, когда я пришел в полицейский участок. Это мама с папой решили, что Сару звучит более по-английски.

В деле говорилось, что мною занялись власти Калькутты после того, как я оказался в полицейском участке в Ультаданге 21 апреля 1987 года. Меня поместили в «Лилуа», центр для несовершеннолетних, где я числился как ребенок, которому требуется помощь. В «Лилуа» жили еще две категории детей – те, чьи родители нарушили закон, и те, кто сам совершил правонарушение, – мы жили все вместе.

Картина того, что со мной произошло, стала проясняться. Я всего месяц провел в «Лилуа», а потом меня отдали на попечение ИООУ после того, как 22 мая мое дело рассмотрел суд по делам несовершеннолетних. Миссис Суд регулярно посещала центр, интересовалась вновь прибывшими и, если им требовалась помощь, обращалась в суд, чтобы их отдали под временную опеку ее организации. ИООУ два месяца искало родных ребенка и либо способствовало воссоединению семьи, либо ребенок официально признавался сиротой и его усыновляла новая семья. Если найти приемных родителей не удавалось, ребенок возвращался в «Лилуа», однако ИООУ и дальше занималась его судьбой. Так было и в случае с Мантошем: организации понадобилось целых два года, чтобы преодолеть все препятствия и его смогли бы усыновить новые родители.

В моем случае работники ИООУ сфотографировали меня – это была моя первая фотография, – а 11 июня ее опубликовали в бенгальской газете с пометкой «Найден потерявшийся ребенок». 19 июня фото опубликовали в «Орийя Дейли» – популярной газете, которая выходила в штате Орисса (сейчас он называется Одиша), потому что они решили, что я мог сесть на поезд в прибрежном городке Брахмапур. Конечно, откликов не последовало – это было слишком далеко от того места, где на самом деле находится мой дом. После этого было официально объявлено, что я «потерявшийся ребенок», и формально считалось, что я сирота, так что меня можно было усыновить, на что я дал свое согласие 26 августа.

Мое дело об усыновлении семьей Брирли слушалось 24 августа, и разрешение было получено, поэтому в «Нава Дживан» я пробыл всего пару месяцев. 14 сентября мне выдали паспорт, 24 сентября я покинул Индию и на следующий день, 25 сентября 1987 года, прибыл в Мельбурн. С момента, когда подросток с тележкой отвел меня в полицейский участок, и до той минуты, когда я сошел с самолета в Мельбурне, прошло чуть более пяти месяцев. Миссис Суд сказала, что, если бы меня усыновляли сейчас, процесс мог длиться годы.

Миссис Медхора пояснила, как так получилось, что меня забрали из «Лилуа», – мне казалось, что по состоянию здоровья. А настоящей причиной было то, что я потерялся и ИООУ намеревалось воссоединить меня с родителями. Из «Лилуа» отпускали детей, если существовала вероятность того, что они вернутся в свою семью. Вскоре после того, как было принято решение о моем усыновлении, ИООУ удалось после объявления в газетах вернуть в семьи двух потерявшихся детей, находившихся в «Лилуа». Но я располагал слишком скудной информацией, чтобы организация продолжала вести целенаправленные поиски.

Откровенно говоря, никто даже не знал, что я несколько недель провел на улицах Калькутты. Сбитый с толку и, вне всякого сомнения, напуганный тем, что происходило вокруг меня, я односложно отвечал на задаваемые вопросы. Даже если бы меня спросили прямо, я бы мало что мог рассказать – я был необразован, речь моя была слишком скудна, чтобы я мог общаться должным образом. Только несколько лет спустя в ИООУ узнали, что я жил на улице, – когда мама им рассказала после того, как ей в этом признался я. Миссис Суд сказала, что они были изумлены. Многим не верилось, что пятилетний ребенок из маленького городка в одиночку мог выжить на улицах Калькутты в течение даже двух дней, не говоря уже о нескольких неделях. Мне просто невероятно повезло.

Я еще раз поблагодарил миссис Суд за все, что она для меня сделала, и, после того как мы с ней тепло попрощались, ее водитель повез меня, миссис Медхору и мою переводчицу по еще более перегруженным дорогам, мимо строящейся ветки метро, на тихую улочку с многоквартирными домами в северном пригороде Калькутты. Там теперь находился «Нава Дживан». Сиротский приют переехал, а здание, которое я знал, теперь отдали под центр для детей бедных работающих матерей.

Вначале я был убежден, что мы приехали не туда. Миссис Медхора пыталась меня переубедить, но я был уверен в своих воспоминаниях, думал, что она все перепутала из-за переездов, которые пережил сиротский приют за эти годы. Оказалось, что я не узнал второй этаж здания потому, что никогда там не бывал – дети постарше жили внизу, а малыши наверху.

Когда я спустился на первый этаж, увидел именно тот «Нава Дживан», который запомнил. Здесь отдыхали после обеда около десятка ребятишек, растянувшись на ковриках на полу. Однако этих детей в конце дня мамы забирали домой.

Осталось заехать еще в два места. Сначала мы посетили суд по делам несовершеннолетних, где меня признали сиротой. Он находился в пригороде Калькутты, в городке-спутнике со странным названием Солт-

Лейк-Сити, всего в получасе езды от самой Калькутты. Это оказалось мрачное, безликое здание, я задержался здесь ненадолго, даже заходить не стал. Вторым на очереди был центр «Лилуа». Учитывая мои, мягко говоря, неприятные воспоминания, этот визит обещал быть неоднозначным, именно поэтому, наверное, я и оставил его напоследок. Я не очень-то стремился вновь побывать здесь, хотя прекрасно понимал, что мой визит в Калькутту без посещения этого места нельзя считать завершённым.

Опять ИООУ любезно предоставило машину с водителем, мы проехали по знаменитому мосту Хора, мимо станции Хора, потом петляли по узким улочкам, пока не оказались перед внушительным зданием, почти крепостью. Когда машина остановилась рядом с ним, я вновь увидел массивные ржавые ворота, которые никогда не смог бы забыть, с небольшой дверью, похожей на люк, совсем как в тюрьме. Эти ворота казались мне в детстве просто громадными, они и сейчас смотрелись массивными. На верху высокого кирпичного забора торчали металлические штыри и зазубренное стекло.

Сейчас, как свидетельствовала надпись на входе, это был приют для девушек и женщин. Мальчиков переселили в другое место. Несмотря на это, здесь мало что изменилось: снаружи все равно находилась охрана, однако само место уже не казалось таким отвратительным, возможно, потому, что теперь я был всего лишь посетителем.

Миссис Медхора договорилась, чтобы нас пропустили, поэтому мы вошли внутрь через маленькую дверь. Во дворе мы увидели огромный пруд, который я смутно помнил. Здания казались меньше и не такими зловещими, как тогда. И все же меня охватили неприятные ощущения, хотелось как можно быстрее покинуть это место.

Для нас организовали экскурсию, я увидел те же заставленные койками большие помещения, в одном из которых я спал. Как же я мечтал вырваться отсюда! Когда я покидал центр, даже представить не мог, что однажды вернусь сюда по собственному желанию, и тем не менее я стоял здесь, осматривал это место – средоточие моих старых страхов. Но именно после посещения «Лилуа» меня наконец-то окончательно отпустила боль прошлого. Но если подумать, как еще власти могли поступить с потерявшимися или брошенными детьми? Их поселяли в такие места, где можно было обеспечить их безопасность. Детей кормили, предоставляли кров, пытались найти для них пристанище. Разумеется, такие приюты создавались не для того, чтобы сделать детей несчастными или поживиться за их счет. Но когда под одной крышей собирается много детей разного возраста, не избежать жестокости, насмешек и даже проявления насилия.

Самые лучшие намерения терпят крах, если нет возможности должным образом обеспечить охрану территории. Я вспомнил, как посторонние проникали в здание, похожее на крепость, и что на это закрывали глаза. Вне всякого сомнения, в подобных местах контроль должен быть жестче, нельзя допускать возникновения таких брешей в системе. Я благодарен судьбе за то, что выжил здесь и выбрался отсюда почти без потерь.

Осталось заехать еще в одно место – не в какое-то определенное здание, а посетить знакомую мне местность. В свой последний день пребывания в Калькутте я решил пройтись по улицам, прилегающим к вокзалу Хора. На берегу реки Хугли все еще ютились небольшие дешевые кафе и магазинчики. Это место так и осталось пристанищем для бедняков, для рабочих со скудной зарплатой, для бездомных. Здесь царила та же антисанитария, много людей жили в самодельных палатках и под навесами. Я обошел торговые палатки, вспоминая, как, бывало, вдыхал аромат фруктов, отчего рот наполнялся слюной, и запах чего-то жареного, что продавали прямо здесь, и удивлялся, как мне удавалось отделять эти запахи от вони человеческих нечистот, дизтоплива, выхлопных газов и гари от костров, на которых готовили еду.

Я хотел спуститься на берег, но территория между магазинами и водой, похоже, вся была поделена на участки, которые стали чьей-то частной собственностью. Я как раз размышлял над тем, как пройти к воде, когда заметил, что ко мне по небольшому переулку трусит несколько плешивых собак. Они стали тыкаться мне в ноги, и я решил, что не стану проверять действенность вакцины от бешенства, которую мне ввели перед поездкой. Я отошел от магазинчиков к внушительной стальной опоре моста Хора и вскоре влился в поток людей на пешеходной дорожке, которая соединяет Хору с центром Калькутты. Когда-то я оказался на другой стороне моста, пытаюсь убежать от ужасных людей из лачуги возле станции. Теперь я знал, что мост – самая яркая достопримечательность Калькутты и, вероятно, самое известное в городе место. Строительство моста в 1947 году стало одним из последних крупных проектов Великобритании до того, как Индия получила независимость.

Огромная масса людей, движущихся по мосту, поток всевозможного транспорта – все это поражало воображение. Люди толкались, спеша по своим делам. Продавцы сновали по станции с громоздкими тюками на головах, как муравьи, спешащие к муравейнику и от него. Вдоль тротуара выстроились нищие, трясущие своими жалкими железными мисками и

культями, вплетая свои монотонные песнопения в оглушающий гул, доносящийся с моста. Огромное количество людей и непрерывное движение выделяло мост как бы в отдельный район. В этой толпе я почувствовал себя настолько незначительным, как будто я вообще перестал существовать. Каким же маленьким я, должно быть, себя ощущал, будучи пятилетним ребенком!

Шум стоял оглушающий, снизу поднимался голубоватый дым, расплываясь по местности. Я читал, что в таких загрязненных городах, как Сидней или Мельбурн, продолжительность жизни снижается, поэтому могу только догадываться, насколько сокращается жизнь человека здесь, когда он дышит таким воздухом день за днем.

Не пройдя и трети моста, я остановился у перил и посмотрел на берег, на железнодорожную станцию и магазинчики, туда, где я каким-то образом выживал, будучи пятилетним мальчиком. На том месте, где я тогда прогуливался, теперь построили пристань для парома, а под мостом берега реки укрепили бетоном. Я не мог разглядеть, живет ли там еще отшельник. Я мало встречал отшельников во время поездок по Индии и не знал, что тому причиной. Может, их стиль жизни уже больше никому не интересен или же просто мне они не попадались. Для меня они становились своеобразными стражами, когда я спал рядом с ними или их святынями.

Я посмотрел на каменные ступени – гаты, как их называют в Индии, – которые спускались к стремительным водам Хугли, туда, где я дважды едва не утонул, и вспомнил о человеке, который оба раза вытащил меня из воды. Наверняка он уже умер. Но, как и тот подросток, который отвел меня в полицию, он давал мне шансы выжить. Поступая так, он ничего не выигрывал – если только в карму не верил. А я его так и не поблагодарил, смущенный и напуганный всеобщим вниманием, особенно когда он вытащил меня из воды во второй раз. Я все стоял возле перил, смотрел вниз, на свое прошлое, благодарил того человека, потом еще раз сказал ему «спасибо», когда солнце стало клониться за горизонт, и мой последний день в Калькутте закончился в дымке розово-серого тумана.

Пора возвращаться домой.

Эпилог

Невероятно, но, несмотря на то что мама с папой усыновили двух индийских мальчиков, сами они в Индии не были, однако, пока я пишу эту книгу, они строят планы поехать туда. Мама должна отправиться в Индию, так как телевидение хочет снять ее встречу с моей мамой Камалой.

Может быть, две мои семьи в будущем сблизятся – интересно, кому из них мир другой покажется более незнакомым? А еще я задаюсь вопросом: неужели мои родители, решившись на усыновление, надеялись объединить людей из разных культур?

После моего появления в Кхандве жизнь обеих семей, несомненно, изменилась, а что будет дальше, посмотрим. Конечно же, я не хочу усложнять жизнь Камале – пусть просто знает, что ее младший сын жив и здоров. Хочу сделать ее жизнь более комфортной. Первый шаг – избавить ее от груза арендной платы за жилье, и я жду с нетерпением, когда она сможет назвать своим дом, в котором будет жить.

Мои собственные желания менее ясны. Хотя все свои усилия я направил на то, чтобы найти свой родной город и семью, я при этом не рассчитывал вернуться в ту жизнь, которой когда-то лишился. В прошлом ничего не исправить, даже если я вернусь туда, откуда я родом. Я не индеец. Я почти всю свою жизнь прожил в Австралии, и у меня такие связи с усыновившей меня семьей, которые ни изменить, ни разорвать. Я хотел знать, откуда я родом, иметь возможность взглянуть на карту и указать на то место, где родился, – и пролить свет на обстоятельства моего прошлого. Я, не страшась разочарований, пытался найти свою индийскую семью, чтобы мои родные узнали, что со мной случилось. Мою связь с ними тоже не разорвать, и я благодарен судьбе за то, что эта связь восстановлена.

Теперь я твердо знаю, кто я и что считаю своим домом. У меня две семьи, а не раздвоение личности. Я Сару Брирли.

И тем не менее мой повторный визит в Индию, наблюдение за тем, как живут мои брат, сестра и мама, снова стали для меня потрясением. Я смотрю на них и восхищаюсь тем, что они посвятили свою жизнь семье и для них очень важны семейные отношения. Сложно объяснить словами, но я чувствую, что мы, живущие на Западе, в своих безликих пригородах, утратили что-то очень важное. Я не религиозен, однако мне хочется больше узнать о традициях и верованиях моей индийской семьи, понять, смогут ли они меня направить на путь истинный.

Еще я счастлив, что познакомился со своей племянницей и племянниками, надеюсь, что стану частью их жизни и предоставлю им все имеющиеся у меня возможности.

Если бы я не потерялся, если бы в ту ночь не увязался за Гудду или если бы каким-то образом мне удалось вернуться домой, моя жизнь, конечно же, сложилась бы совершенно по-другому. Многих страданий удалось бы избежать. Моей маме не пришлось бы пережить потерю двух сыновей, один из которых трагически погиб, и я никогда бы не испытал боль разлуки, липкий страх, который охватывал меня в поезде и на улицах Калькутты. Но пережитое мною, вне всякого сомнения, закалило меня, вселило уверенность в важность семьи – как бы она ни создавалась, веру в то, что на свете много добрых людей. А еще я понял, что необходимо хвататься за любую представившуюся возможность. Я не хотел бы ничего из этого лишиться. Однако правда и то, что моя индийская семья никогда бы не имела таких возможностей, если бы не случилось то, что случилось. Я свято верю в то, что сама судьба объединила две мои семьи, а я стал между ними связующим звеном.

Я знаю, что мои мама с папой не желали бы себе жизни без меня и Мантоша. Я несказанно благодарен им за любовь – и жизнь, которую они мне подарили, и восхищаюсь их готовностью помогать тем, кому меньше повезло. Уверен, что в результате того, что я нашел свою индийскую семью, моя австралийская семья станет мне еще ближе и связь между нами будет только крепнуть.

Когда я рассказал Мантошу, что нашел своих родных, он искренне за меня порадовался. Нам кое-что стало известно о его семье, к сожалению, разрушившейся, и Мантоша вдохновило мое воссоединение с моей индийской семьей. Несмотря на болезненные воспоминания детства, у него вновь возникло желание попытаться связаться со своей индийской матерью. Мы не были уверены, что это возможно, но мне бы очень хотелось, чтобы мой брат ощутил такое же умиротворение, что и я.

Я поделился своей радостью с Асрой, моей подругой еще со времен «Нава Дживан» и нашего совместного путешествия в Австралию. Наши семьи подружились, мы часто перезванивались, временами ездили друг к другу в гости. Повзрослев, мы немного отделились, как это часто бывает, но мы поддерживаем связь, делимся новостями о работе и вообще о жизни. Есть такие вещи, которыми я могу поделиться только с Асрой. Я считаю, что мне очень повезло иметь такую подругу.

Оглядываясь назад, я вспоминаю, как заново открывал для себя

Кхандву, сначала с помощью «Гугл Планета Земля», понимаю, что мог бы подойти к решению проблемы по-другому и, вполне вероятно, намного быстрее нашел бы то, что искал. Следовало более скрупулезно исследовать города и поселки с названиями, похожими на Бурханпур, и внимательнее отнестись к тем, что расположены довольно далеко от Калькутты. Вполне вероятно, что, более тщательно все проанализировав, я сузил бы круг поисков и быстрее попал бы в нужное место. Я мог бы также не исследовать все железнодорожные ветки, а только те, возле которых находились города с названиями на букву «Б». Но я педантично изучил все маршруты, начинающиеся на станции Хора в пределах весьма приблизительно очерченной области. Впрочем, моим методам не откажешь в железобетонной логике. Может быть, я бы нашел Кхандву быстрее, а может быть, нет.

Но я поступил по-другому – выбрал вариант, который в то время казался мне лучшим. Я ни секунды не жалею о том, что все так обернулось, за исключением трагической гибели брата. Я поражен удивительными поворотами моей судьбы и с трепетом вспоминаю о том, что мамино видение подтолкнуло ее к усыновлению детей из другой страны, о молитвах моей индийской мамы и о том, что мой образ явился ей за день до нашего воссоединения. По поразительному совпадению в школу я ходил в городке под названием Хора. Действие неких сил, влияющих на нашу жизнь, находится за гранью моего понимания. Пока я не намерен все объяснять религиозными верованиями. Из маленького мальчика, потерявшего семью, я превратился в мужчину, имеющего сразу две семьи. Вероятно, все должно было случиться так, как и случилось. И я действительно так считаю.

Благодарности

Я хочу выразить глубокую благодарность обеим моим семьям за то, что позволили вплести свои истории в канву моего повествования, за их сердечную поддержку и помощь в написании этой книги. Еще хочу поблагодарить Лайзу за ее любовь и терпение во время этого процесса.

Я в неоплатном долгу перед Сародж Суд, принявшей такое участие в моей жизни и помогавшей мне в написании книги, как и перед Сауметой Медхорой. Еще хочу сказать спасибо Шерил и Рочак за оказанную помощь, и в особенности Свармине за то, что она уделила нам столько времени, и за дружбу.

И наконец, хочу выразить благодарность Эндри Фрейзеру из «Санстар Интертейнмент» за наставления, и Ларри Батттроузу, Бену Боллу и Майклу Нолану из «Пенгвин».

notes

Примечания

1

Индийское жилое строение, многоквартирный дом.

2

Разменная монета Индии, Непала, Пакистана, одна сотая рупии.

3

Дал – традиционный индийский пряный суп из разваренных бобовых.

Гулабджамун – традиционное блюдо индийской кулинарии. Жареные сладкие шарики с сухим молоком в сиропе.

Ладду – десерт из гороховой муки и топленого сливочного масла, с орехами, кокосовой стружкой, корицей, кардамоном и мускатным орехом.

Уитлем, Гоф Эдвард (*англ.* Edward Gough Whitlam, 1916–2014) – австралийский государственный деятель, двадцать первый премьер-министр страны. Во время нахождения у власти правительство Эдварда Гофа Уитлема провело ряд политических и экономических реформ.

В рамках Национальной системы образования действует сеть профессионально-технических колледжей, обеспечивающих также возможность повышения квалификации, TAFE (Technical and Further Education).

Город Мумбаи до 1995 г. назывался Бомбеем, Кóлката до 2001 г. называлась Калькуттой.